

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Власть и элиты

Power and elites

Том 7
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2020

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.М. Флягин, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Flyagin, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Элиты России

<i>Шентякова А.В.</i> Консолидация российской элиты как фактор государственной политики идентичности	5
<i>Тев Д.Б.</i> Члены Правительства и депутаты Государственной Думы РФ: карьера в бизнесе после ухода с должности	22
<i>Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.</i> «Развилка» 1996 года и российские региональные элиты: гипотетические сценарии трансформации	46
<i>Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б.</i> Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера.	76

Город и власть

<i>Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Рябова О.А.</i> Моногорода Среднего Урала: власть, лидерство, эффективность	123
<i>Пустовойт Ю.А.</i> «Бумеры» и «миллениалы» в зеркале мобилизационной повестки сибирских городов.	163

Власть и гражданские инициативы

<i>Гольбрайх В.Б.</i> Социальные сети как ресурс для институционализации общественного движения (на примере конфликта вокруг строительства мусорных полигонов в Архангельской области)	183
<i>Горбачева К.И.</i> Манипуляции общественным сознанием в экологическом конфликте на Куштау	204
Сведения об авторах	232

CONTENTS

Russian elites

- A. Shentyakova.* Consolidation of the Russian elite as a factor of state identity policy 5
- D. Tev.* Members of the government and deputies of the State Duma of the Russian Federation: careers in business after leaving office 22
- D. Zhukov, D. Seltser.* The bifurcation of 1996 and Russian regional elites: hypothetical scenarios of transformation 46
- A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka, N. Kolesnik, A. Nevskiy, D. Tev.* Regional political elite: careers and pool of recruitment. 76

Cities, towns and power

- A. Chirikova, V. Ledyayev, O. Ryabova.* Monotowns of the middle urals: power, leadership, efficiency 123
- Yu. Pustovoyt.* “Boomers” and “millennials” in the mirror of the mobilization agenda of Siberian cities 163

Power and civic engagement

- V. Golbraih.* Social networks as a resource for the institutionalization of social movement (on the example of the conflict around garbage conflicts in the Arkhangelsk region) 183
- K. Gorbacheva.* Manipulation of public opinion in environmental conflict in Kushtau 204

- Contributors** 232

ЭЛИТЫ РОССИИ

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.В. Шентякова

(anna_pedagog@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шентякова А.В. Консолидация российской элиты как фактор государственной политики идентичности // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 5–21.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1>

Аннотация. Государственная политика идентичности — одно из стратегических направлений внутренней политики, целью которой является формирование и поддержание стабильного и единого символического пространства в обществе. Методологической основой работы выбран конструктивистский подход, который позволяет включать политические элиты, социальные группы и институты в контекст анализа. Метод сбора информации — экспертные интервью. Анализ собранных данных позволил выделить основных субъектов государственной политики идентичности и определить степень их включенности в процессы. Элита выступает в качестве ключевого субъекта в разработке и реализации государственной политики идентичности. Обосновывается значимость проблемы консолидации российской элиты, которая сохраняет свою актуальность на протяжении всего постсоветского периода. Одним из условий успешности проводимого курса по формированию сплоченного солидарного общества эксперты выделили фактор консолидации элитных групп и достижение ценностного консенсуса между властью и обществом. Проводится анализ зарубежной и отечественной научной литературы по вопросам консолидации и сплоченности элиты. Анализируются характер и степень консолидации российской элиты, подчеркивается особая

роль в этом процессе административного сегмента федеральной элиты. Выявляется связь между степенью институционализации и достижением ценностного консенсуса внутри элиты. Отдельно рассматривается вопрос консолидации российского общества в целом. Обозначается проблема социального неравенства как фактор, тормозящий демократические процессы в сфере политики идентичности. Рассматривается фактор лидерства как один из ресурсов для выстраивания диалога между государственной властью и институтами гражданского общества.

Ключевые слова: консолидация элит, взаимодействие элиты и общества, политика идентичности, ценностный консенсус, институционализация элиты.

В последние десять лет в отечественной политической науке в связи с проблемами конструирования общероссийской гражданской идентичности, которая рассматривается как один из наиболее важных факторов консолидации общества, активно разрабатывается и обсуждается категория «политика идентичности». Государственная политика идентичности является одним из стратегических направлений внутренней политики, цель которой — формирование и сохранение единого символического пространства в обществе. «В действительности все современные государства в той или иной мере проводят “политику идентичности”, направленную на интеграцию стоящих за ними сообществ, поощрение солидарности, формирование определенного представления о Нас, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры» [Малинова 2010: 91]. Существуют различные подходы к трактовке понятия «идентичность», но в настоящее время доминирует конструктивистский. Методология конструктивизма рассматривает процесс конструирования идентичности в качестве условия построения эффективной коммуникативной базы и консолидации представителей различных политических, культурных и этнических групп [Брубейкер 2012]. Одна из авторитетных российских исследователей И.С. Семеновко определяет политику идентичности как деятельность государства и других субъектов политического процесса, направленную на формирование совокупности ценностных ориентиров, практик. Ее целью является формирование и поддержание национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, ориентиров развития национального сообщества и идентичностей групп и сообществ внутри него. Эта сфера становится объектом государственной политики и деятельности различных акторов, так или иначе задействованных в по-

литическом процессе [Фадеева 2016: 175]. В рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы»¹ политика идентичности рассматривалась как комплекс мер, решений и программ со стороны государства для поддержания определенного уровня консолидации общества и стабильности политического режима. «Точнее было бы определить современные стратегии нациестроительства шире, как политику консолидации живущих на одной административной территории людей в институциональных формах единого сообщества» [Семененко и др. 2017: 59]. Такая трактовка обуславливается возрастанием рисков, связанных с проблемами социального расслоения, снижением уровня легитимности власти как отдельных политических лидеров, так и политических институтов в целом.

В ходе выполнения проекта была проведена серия экспертных полуструктурированных интервью, вопросы в гайде формулировались в открытой форме. Выбор метода сбора информации был обусловлен тем, что техника глубинного нестандартизованного интервью позволяет задавать вопросы, менять последовательность тематических блоков по ходу интервью в зависимости от естественного хода беседы. Подобный вид интервью предполагает общую форму плана беседы, в рамках которой может варьироваться последовательность вопросов и блоков вопросов. Всего было проведено 23 экспертных интервью с наиболее авторитетными российскими учеными в области политики идентичности и символической политики. Выборка была построена методом «снежного кома» и включала докторов и кандидатов преимущественно политических, исторических и социологических наук, являющихся ведущими специалистами в России по исследуемой теме. Все интервью были проведены в течении трех месяцев, в качестве интервьюеров выступали два члена исследовательской группы, которые имели большой опыт работы в сфере качественных методов сбора информации.

Одним из аспектов изучения процессов конструирования идентичностей является определение основных субъектов и факторов, влияющих на результативность принимаемых решений в этой сфере. В отече-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

ственной политической науке наиболее значимыми агентами политики конструирования идентичностей признаются властные элиты федерального и регионального уровней. Большинство экспертов (около 90 %) отмечали, что именно властные элиты — один из наиболее влиятельных и заинтересованных субъектов, который располагает необходимыми ресурсами. Другие участники, среди которых назывались экспертное сообщество, общественные организации, интеллектуальная элита, СМИ, значительно уступают лидерские позиции.

Влиятельность субъектов определялась экспертами не только по объему ресурсной базы, но и по включенности в эти процессы на постоянной основе. Институты гражданского общества, профессиональная и символическая элиты, СМИ функционируют в диапазоне возможностей, задаваемых политическими акторами. Они не оказывают постоянного и систематического влияния на процессы консолидации общества и выполняют вспомогательную роль. Таким образом, политико-административные элиты признаются одним из наиболее влиятельных субъектов разработки и реализации курса политики идентичности. «В данном случае политика идентичности рассматривается скорее как одна из разновидностей политического курса (policy), проводимого политическими, экономическими или культурными элитами, нежели как борьба отдельных социальных групп за признание» [Цумарова 2012: 11]. Процессы глобализации, пандемия коронавируса, кризис в экономике способствуют актуализации вопроса о способности элиты предложить такой внутривластный курс, который позволил бы сформировать и поддержать определенный уровень единства и сплоченности в обществе. Необходимо отметить, что в таких условиях национально-государственная, этническая, гражданская идентичности как конструкты могут рассматриваться властными элитами в качестве ресурса для укрепления легитимности и стабильности политического режима. Таким образом, элита, выполняя функции одного из ключевых субъектов формирования и реализации государственной политики идентичности по необходимости, остальных участников этого процесса не рассматривает в качестве полноправных партнеров и использует только в качестве дополнительного ресурса легитимации принимаемых решений, программ, документов.

В условиях новых геополитических и экономических рисков способность властной элиты удержать позиции и контроль над ресурсами зависит от двух составляющих: степени сплоченности внутри элиты

и взаимодействия между элитой и обществом. Оба компонента равнозначны по важности и силе влияния на результативность мер в русле политики идентичности.

Анализ текстов экспертных интервью позволил выделить два фактора, от которых зависит качество и результативность политики идентичности, — *субъектный* (акторы) и *институциональный* (взаимодействие и диалог всех участников реализации политики идентичности). В статье основное внимание будет уделено первому фактору. Субъектный фактор условно можно разделить на несколько элементов. Первый элемент затрагивает степень конфликтности/сплоченности внутри элиты. Дж. Хигли в соавторстве с Я. Пакульским рассматривает трансформацию элит в двух плоскостях — в зависимости от степени сплоченности и степени дифференциации элиты [Higley, Pakulski 2000]. Под сплоченностью элиты понимается наличие единых ценностей, разделяемых большинством представителей элиты данной страны. При этом сплоченность может основываться на культурно-идеологическом базисе, либо на принятии представителями элиты единых согласованных правил игры, в рамках которых возможно ненасильственное разрешение конфликтов между различными элитными группами. Единство элит проявляется в степени ее интегрированности. Под дифференциацией понимается степень независимости (автономности) элиты от других, более массовых социальных групп, а также степень неоднородности самой элиты, наличие в ее составе элитных подгрупп, предлагающих обществу различные ценностные ориентиры и конкурирующих между собой в процессе выработки политических решений [Burton, Gunther, Higley 1992: 1–37; Higley, Pakulski, Wesolowski 1998: 1–33; Burton, Higley 2001: 181–199; Higley, Hoffmann-Lange, Kadushin, Moore 1991: 35–53].

Согласованность и выработка единого вектора в действиях при разработке и реализации символической политики, по мнению экспертов, важный компонент. *Эффективным результатом политики идентичности, который приводит к эффективности всех мер в целом, является степень согласованности позиций элит относительно тех ценностей, которые в рамках этой политики могут быть реализованы. Примером могут быть Кабардино-Балкарская Республика и Республика Адыгея. Вот здесь фактор согласования. Консолидации элит относительно того, кто есть мы, каково наше прошлое, каковы наши перспективы, что надо делать здесь и сейчас, для того чтобы наши ценности объединяли не только нас, но и молодежь и мы как сообщество суще-*

ствовали? И в том, и в другом случае. В Адыгее, например, это оказалось значимым эффектом, показывающим, что да, это эффективно. И в Кабардино-Балкарии несогласованность оказалось фактором, определяющим большую часть проблем в реализации собственно этой политики, что существенно повлияло на политический процесс, на социальные конфликты в республике в том числе (интервью с экспертом № 7). Во всех постсоветских государствах элиты находятся в поиске ценностей, консолидирующих общество, что обусловлено функцией стабилизации и институционализации, которую вынуждены осуществлять властные группы в любом обществе. «Эта группа ответственна за поддержание базовых для данного общества институциональных порядков. Другими словами, она выполняет институционализирующие и деинституционализирующие (когда необходимы институциональные реформы) в обществе функции» [Дука 2009: 127]. Для выполнения данных функций важным индикатором является уровень институционализации самих властных групп. Проблема институционализации элит в странах, проходящих постсоветскую трансформацию, остается актуальной темой научных исследований (см., например: [Быстрова и др. 2019; Дука 2017; Лапина 2017; Щербакова 2017]). Анализ каналов и механизмов рекрутирования, карьерных путей представителей властной элиты позволил говорить, что определенный уровень институционализации по структурному параметру был достигнут «В более общем плане со стороны внешнего наблюдателя процесс институционализации и трансформации новых властных групп может быть рассмотрен в трех аспектах (измерениях): институциональном, структурном, персональном» [Дука 2017: 17].

В рамках изучения вопросов, связанных с темой институционализации элит, большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей подчеркивают важность культурно-ценностного фактора «Культура является необходимым элементом институционализации ввиду ее интерпретационной функции» [Дука 2009: 127]. Западный исследователь Дж. Хигли выделял важность наличия единых ценностей, разделяемых большинством представителей элиты данной страны. При этом внутренняя сплоченность может основываться на некоей идеологической, религиозной или национальной доктрине [Хигли 2008]. Но российский сценарий консолидации власти основывался на максимальной концентрации ресурсов и полномочий, сопровождая этот процесс централизацией бюрократического контроля: «Унифицирующая консолидация ориентирована на создание однородного политического

и идеологического пространства. Она основывается на монополизме власти и социально-патерналистских ориентациях населения» [Дука 2010: 10]. В этом направлении принят ряд решений, которые были направлены на снижение уровня внутривластных рисков и достижение минимального консенсуса между представителями отдельных элитных групп. Впервые этот вопрос президент В.В. Путин поставил в послании Федеральному собранию в 2003 г. В апреле 2005 г. глава Администрации Президента Д.А. Медведев заявил: «Если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство... Российская элита сейчас разобщена, а борьба представителей этой элиты между собой создает риск распада страны» (Медведев 2005).

Приход к власти В.В. Путина и выбранный новым президентом внутривластный курс на преодоление разобщенности элиты в 2000-е годы позволили достигнуть в этом направлении определенных успехов. Процесс усиления федеральной элиты происходил за счет построения вертикали власти и консолидации региональных элит, которые вынуждены были заключить «пакт» с федеральным центром — в обмен на политические привилегии они получили доступ к федеральным ресурсам. «Этот процесс сопровождался существенным урезанием властных возможностей практически всех элитных групп в пользу федеральной бюрократии и позволил сформировать единое элитное пространство, что было обеспечено практикой “переназначения” глав субъектов и снизило уровень оппозиционности и автономии региональных элит» [Мохов 2010: 38]. Эксперты делали вывод, что консолидация элит проходила по вертикальному сценарию «сверху». В то же время отечественные исследователи отмечали особую роль бюрократии в процессах российской трансформации 2000-х годов. Например, В.П. Мохов говорит, что «главным содержанием этой эпохи стала консолидация элит под руководством государственной бюрократии» [Мохов 2008: 65]. Достижение консенсуса всех элитных групп с административной элитой происходило на условиях обмена ресурсов на государственную поддержку. Таким образом, консолидация элит проходила по вертикальному сценарию — «сверху». Для формирования формального консенсуса политических элит в ситуации, когда естественные процессы не успевали привести к выработке ценностного консенсуса «снизу», такой сценарий рассматривался в качестве своеобразного инструмента власти для сплочения правящего класса «сверху».

В результате сформировалась консолидированная элита во главе с бюрократией. «Возможно, не желая того, Путин становится лидером

консолидировавшейся бюрократии, поскольку именно он помог ей вернуть себе прежнюю роль» [Мохов 2010: 65]. Передача элитными группами властных ресурсов доминирующему актору, навязывающему им свои условия в обмен на гарантии сохранения влияния, положения, капитала, позволило некоторым исследователям сделать вывод о «навязанном консенсусе». Таким образом, можно сделать вывод, что в качестве культурно-ценностной основы внутриэлитного взаимодействия выступает система норм, правил, целеполагание и выбор возможных путей решения с отбором доступных ресурсов, характерные для бюрократического мышления и стиля управления. Как отмечают Г. Кербо и Л. Фэйв, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследование показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим это направление исследования» (цит. по: [Быстрова и др. 2019: 36–37]).

В современных условиях информационного общества государство не может выступать единственным актором формирования государственной или национально-государственной идентичности, в обществе сформировался запрос на эффективное взаимодействие институтов власти с институтами гражданского общества и гражданскими активистами-лидерами. Политика идентичности включает в себя комплекс мер в системе образования, науки, культуры. Эти сферы требуют широкого кругозора, плюрализма мнений, готовности к диалогу, способности договариваться с различными НКО и институтами гражданского общества как с равноправными партнерами, гибкости и адаптивности. Структура и функционал сегодняшних административных органов власти предполагает совсем другие качества и потенциал человеческого капитала, что значительно снижает возможность выработки консолидирующей системы ценностей, которая необходима для разработки продуманной и сбалансированной политики идентичности. Борьба за экономические ресурсы и несогласованность действий между федеральными и региональными органами власти в процессе реализации мер политики идентичности зачастую нивелируют положительный эффект от принимаемых решений и провоцируют конфликты на национальной и конфессиональной почве. В связи с этим на первый план выходит достижение ценностного консенсуса между элитными группами. «Консенсусно объединенная элита хороша тем, что нормы и правила, разделяемые такими элитами, встраиваются в политические институты и политическую культуру» [Загородников 2010: 58].

Второй компонент субъектного фактора затрагивает классическую парадигму дихотомии «элита — масса». Поиск возможности сплотить российское общество и примирить его с последствиями распада советского государства для властной элиты сохраняет актуальность на протяжении всех последних 25 лет. В поле публичной политики тема консолидации как приоритетной задачи сохранения государственности активно продвигается с начала 2000-х годов. «Тема консолидации занимала одну из ключевых позиций в политическом дискурсе В. Путина с самого начала его прихода к власти. Одной из центральных тем первого президентского послания Путина становится консолидация общества. Объем внимания к данной теме в послании 2000 г. составляет 18,4 % от его общего объема. В последующие годы репрезентация данной темы варьируется от почти полного ее исчезновения в 2001 и 2002 гг. (когда объем внимания составил 4,21 и 3,24 % соответственно) до всплеска в 15,7 % в 2003 г. В период третьего президентского срока В. Путина тема консолидации сохраняет в политическом дискурсе довольно прочные и стабильные позиции. Если в предыдущие два срока объем внимания к данной теме в посланиях президента сильно варьировался в разные годы от 2 до 18 %, то с 2012 по 2014 г. степень ее представленности держится приблизительно на одно и том же уровне — около одной десятой от общего объема выступления» [Захарова 2016: 33]. Таким образом, можно сделать вывод, что проблема солидарности российского общества решена не была, поиск объединяющих идей, целей и идеалов сохраняет свою важность.

Одной из сфер, которые тормозят выработку единого символического пространства, многие исследователи называют социально-экономические проблемы и порождаемое ими социальное неравенство. Значительная доля населения страны считает, что результаты приватизации и распределение доходов несправедливы и не способствуют развитию и процветанию страны в целом «Особенности социально-политических рисков устойчивого развития российского общества заключались в том, что большинство россиян не видели в лице государства последовательного выразителя и защитника своих интересов» [Левашов и др. 2018: 91]. Для формирования символического единства общества и власти это серьезный и неблагоприятный фактор, который существенно нивелирует возможные положительные эффекты от программ и проектов политики идентичности. Исследователи рассматривают сплоченность региональной элиты как важный показатель успеш-

ности социально-экономической политики: «Успех региона возможен, если элиты не только политически консолидированы, но и объединены вокруг предложенной исполнительной властью стратегии социально-экономического развития, способной коренным образом преобразовать образ региона как хозяйствующего субъекта федерации» [Градецкий, Скоробогатый 2015]. Это важный момент, так как стратегии и программы социально-экономического развития в регионах способствуют снижению остроты проблемы социального неравенства, что, в свою очередь, создает более благоприятный социальный фон и институциональную базу для продвижения проектов политики идентичности.

Третий элемент субъектного фактора связан с социальной мобильностью и открытостью каналов рекрутирования. Для сохранения занимаемых позиций и ресурсов представителям элиты необходимо обеспечить определенный уровень легитимности государственных институтов власти, что невозможно без электоральной поддержки и социального ресурса для обновления кадров. Для решения этих задач необходимо включение в политические процессы как неформальных политических лидеров и представителей НКО, так и лидеров общественного мнения. Представляется, что одним из инструментов для повышения уровня сплоченности и солидарности между властью и обществом может выступать институт лидерства. «Идущие в российском обществе процессы формирования новых социальных солидарностей и идентичностей демонстрируют высокий уровень влияния института лидерства, когда речь заходит о том, что импульс общественной самостоятельности и активности задается отношением и восприятием и к общенациональному лидерству, и к лидерству на уровне неформальных общественных структур и локальных сообществ» [Волков, Гурба 2018: 16].

В связи со значительным ростом бюрократизации всех сфер общественной жизни и усилением позиций административной элиты в обществе сформировался запрос на лидеров, не связанных с властными институтами. Характер взаимодействия лидеров и элит — существенный аспект, который характеризует способность элиты к диалогу с другими акторами. «Изучение способов влияния лидеров и элит друг на друга является одной из узловых проблем политического анализа. Мало кто станет отрицать, что это влияние обоюдное» [Хигли, Пакульский 2008: 68]. Роль таких лидеров-активистов в символическом пространстве смыслов, идей, ценностей и самоопределений достаточно высока. Способность выступить как представитель некой группы людей,

объединенных общими целями и идеями, нести ответственность перед членами группы за предпринимаемые шаги, оказывается востребованной в общественном сознании. Такие лидеры формируются в основном на локальном уровне для решения рутинных, бытовых проблем. Они выступают в качестве связующего звена между социальными группами и органами власти. «Институт лидерства в российском обществе понимается как коридор возможностей диалога общества и власти на основе организационно-нормативного, символического (авторитет и доверие) и профессионально-управленческого ресурсов» [Волков, Гурба 2018: 18–19]. Эти люди стремятся создать площадки для налаживания диалога и взаимодействия между общественными организациями и органами власти различного уровня. Вместе с тем эксперты подчеркивали слабый уровень институциональной включенности таких лидеров. Деление гражданского общества на «своих» и «чужих» по-прежнему сохраняется, поэтому следует отметить, что государственные органы с недоверием относятся к институтам гражданского общества, неподконтрольным властным структурам. «В любой несанкционированной активности, особенно касающейся политической сферы, государство видит покушение на свою монополию властвовать и распоряжаться ресурсами» [Макаренко 2016].

ВЫВОДЫ

Достигнутый уровень консолидации и внутриэлитного консенсуса не переходит на следующий уровень — ценностный. Централизация и избыточная концентрация ресурсов у представителей административной элиты негативно влияют на возможность построения конструктивного диалога в отношениях с остальным элитным группами и институтами гражданского общества. Скрытые и явные конфликты внутри политико-административной элиты, отсутствие в ее рядах единства по вопросу об отношении к ключевым компонентам образа «мы — государство», низкий уровень авторитета элиты в глазах общества, конкурентная борьба за различные экономические, организационные, символические, технические и другие виды ресурсов, постоянные попытки контролировать каналы получения информации и межличностной коммуникацией, межпоколенческие и классовые расколы по поводу прошлого, настоящего и будущего России, политических символов, исторических фигур — все это значительно снижает результативность государственной политики идентичности и отдаляет перспективу до-

стижения согласия граждан по поводу ее целей, средств и результатов. Слабая политическая элита, не имеющая морального авторитета в глазах населения, не способна конкурировать за признание своих ценностей и идеалов, а потому склонна к применению легитимированного физического насилия и вынуждена конкурировать с другими политическими акторами за продвижение своей версии национально-государственной идентичности практически без явных преимуществ (Попова 2019: 85). Сохранение и увеличение социальной дистанции между представителями власти и социумом стратегически негативно влияют на стабильность всей политической системы и режима.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Литература

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2012. 408 с.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Том 6. №2. С. 24–66.

Волков Ю.Г., Гурба В.Н. Институт лидерства в российском обществе: роль в консолидации российского общества // *Гуманитарий Юга России*. 2018. №5. С. 13–29.

Дука А.В. Институционализация российской политико-административной элиты // *Политическая наука*. 2009. №3. С. 126–149.

Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. №2. С. 14–54.

Загородников А.Н. Демократия и элиты в России и мире в XXI веке: сравнительный анализ // *Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия* / под ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 57–68.

Захарова О.В. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015) // *Вестник Института социологии*. 2016. № 2 (17). С. 29–45. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Zakharova.pdf (дата обращения: 27.05.2020).

Лапина Н.Ю. Политическая элита современной Франции // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. №2. С. 105–125.

Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

Мохов В.П. Российские региональные элиты в период политических реформ первого десятилетия 2000-х годов // Вестник ВЭГУ. 2010. № 4(48). С. 33–40.

Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Том 20. № 4. С. 74–91.

Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. №5. С. 54–78.

Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. 2016. № 2. С. 164–180.

Хигли Дж., Пакульский Я. Смена элиты и лидеров в либеральных демократиях. Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 67–84.

Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2012. № 2. С. 5–16.

Щербакова Ю.А. (2017) Политические элиты в бывшей Чехословакии и Чешской Республике // Актуальные проблемы Европы. 2017. №2 . С. 149–168.

Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science / ed. by M. Dobry. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 109–129.

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regime // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–37.

Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. Introduction: Elite Change and Democratic Regimes in Eastern Europe // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / ed. by J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. London: Macmillan, 1998. P. 1–33.

Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11, № 2. P. 181–199.

Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C., Moore G. Elite integration in stable democracies: a reconsideration // European Sociological Review. 1991. № 7. P. 35–53.

Источники

Градецкий А., Скоробогатый П. Эффекты консолидации. Специальный проект. // Эксперт. 2015. №25. URL: <https://expert.ru/expert/2015/25/konsolidatsiya-elit-fundament-uspeshnogo-razvitiya/> (дата обращения: 21.05.2020).

Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Кризис и риски устойчивого развития российского общества: по материалам XLVII этапа социологического мониторинга «Как живешь Россия?». М.: Перспектива, 2018. URL: <http://xn--h1aauh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/02/%D0%A3%D0%A0-%D0%9A%D0%96%D0%A0-47.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

Макаренко Б. Трудное рождение культуры граждан // Полит.ру. 23.02.2016. URL: http://polit.ru/article/2016/02/23/Civic_Culture/?_utl_t=fb (дата обращения: 03.05.2020).

Медведев Д.А. Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. 2005. № 13. URL: https://expert.ru/expert/2005/13/13ex-medved_5168/ (дата обращения: 25.05.2020).

CONSOLIDATION OF THE RUSSIAN ELITE AS A FACTOR OF STATE IDENTITY POLICY

A. Shentyakova

(anna_pedagog@mail.ru)

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

Citation: Shentyakova A. Konsolidatsiya rossiyskoy elity kak faktor gosudarstvennoy politiki identichnosti [Consolidation of the Russian elite as a factor of state identity policy]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 5–21 . (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1>

Abstract. *The state identity policy is one of the strategic directions of domestic policy, the purpose of which is the formation and maintenance of a stable and unified symbolic space in society. The constructivist approach is chosen as the methodological basis of the work, which allows including political elites, social groups and institutions in the context of analysis. The research method is expert interviews. An analysis of the data made it possible to identify the main subjects of state identity policy and determine the degree of their involvement in the processes. The elite acts as a key actor in the development and implementation of state identity policies. It substantiates the significance of the problem of consolidation of the Russian elite, which remains relevant throughout the post-Soviet period. Experts identified the factor of consolidation of elite groups and the achievement of value consensus between the government and society as one of the conditions for the success to the formation of a united solidary society. The analysis*

of foreign and Russian scientific literature on the issues of consolidation and cohesion of the elite. The nature and degree of consolidation of the Russian elite is analyzed, the special role of the administrative segment of the federal elite in this process is emphasized. The connection between the degree of institutionalization and the achievement of value consensus within the elite is revealed. The issue of consolidation of Russian society as a whole is considered separately. The problem of social inequality as a factor inhibiting democratic processes in the field of identity politics is identified. The leadership factor is being studied as one of the resources for building a dialogue between government and civil society institutions.

Keywords: elite consolidation, interaction of the elite and society, identity policy, value consensus, institutionalization of the elite.

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31616 “State Policy in the Field of Formation of Identity: Conceptual Foundations, Technologies and Prospects” in Saint-Petersburg State University.

References

- Brubaker R. *Etnichnost bez grup* [Ethnicity without groups]. Moscow: NIU VSHE, 2012. 408 p. (In Russian)
- Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes. In: *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Ed. by Higley J., Gunther R. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 1–37.
- Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 181–199.
- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Institutsionalizatsiya politicheskoy elity: istochniki rekrutirovaniya i karyera [Institutionalization of the Political Elite: Sources of Recruitment and Career]. *Vlast i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2), pp. 24–66. (In Russian)
- Duka A.V. Institutsionalizatsiya rossiyskoy politiko-administrativnoy elity [Institutionalization of the Russian political and administrative elite]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2009, 3, pp. 126–149. (In Russian)
- Duka A.V. Transformatsiya postsovetских politiko-administrativnykh elit [Transformation of post-Soviet political and administrative elites]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2017, 2, pp. 14–54. (In Russian)
- Fadeeva L.A. Identichnost kak kategoriya politicheskoy nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyy potentsial [Identity as a category of political science: research field and cognitive potential]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, 2, pp. 164–180. (In Russian)
- Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C., Moore G. Elite integration in stable democracies: a reconsideration. *European Sociological Review*, 1991, 7, pp. 35–53.

Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe. In: *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science*. Ed. by M. Dobry. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000, pp. 109–129.

Higley J., Pakulski J. Smena elity i liderov v liberalnykh demokratiyakh [Change of elite and leaders in liberal democracies]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 2008, 1, pp. 67–84. (In Russian)

Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. Introduction: Elite Change and Democratic Regimes in Eastern Europe. In: *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. Ed. by Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. London: Macmillan, 1998, pp. 1–33.

Lapina N.Y. Politicheskaya elita sovremennoj Frantsii [Political elite of modern France]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2017, 2, pp. 105–125. (In Russian)

Malinova O.Y. Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii [Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2010, 2, pp. 90–105. (In Russian)

Mokhov V.P. Rossiyskie regionalnye elity v period politicheskikh reform pervogo desyatiletiya 2000-kh godov [Russian regional elites in the period of political reforms in the first decade of the 2000s]. *Vestnik VEGU* [VEGU Bulletin], 2010, 4, pp. 33–40. (In Russian)

Popova O.V. Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i realnaya praktika: opyt ekspertnykh otsenok rossiyskikh issledovateley [State identity policy as a theoretical construct and real practice: the experience of expert assessments of Russian researchers]. *Yuzhno-Rossiyskij zhurnal sotsialnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2019, 20(4), pp. 74–91. (In Russian)

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Mezhdud gosudarstvom i natsiyey: Dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve [Between State and Nation: Dilemmas of Identity Politics in the Post-Soviet Space]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, 5, pp. 54–78. (In Russian)

Shcherbakova Y.A. Politicheskije elity v byvshey Chekhoslovakii i Cheshskoy respublike [Political elites in the former Czechoslovakia and the Czech Republic]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2017, 2, pp. 149–168. (In Russian)

Tsumarova E.Y. Politika identichnosti: politics ili policy? [Identity politics: politics or policy?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya* [Perm University Bulletin. Political Science Series], 2012, 2, pp. 5–16. (In Russian)

Volkov Y.G., Gurba V.N. Institut liderstva v rossiyskom obshchestve: rol v konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Leadership Institute in Russian Society: Role in Consolidating Russian Society]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [South Russian Humanitarian], 2018, 5, pp. 13–29. (In Russian)

Zagorodnikov A.N. (2010) *Demokratiya i elity v Rossii i mire v XXI veke: sravnitelnyy analiz* [Democracy and Elites in Russia and the World in the XXI Century: A Comparative Analysis]. In: *Demokratiya. Vlast. Elity: demokratiya vs elitokratiya* [Democracy. Power. Elites: Democracy vs Elite Democracy]. Ed. by Y.A. Plyays. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 57–68. (In Russian)

Zakharova O.V. Strategii reprezentatsii kategorii «konsolidatsiya» v konyunktivnom diskurse rossiyskogo prezidenta (2000–2015) [Strategies for representing the category of “consolidation” in the conjunctive discourse of the Russian president (2000–2015)]. *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2016, 2, pp. 29–45. Available at: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Zakharova.pdf (accessed: 27.05.2020). (In Russian)

ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ: КАРЬЕРА В БИЗНЕСЕ ПОСЛЕ УХОДА С ДОЛЖНОСТИ¹

Д.Б. Тев

(denis_tev@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тев Д.Б. Члены Правительства и депутаты Государственной Думы РФ: карьера в бизнесе после ухода с должности // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 22–45.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.2>

Аннотация. *Статья посвящена карьере в бизнесе членов правительства и депутатов Госдумы РФ после ухода с должности. Эмпирической основой исследования служат биографические базы данных депутатов ГД 1–6 созывов, которые хотя бы однажды выбыли из нее по состоянию на первую половину сентября 2016 г., и членов правительства России в постсоветский период, которые хотя бы однажды покинули этот орган по состоянию на август 2017 г. Проведенное исследование показало, что работа в бизнесе (чаще всего на ключевых постах) — самый распространенный тип профессионального опыта государственных деятелей после ухода с должности, причем бывшие министры заняты в коммерческой сфере чаще законодателей. Однако многие депутаты и особенно члены правительства переходят в компании не сразу, так что в качестве первого известного места работы после отставки бизнес уступает административным органам. Что касается переходов в крупный бизнес и, в частности, вхождения в состав экономической элиты общероссийского уровня, то они в гораздо большей степени характерны для бывших министров, чем для депутатов. Типичность постправительственной и постдумской карьеры в бизнесе в некоторой степени является формой выражения и способом закрепления «кумовского» характера российского капитализма, при котором связи с государственной властью служат важнейшим условием накопления капитала и очень значимы для компаний. Вместе с тем она связана с дружественной по отношению к бизнесу политикой государ-*

¹ Статья включает в переработанном и дополненном виде разделы, посвященные занятости в бизнесе, статей о постдумской [Тев 2018] и постправительственной [Тев 2019] карьеры.

ственных деятелей, которые могут быть склонны приспосабливать свое поведение к интересам потенциального будущего работодателя и вознаграждаются фирмами видными постами за лояльность их интересам, проявленную во время пребывания в должности.

Ключевые слова: Государственная Дума, правительство, депутаты, министры, карьера, бизнес, экономическая элита.

ВВЕДЕНИЕ

Карьера после ухода с элитной государственной должности вообще и, в частности, занятость отставных политиков и чиновников в бизнесе (коммерческих организациях) является значимым предметом исследования по ряду причин. Во-первых, высвечивает специфические черты рассматриваемой общественной системы, включая характер взаимоотношений государства и бизнеса, отражением и закреплением которых в некоторой степени служат элитные карьерные траектории. Во-вторых, знание карьеры после ухода с должности позволяет лучше понять поведение государственного деятеля, когда он эту должность занимал. Это связано с тем, что перспективы возможной будущей занятости способны влиять на поведение чиновников и парламентариев, которые могут приспосабливать свою политику к интересам потенциального будущего работодателя [Prewitt, Nowlin 1969: 306; Cohen 1986; Samuels 2003: 134–156], в том числе бизнес-структур. Наконец, анализ карьеры после ухода с государственных должностей, включая занятость в бизнесе, важен и для оценки степени межфракционной элитной интеграции, одним из показателей которой могут выступать переходы политиков и чиновников в высшее руководство крупных компаний, создающие динамические переплетения политико-административной и экономической элит. Исследование перемещений публичных деятелей в бизнес после отставки позволяет отчасти прояснить вопрос, бывший в свое время предметом дискуссий между «плюралистами» и «элитистами», о том, являются ли эти элиты разделенными и автономными друг от друга или, напротив, интегрированы и взаимосвязаны благодаря высокой степени обмена кадрами (см.: [Freitag 1975]).

В странах Запада был проведен целый ряд исследований постправительственной и постпарламентской карьеры, которые, в частности, показали значимость бизнеса как места работы отставных политиков и чиновников. Так, Ж. Блондель, изучив постминистерскую карьеру в 14 западноевропейских демократиях, пришел к выводу о том, что

треть бывших министров начинает новую карьеру на частных предприятиях, в государственном секторе или международных организациях [Blondel 1991]. В свою очередь, исследование, посвященное постминистерской занятости в 23 промышленно развитых демократиях, показало, что среди занятий бывших министров работа в бизнесе по своей популярности уступала только занятости в политике и переназначениям в правительство (в среднем около 10 % министров оказывались в бизнесе сразу после отставки [Claveria, Verge 2015: 827]). Важность такого типа посткарьеры показана также в работах, посвященных правительственным элитам отдельных стран. Так, П. Фрейтаг установил, что более половины членов Кабинета США (с 1897 по 1973 г.) занимали после ухода из него элитные позиции в бизнесе (в том числе почти 40 % сразу после отставки) [Freitag 1975]. Позднее К. Николс и Э Беннетт также выявили существенную роль занятости в бизнесе в карьере бывших американских правительственных деятелей [Nicholls 1991; Bennett 1996]. К. Штольц и М. Кинц, сравнив постправительственные карьеры в США (кабинет Б. Клинтона) и Великобритании (кабинет Дж. Мейджора), установили, что, хотя такие карьеры различаются, позиции в бизнесе являются их важной частью в обеих странах [Stolz, Kintz 2014]. Н. Дорренбахер, изучив постправительственные карьеры министров и канцлеров ФРГ, покинувших правительство в период с 1949 до 2014 г., показала, что работа в частном секторе (в том числе на руководящих должностях в крупных компаниях и банках) — второй по распространенности тип постправительственной карьеры, уступающий только работе на политических постах [Dörrenbächer 2016]. Вторая карьера в частном секторе наиболее типична для членов кабинета ФРГ, получивших образование, связанное с бизнесом, пришедших в правительство из частного сектора и возглавлявших министерства с большими лоббистскими контактами, и, кроме того, ее распространенность существенно возросла с 1980-х годов. Другие исследователи выявили, что бизнес играет большую роль в посткарьере португальских министров (почти 30 % работали в частных компаниях и 12 % — в частных банках) [Costa Pinto, Tavares de Almeida 2017].

Кроме карьеры отставных членов правительства, на Западе изучалась также профессиональная судьба бывших парламентариев, при этом, в частности, была показана и роль бизнеса как их места работы. Так, по данным исследования карьеры, после отставки членов Конгресса США с 1947 по 1993 г. 52 % законодателей перешли в частный сектор

[Diermeier, Keane, Merlo, 2005: 360]. Р. Херрик и Д. Никсон, изучив занятость членов Палаты представителей США, которые ушли в отставку в период с 1971 по 1992 г., показали, что одним из наиболее распространенных типов их занятий была карьера в частном бизнесе, где работал каждый пятый бывший конгрессмен [Herrick, Nixon, 1996]. Наконец, исследование, посвященное парламентариям ФРГ и Нидерландов, обнаружило, что значительная их часть использовала свою должность в качестве трамплина к привлекательным позициям в бизнесе [Claessen, Bailer, 2015]. Причем более высокопоставленные парламентарии с большей вероятностью получали такую работу в частном секторе, тогда как законодатели, покинувшие свой пост в результате поражения на выборах или скандала, имели на это меньше шансов.

Что касается России, то работы, в той или иной степени посвященные посткарьере и, в частности, занятости в бизнесе политиков и чиновников федерального уровня, немногочисленны. Здесь следует отметить исследование карьеры бывших заместителей министров, которое показало, что тенденция перехода высокопоставленных деятелей федеральной исполнительной власти в бизнес довольно выражена [Huskey 2010]. Указанная проблема рассматривалась и в статье О. Крыштановской и С. Уайта, посвященной судьбе членов правительств Е.Т. Гайдара, В.С. Черномырдина и Е.М. Примакова после отставки [Kryshchanovskaya, White 2005]. Они, в частности, обнаружили, что бывшие члены правительства в существенной доле случаев руководили государственными и частными предприятиями. Наконец, проблема посткарьеры членов правительства РФ и депутатов Госдумы затрагивается в работе Е. Семеновой, где этому вопросу посвящено всего два абзаца [Semenova 2011: 921–922]. Она, в частности, отмечает, что большая часть бывших министров и парламентариев перешла на частные или государственные предприятия. Несмотря на несомненную важность результатов этих исследований, представляется необходимым более тщательный и развернутый анализ постправительственной и постдумской карьеры в бизнесе за весь постсоветский период.

ДАнные И МЕТОД

Эмпирическую основу исследования составили две биографические базы данных. Во-первых, база данных депутатов Государственной Думы РФ (далее — ГД) 1–6 созывов, которые по состоянию на первую поло-

вину сентября 2016 г. хотя бы однажды выбыли из нее и о последующей работе которых (в том числе на общественных началах) есть по крайней мере минимальная информация. Как видно из таблицы 1, это всего 1209 персон, однако, поскольку некоторые депутаты неоднократно, но с перерывом, избирались в парламент и неоднократно уходили из него, объем исследуемой совокупности (N=1267) превысил количество персон и анкет.

Таблица 1

Количественные характеристики базы данных и исследуемой совокупности депутатов ГД

Показатель	Значение
Число депутатов ГД, которые хотя бы однажды выбывали из нее, исключая тех, кто умер в период исполнения полномочий	1402
Число депутатов ГД, на которых заполнены биографические анкеты	1209
Общее число выбытий депутатов из ГД, исключая случаи смерти в период исполнения полномочий	1468
Число выбытий депутатов из ГД, о работе после которых есть хотя бы минимальная информация	1267

Во-вторых, в исследовании использована база данных, включившая всех (за исключением дух категорий должностных лиц¹) членов постсоветских, т.е. действовавших с 6 ноября 1991 г., правительств РФ², которые по состоянию на август 2017 г. хотя бы однажды выбыли из это-

¹ В исследуемую совокупность не вошли, во-первых, президенты и председатели правительств республик в составе РФ, входивших до декабря 1993 г. в высший орган федеральной исполнительной власти. Во-вторых, в анализ были включены только «полноправные» министры, но не вошли персоны, которые не были утверждены в этой должности, а лишь (временно) исполняли соответствующие обязанности, нередко оставаясь в должности заместителя министра и иногда сохраняя ее после прекращения их исполнения. Кроме того, стоит отметить, что в базу данных не попали должностные лица, которые не были членами правительства РФ, но были наделены рангом (статусом, правами) федерального министра или заместителя председателя правительства.

² Сведения о составах правительств см.: [Составы правительств с 1990 по 1998... 2011; Составы правительств... 2011].

го органа. Как видно из таблицы 2, это 221 персона, однако поскольку некоторые деятели неоднократно, но с перерывом входили в правительство и неоднократно покидали его, то, как и в случае с депутатами ГД, число выбытий (и постправительственных карьерных траекторий¹), а соответственно и N при всех подсчетах больше, чем количество персон, включенных в биографическую базу данных.

Таблица 2

Характеристики базы данных и исследуемой совокупности членов правительства РФ

Показатель	Значение
Число членов правительства РФ, которые хотя бы однажды выбывали из него (по состоянию на август 2017 г.)	221
Число выбытий из правительства РФ (по состоянию на август 2017 г.)	245

На каждую из вошедших в описанные базы данных властных персон была заведена структурированная биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о карьерном пути как до вхождения в правительство, так и после выбытия из него, включая занятость в бизнесе. В качестве источников биографической информации использовались сайты органов государственной власти, коммерческих организаций, бюджетных учреждений и иных структур, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (vipperson.ru, lobbying.ru и пр.).

При исследовании постдумской и постправительственной карьеры в бизнесе применялись два основных показателя. Во-первых, наличие опыта работы в коммерческих организациях на протяжении всего известного на момент сбор биографической информации карьерного пути

¹ В исследовании под постправительственной карьерой обычно понималась карьера после выбытия из состава правительства в связи с уходом с соответствующей должности (премьер-министра, вице-преьера, министра и пр.). Однако ряд должностных лиц, включенных в исследуемую совокупность, выбыли из правительства раньше, чем покинули должность во главе соответствующего ведомства. Это прежде всего относится к председателям государственных комитетов РФ, которые после принятия Конституции 1993 г. были исключены из состава правительства. В таких случаях исследовалась карьера после ухода с той должности (например, председателя госкомитета), пребывание на которой обеспечило в прошлом членство в правительстве.

после ухода с правительственной или парламентской должности. Во-вторых, первое известное¹ место работы в бизнесе после ухода с этой должности, которое может в наибольшей мере определяться связанными с ней ресурсами и возможностями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование показало, что бизнес является одним из важнейших каналов, в рамках которых проходит карьера членов правительства РФ и депутатов ГД после их ухода с должности.

Как видно из таблицы 3, работа в коммерческих организациях — наиболее распространенный тип занятости бывших депутатов ГД, при этом в качестве первого места работы бизнес лишь слегка уступает административным органам.

Таблица 3

Работа бывших депутатов ГД: основные области занятости (позиции), в % (N=1267)

Области занятости (позиции)	Наличие опыта работы после прекращения полномочий	Первая известная позиция после прекращения полномочий
Коммерческие организации	38	19
Административные органы	33	21
Научно-образовательные структуры	22	10
Органы представительной власти (члены СФ, депутаты региональных законодательных собраний и местных дум)	19	7
Позиции, обеспечивающие деятельность ГД и ее членов (сотрудники аппарата ГД, помощники депутатов)	9	7

Бывшие депутаты ГД занимали в бизнес-структурах различные должности, но в основном ключевые (президенты, генеральные дирек-

¹ В некоторых случаях есть более или менее существенный временной разрыв между выбытием из ГД или правительства и первой постдумской/постправительственной позицией, сведения о которой удалось обнаружить, что может быть связано с неполнотой доступной биографической информации.

тора (директора), председатели правлений, председатели советов директоров компаний и их заместители, директора по направлениям и некоторые другие, а также индивидуальные предприниматели). В целом опыт работы на таких постах имеют 30 % бывших парламентариев, причем для 14 % они стали первыми известными после прекращения полномочий.

Определенное, хотя и довольно небольшое, распространение получили переходы депутатов ГД в крупные компании. В эту категорию включались фирмы, которые в период работы в них экс-политиков входили в рейтинг журнала «Эксперт» (либо в число крупнейших банков и страховых фирм до того момента, как они стали учитываться в этом рейтинге). Небольшое меньшинство, 3–4 % бывших депутатов, занимало, в том числе сразу после ухода из ГД (2 %), в таких компаниях (а также во владеющих или управляющих ими фирмах) ключевые позиции, по сути, входя в экономическую элиту страны. Если к ним прибавить тех бывших депутатов, которые были членами советов директоров данных коммерческих организаций, не занимая при этом указанных выше должностей, то доля работавших в крупном бизнесе составит примерно 5–6 %. Если же к этим категориям добавить и тех экс-депутатов, которые занимали иные должности (менеджеров разного уровня, специалистов, советников и пр.) в крупнейших фирмах, причем только в их головных, центральных структурах (а не в филиалах, отделениях и пр.), то доля возрастет до 8 %. Среди крупных фирм, в которых оказываются бывшие депутаты, как государственные — Газпром, Роснефть, Газпромбанк, Русгидро, РЖД и другие, так и частные — Лукойл, Альфа-банк, АФК «Система», Русал, Группа «Кокс», Главстрой и пр. Обычно бывшие депутаты не были основными собственниками тех крупных фирм, в которых работали.

В свою очередь, как показывает таблица 4, среди бывших членов правительства карьера в коммерческих организациях также наиболее часто встречающийся тип занятости, однако в качестве первого места их работы после отставки бизнес значительно уступает административным органам (переходы министров в бизнес были в основном косвенными). Из сопоставления таблиц 3 и 4 видно, что в сравнении с бывшими депутатами ГД отставные члены правительства гораздо чаще имели опыт работы в бизнесе, однако доли случаев, когда должность в экономических структурах была первой известной после отставки, довольно близки. Следует, впрочем, отметить, что правительственная

элита неоднородна в плане распространенности посткарьеры в бизнесе: главы экономических министерств и ведомств чаще переходят в компании, чем министры, ответственные за социальную сферу, а также министры-силовики (хотя в последнем случае разница менее существенна). Однако интересно, что среди некоторых неэкономических министров, например глав МИД, постправительственный опыт членства в руководстве бизнес-структур, в том числе транснациональных компаний, также весьма распространен.

Таблица 4

Работа бывших членов правительства РФ: основные области занятости, в % (N=245)

Области занятости (позиции)	Наличие опыта работы после прекращения полномочий	Первая известная позиция после прекращения полномочий
Коммерческие организации	64	22
Административные органы	58	48
Научно-образовательные структуры	33	10
Органы представительной власти (члены СФ, депутаты ГД, региональных законодательных собраний и местных дум)	27	8

Нужно подчеркнуть, что, хотя некоторые бывшие члены правительства, работая после отставки на различных постах в органах исполнительной власти и администрации президента, занимали позиции в бизнесе, а именно были членами (председателями) советов директоров, только как представители государства, большинство входило в руководство фирм не в качестве чиновников.

Как и депутаты ГД, отставные члены правительства работали в коммерческих структурах на различных позициях, включая посты членов советов директоров, советников и неключевых менеджеров. При этом более трети (34 %) входили после отставки в топ-менеджмент¹ различ-

¹ К нему были отнесены президенты, генеральные директора (директора), председатели правлений компаний и их заместители, а также директора по направлениям.

ных фирм, в том числе примерно каждый десятый (11 %) — сразу после отставки¹.

В каком именно бизнесе работают отставные члены правительства? Примерно в 40 % случаев, т.е. значительно чаще, чем бывшие депутаты ГД, они были заняты в крупнейших фирмах, входящих в период работы в них правительственных деятелей в рейтинг журнала «Эксперт». Причем эта оценка, по-видимому, занижает долю бывших членов правительства, занятых в крупном бизнесе, поскольку в этот рейтинг до 2004 г. не входили непромышленные компании. Среди 20 крупнейших фирм по итогам 2016 г. в 16 в разное время работали бывшие члены правительства. В общем динамические переплетения правительственной и экономической элит России существенны².

Бывшие члены правительства, занятые в бизнесе, часто работали в компаниях, где основным или единственным владельцем является государство и подконтрольные ему структуры. Именно компании, контролируемые государством, такие как Газпром, Роснефть, Сбербанк, РЖД, мы видим среди фирм, в которых работало наибольшее число отставных членов правительства. Впрочем, не менее распространена среди бывших членов правительства и занятость в компаниях частного сектора. Иногда бывшие правительственные деятели возглавляли частные фирмы, в которых сами являлись крупными или основными владельцами. Есть среди них и очень богатые люди: четверо (П.О. Авен, С.В. Генералов, В.О. Потанин, И.Х. Юсуфов) входят в рейтинг богатейших российских бизнесменов по версии «Forbes» 2018 г., причем трое из них занимали видные позиции в бизнес-структурах еще до вхождения в правительство.

¹ Говоря о прямых переходах в бизнес, следует отметить, что хотя гражданам, замещавшим должности гражданской службы, закон запрещает в течение двух лет после увольнения без согласия специальной комиссии занимать должности в организациях, включая коммерческие, отдельные функции государственного управления которыми входили в обязанности гражданского служащего (см.: [Федеральный закон 2004]), в отношении лиц, замещавших государственные должности, включая членов правительства, таких ограничений обнаружить не удалось.

² Стоит добавить, что бывшие члены правительства возглавляют или возглавляли также две ведущие бизнес-ассоциации страны — Российский союз промышленников и предпринимателей (А.Н. Шохин) и Торгово-промышленную палату (Е.М. Примаков).

Наконец, следует отметить, что отраслевая принадлежность крупных фирм, в которых заняты бывшие члены правительства, разнообразна. Довольно широко распространена занятость в нефтегазовой отрасли, финансовом секторе, а также в машиностроении, электроэнергетике и транспортных фирмах. Причем есть тенденция к тому, чтобы экс-министры работали в компаниях, принадлежащих к тем отраслям, которые регулировали возглавляемые ранее ими министерства (в частности, министры транспорта и путей сообщения переходят в транспортные компании, министры топлива и энергетики — на предприятия ТЭК, министры сельского хозяйства — в компании АПК, министры финансов — в банки и прочие финансовые структуры).

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗАНЯТОСТЬ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ДЕПУТАТОВ ГД В БИЗНЕСЕ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

Какие обстоятельства могут благоприятствовать и вообще влиять на переходы, как прямые, так и косвенные, членов правительства и депутатов ГД в бизнес?

Во-первых, в силу ряда причин государственные деятели могут быть заинтересованы в переходе в бизнес, особенно в ведущие фирмы. Тот факт, что видные позиции в крупном бизнесе щедро вознаграждаются, нередко выше, чем должности депутатов и министров (см.: [Березанская 2012; Якорева, Жолобова, Мязина 2016; 25 самых дорогих... 2016; Копалкина, Ткачев, Губернаторов 2017]), делает их привлекательными для государственных деятелей. Кроме того, топ-менеджеры крупных компаний обладают значительной властью (впрочем, следует оговориться, что другие посты в бизнесе, например советников и членов советов директоров, могут быть скорее синекурами). Можно предположить, что в сравнении с депутатами министры, должности которых в целом гораздо влиятельнее и престижнее, более амбициозны в плане последующей карьеры в бизнесе, более ориентированы на переход именно в крупные компании. Вообще в силу малочисленности постов в политико-административной сфере, сопоставимых по своей значимости и выгодам с позициями членов правительства переход в бизнес может быть для них предпочтительным вариантом продолжения карьеры после ухода с должности.

Во-вторых, наличие опыта работы в коммерческих структурах до вхождения в правительство или избрания в ГД и соответствующих знаний и связей должно облегчать переход депутатов и министров в эту сферу после отставки. Надо сказать, что уровень плутократизации федерального депутатского корпуса в России высок: около 40 % имели опыт работы на ключевых должностях в экономических структурах после 1991 г. и до избрания в ГД. Причем среди тех депутатов, кто имел постдумский опыт работы на ключевых постах в бизнесе, данный предпарламентский опыт более распространен. Многие депутаты, заседая в ГД, оставались владельцами фирм, что не запрещено законом и, вероятно, облегчило их последующий переход в бизнес. Среди членов правительства предшествующий опыт работы в бизнесе менее распространен, но заметное меньшинство (без малого 30 %) после 1991 г. и до вхождения в этот орган занимало ключевые посты в коммерческих организациях. Причем чаще всего такой опыт встречается у министров, отвечающих за регулирование различных отраслей экономики. Некоторые приходили в правительство из коммерческих структур и переходили в них после отставки, иногда возвращаясь на ту же или сходную должность в той же компании (и соответственно отрасли), в частности это можно сказать о двух министрах путей сообщения А.А. Зайцеве и В.И. Старостенко.

В-третьих, находясь в должности, члены правительства и депутаты ГД в связи с осуществлением своих полномочий могут систематически взаимодействовать с бизнесом, особенно крупными компаниями, которые являются объектом регулирования со стороны органов власти и пытаются, в свою очередь, отстаивать в них свои интересы. Прежде всего это опять же относится к главам экономических министерств (и вице-преьерам, курирующим экономику и ее отдельные отрасли) и членам экономических комитетов парламента. В частности, при таких министерствах и комитетах функционируют консультативные и экспертные советы, куда, помимо самих политиков и чиновников, входят менеджеры многих фирм (например, экспертный совет при комитете по энергетике ГД ныне включает 23 секции, в которые входит множество представителей различных компаний; см.: [Комитет Государственной Думы ..., 2017]). В ходе регулярного функционального взаимодействия с бизнесом государственные деятели приобретают не только знания экономической сферы, но и знакомства и связи с руководителями фирм, что облегчает переход и адаптацию чиновников и политиков в коммер-

ческую сферу после отставки. В этой связи нужно заметить, что рекрутирование бывших членов правительства и парламентариев на видные посты в бизнесе может быть, в частности, и вознаграждением за лояльность интересам данной компании, которую они проявили, находясь в должности. Пожалуй, самой непосредственной формой связи министров (но обычно не депутатов ГД) с бизнесом является их членство (включая председательство) в качестве представителей государства в советах директоров крупных компаний, полностью или частично находящихся в государственной собственности¹ (нередко принадлежащих к тем отраслям экономики, которые эти чиновники курируют). Есть случаи, когда и после отставки такие правительственные деятели продолжали оставаться членами этих советов директоров, как, например, бывший премьер-министр и вице-премьер, нынешний председатель совета директоров ПАО «Газпром» В.А. Зубков.

В-четвертых, еще одним фактором продвижения отставных государственных деятелей, прежде всего членов правительства, на ключевые должности в коммерческих структурах могут выступать их связи в самом госаппарате. С одной стороны, высшее руководство страны может стремиться к тому, чтобы иметь «своих», т.е. лично знакомых и пользующихся доверием людей, в топ-менеджменте и советах директоров крупнейших государственных и полугосударственных компаний ради упрочения контроля над ними. С другой стороны, определенную роль может играть и желание руководителей государства «пристроить» на «хлебные места» своих бывших коллег, обусловленное как приятельскими, дружескими отношениями, так и стремлением обеспечить лояльность со стороны отставников. Вообще нужно заметить, что наличие крупного и растущего государственного сектора в России, если и не объясняется интересами бизнес-карьеры членов правительства и других государственных деятелей после ухода со своих должностей (а также карьерными амбициями их родственников), то по крайней мере представляется функциональным, полезным с этой точки зрения.

В-пятых, в таком обществе с высоким уровнем коррупции, как Россия, государственные деятели (прежде всего чиновники) могут, ис-

¹ Следует, кстати, отметить, что чиновники могут содействовать созданию государственных предприятий (в частности, на месте соответствующих министерств, как например, ОАО «РЖД», образованное на базе министерства путей сообщения), а затем переходить в них на ключевые посты [Kryshchanovskaya, White 2005: 212–213].

пользуя служебное положение, накапливать значительный частный капитал, а после отставки занимать позиции в созданном подобным способом бизнесе. Показателен в этом отношении случай бывшего в 1992–1998 гг. председателя Государственного таможенного комитета А.С. Круглова, который, как выяснилось в ходе разбирательства в Высоком суде Лондона, является долларовым мультимиллиардером. После отставки он был генеральным директором ряда фирм, которыми владел вместе с дочерьми. В своем решении судья предположил, что он мог использовать служебное положение «в период распада СССР для извлечения прибыли из реорганизации таможенной администрации — как через членов семьи, оперировавших частными таможенными терминалами, так и посредством предоставления консультационных услуг компаниям в условиях стремительно менявшихся правил» [Таможня дает... 2012; Дмитриенко 2012; Бизнесмен в суде... 2012]. Также стоит упомянуть о том, что в 2000-е годы разгорелся скандал вокруг бывшего министра природных ресурсов РФ В.Г. Артюхова, который, по данным СМИ, за два часа до увольнения со своего поста в 2004 г. подписал более 60 лицензий на проведение разведки нефти в Сибири и на северо-западе РФ, а также дал распоряжение о перечислении 450 млн руб. ряду малоизвестных фирм. Как утверждала пресса, значительную часть лицензий получили компании, так или иначе связанные с его сыном. Правда, эти решения были отменены его преемником [Бутрин, Гизатулин 2004; Гизатулин, Бутрин 2004; Тутушкин, Дерягина, Дербилова 2004].

Наконец, в-шестых, большое значение имеет, разумеется, и потребность, заинтересованность самих фирм в рекрутировании бывших чиновников и политиков. Государственные деятели обладают рядом ресурсов, ценных для бизнеса. Если говорить о членах правительства, отвечающих за экономические вопросы, и депутатах, работающих в экономических комитетах, то их может отличать специфическая профессиональная компетентность (знание экономики, курируемых ими отраслей, механизма их регулирования), которая весьма полезна для фирм. Что касается министров, то они имеют также опыт руководства разветвленными бюрократическими структурами, который может быть полезен для руководителя крупной компании (в этом смысле депутатский опыт представляется менее релевантным). В более общем плане чиновники и политики обладают знанием политического процесса и административных процедур и связями с высокопоставленными государственными деятелями и доступом к ним (впрочем, с течением времени

по мере смены кадров в политико-административных структурах эти связи могут устаревать и терять свою значимость). Наличие таких персон в штате компаний может повышать их лоббистский потенциал, увеличивать возможности выгодного взаимодействия с государственными органами. Также стоит добавить, что авторитет и известность бывших государственных деятелей, их репутация могут улучшать имидж фирм, усиливать легитимность их деятельности. Исследования [Boubakri et al. 2008: 1; Dombrovsky 2008; Goldman, Rocholl, So 2009: 2236; Faccio 2010; Chen et al. 2011] показывают, что политические связи в форме персональных переплетений с госаппаратом могут быть особенно выгодны фирмам в странах с относительно неразвитыми рыночными институтами, слабой правовой системой [Россия рухнула 2016] (и незащищенностью прав собственности) и высоким уровнем коррупции [Corruption ... 2018], таких как постсоветская Россия. По распространенному мнению, в России сложился «кумовской капитализм», при котором связи с государственной властью являются важнейшим условием успешного ведения бизнеса (см.: [Our crony-capitalism index... 2014; Волкова 2016]; см. также: [Шлейнов 2009; Barsukova 2019]). О том, что российские компании отчасти заинтересованы в найме бывших чиновников и политиков именно для отстаивания своих интересов во властных структурах, по-видимому, говорит то, что целый их ряд занимал в фирмах должности менеджеров по связям с органами государственной власти. В качестве примера можно привести М.И. Гришанкова, который до избрания в ГД не занимал руководящих позиций в бизнесе, а после окончания полномочий сразу перешел на должность первого вице-президента Газпромбанка, ответственного за взаимодействие с властью. За те же вопросы в качестве исполнительного директора отвечал в ОАО «ГАЗ» бывший депутат ГД второго созыва П.М. Веселкин. А в Газпроме соответствующее направление курировал бывший первый заместитель председателя правительства РФ (а до этого первый помощник президента РФ) В.В. Илюшин.

Впрочем, не стоит преувеличивать заинтересованность бизнеса в найме отставных чиновников и политиков. Существенное различие логик деятельности государственных органов и бизнеса (особенно частного) и соответственно знаний и умений, необходимых для успешной работы в них, может налагать определенные ограничения на востребованность государственных деятелей на руководящих постах в коммерческих структурах (см., например: [Буравцева 2013]). Хотя надо оговориться,

что государственные компании, особенно монополии, по характеру своей деятельности в значительной мере схожи с административными структурами, так что в них может быть особенно полезен профессиональный опыт правительственных деятелей, которым легче адаптироваться в таких фирмах. Кроме того, по данным ряда исследований (в том числе основанных на российском материале), политические связи (наличие бывших и действующих политиков и чиновников в менеджменте и советах директоров) неоднозначно сказываются на накоплении капитала и могут негативно влиять на показатели работы фирм, в частности вследствие подчинения их деятельности политическим целям [Bertrand et al. 2007; Fadeev 2008; Saeed 2013; Fan, Wong, Zhang 2014; Гладышева, Кишилова 2018; Kang, Zhang 2018]. Наконец, нужно отметить, что потребность крупного бизнеса в рекрутировании депутатов ГД, вероятно, существенно меньше, чем членов правительства, что косвенно подтверждается уже отмеченным фактом, что они гораздо реже работают там после ухода с должности. Парламент в России — слабый, зависимый, во многом декоративный орган, основные решения принимаются в президентских и правительственных структурах. В этом смысле значение парламентского лоббирования для бизнеса довольно ограничено (особенно для крупных компаний, руководители которых могут иметь прямой доступ к высокопоставленным администраторам) и, по некоторым данным, в 2000-е годы уменьшилось [Chaisty 2013: 733], что может снижать спрос на депутатов со стороны фирм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что занятость в коммерческих организациях является самым распространенным типом профессионального опыта членов российского правительства и депутатов ГД после ухода с должности, при этом бывшие министры имеют опыт работы в бизнесе чаще законодателей. Однако многие депутаты и особенно члены правительства переходят в компании не сразу, поэтому в качестве первого известного места работы после отставки бизнес уступает административным органам. В бизнесе бывшие государственные деятели чаще всего занимают ключевые, а не второстепенные посты, т.е., по существу, входят в состав экономически господствующего класса капиталистов.

Переходы в крупный по общероссийским меркам бизнес гораздо более распространены среди отставных министров, чем бывших депу-

татов ГД, что во многом отражает их более высокий социальный и политический статус и связано с большей теснотой их взаимодействия с ведущими, особенно государственными, компаниями в период пребывания в должности. Такие карьерные переходы и создаваемые ими динамические переплетения — важный показатель и фактор интеграции правительственной и экономической элит общенационального уровня, о которой в свое время писали элитисты на примере США, тогда как думская элита остается, в соответствии с предположениями плюралистов, гораздо более обособленной в кадровом отношении от бизнес-элиты федерального уровня.

Представляется, что, с одной стороны, типичность постправительственной и постдумской карьеры в бизнесе, будучи обусловлена различными факторами, в некоторой степени является формой выражения и способом закрепления «кумовского» характера российского капитализма, при котором связи с государственной властью служат важнейшим условием накопления капитала и очень значимы для компаний. С другой стороны, она связана с дружественной по отношению к бизнесу политической государственных деятелей, которые могут быть склонны приспосабливать свое поведение к интересам будущего потенциального работодателя и вознаграждаются фирмами видными постами за лояльность их интересам, проявленную во время пребывания в должности.

Литература

Гладышева А.А., Кишилова Ю.О. Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // *Journal of Corporate Finance Research / Корпоративные финансы*. 2018. Т. 12, № 1. С. 20–43.

Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17, № 1. С. 106–133.

Тев Д.Б. Члены правительства РФ: особенности постправительственной карьеры // *Мир России*. 2019. Т. 28, № 4. С. 6–29.

Barsukova S. Informal Practices of Big Business in the Post-Soviet Period: From Oligarchs To “Kings of State Orders // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2019. Vol. 27, № 1. P. 31–49.

Bennett A.J. *The American President's Cabinet: from Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan, 1996. 263 p.

Bertrand M., Kramarz F., Schoar A., Thesmar D. Politicians, Firms and the Political Business Cycle: Evidence from France / *Center for Research in Economics and Statistics*, March 15, 2007. URL: http://www.crest.fr/ckfinder/userfiles/files/pageperso/kramarz/politics_060207_v4.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

Blondel J. The Post-Ministerial Careers // The Profession of Government Minister in Western Europe / ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. P. 153–173.

Boubakri N., Guedhami O., Mishra D., Saffar W. Political Connections and the Cost of Equity Capital // Scientific Literature Digital Library. 2008. № 10. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.175.6368&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 16.04.2017).

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65, № 4. P. 717–736.

Chen C.J.P., Li Z., Su X., Sun Z. Rent-Seeking Incentives, Corporate Political Connections, and the Control Structure of Private Firms: Chinese Evidence // Journal of Corporate Finance. 2011. Vol. 17, № 2. P. 229–243.

Claessen C., Bailer S. What happens after? An analysis of post-parliamentary private sector career positions in Germany and the Netherlands. Paper prepared for the workshop „Institutional Determinants of Legislative Coalition Management”, 16–19 November 2015, Tel Aviv University, Israel. URL: <https://www.sv.uio.no/isv/english/research/projects/evolution-parliamentarism/events/seminars/claessenbailerwhathappensafter.pdf> (дата обращения: 17.08.2018).

Claveria S., Verge T. Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54, № 4. P. 819–835.

Cohen J.E. The Dynamics of the “Revolving Door” on the FCC // American Journal of Political Science. 1986. Vol. 30, № 4. P. 689–708.

Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy // Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies / ed. by A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida. L.: Palgrave Macmillan, 2017. P. 111–137.

Diermeier D., Keane M., Merlo A. A Political Economy Model of Congressional Careers // American Economic Review. 2005. Vol. 95, № 1. P. 347–373.

Dombrovsky V. Do Political Connections Matter? Firm-Level Evidence from Latvia. Stockholm School of Economics in Riga. Research paper № 3. 07.2008. URL: <http://www.biceps.org/assets/docs/izpetes-raksti/ResearchPaperNo3> (дата обращения: 14.03.2017).

Dörrenbächer N. Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens? // Acta Politica. 2016. Vol. 51, № 4. P. 472–491.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis // Financial Management. 2010. Vol. 39, № 3. P. 905–928.

Fadeev P. Political Connections and Evolution of Ownership Structure in Russian Industry. Working Paper № BSP/2008/099. 2008. Moscow: New Economic School.

Fan J.P.H., Wong T.J., Zhang T. Politically Connected CEOs, Corporate Governance, and the Post-IPO Performance of China’s Partially Privatized Firms // Journal of Applied Corporate Finance. 2014. Vol. 26, № 3. P. 85–95.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks // *Social Problems*. 1975. Vol. 23, № 2. P. 137–152.

Goldman E., Rocholl J., So J. Do Politically Connected Boards Affect Firm Value? // *Review of Financial Studies*. 2009. Vol. 22, № 6. P. 2331–2360.

Herrick R., Nixon D.L. Is There Life after Congress? Patterns and Determinants of Post-Congressional Careers // *Legislative Studies Quarterly*. 1996. Vol. 21, № 4. P. 489–499.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372.

Kang J-K., Zhang L. Do Outside Directors with Government Experience Create Value? *Financial Management*. 2018. Vol. 47, № 2. P. 209–251.

Kryshstanovskaya O., White S. Losing Power in Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2005. Vol. 21, № 2. P. 200–222

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members // *Western Political Quarterly*. 1991. Vol. 44, № 1. P. 149–172.

Prewitt K., Nowlin W. Political Ambitions and the Behavior of Incumbent Politicians // *Western Political Quarterly*. 1969. Vol. 22, № 2. P. 298–308.

Saeed M.A. Do Political Connections Matter? Empirical Evidence from Listed Firms in Pakistan. PhD Thesis. London: Middlesex University, 2013. URL: <http://eprints.mdx.ac.uk/12361/1/MASaeed%20thesis.pdf> (дата обращения: 06.01.2017).

Samuels D. Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 248 p.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10, № 6. P. 908–927.

Stolz K., Kintz M. Post-Cabinet Careers in Britain and the US: Theory, Concepts and Empirical Illustrations. Paper prepared for the ECPR General Conference 2014 Glasgow, September 3–6, 2014. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8127572d-9f46-4c11-8238-2b6ca8e2e14a.pdf> (дата обращения: 07.12.2014).

Источники

25 самых дорогих руководителей компаний: ежегодный рейтинг Forbes // *Forbes.ru*. 24.11.2016. URL: <http://www.forbes.ru/photogallery/333321-25-samyh-dorogih-rkovoditeley-kompaniy-ezhegodnyu-reyting-forbes> (дата обращения: 25.11.2016).

Березанская Е. Кто в России получает самую большую зарплату // *Forbes.ru*. 19.11.2012. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/rating/kompanii/211481-gosudarevyslugi-kto-v-rossii-poluchaet-samuyu-bolshuyu-zarplatu> (дата обращения: 18.03.2018).

Бизнесмен в суде Лондона решил вернуть деньги на покупку виллы Чигринского // *Деловая газета «Взгляд»*. 05.12.2012. URL: <https://vz.ru/news/2012/12/5/610449.html> (дата обращения: 14.12.2017).

Бутрин Д., Гизатулин Р. Виталий Артюхов ищет работу. Обратно в Минприроды его наверняка не возьмут // Коммерсантъ. 15.03.2004. № 45 (2884). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/457448> (дата обращения: 16.04.2018).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // RBC.ru. 11.03.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата доступа: 17.09.2016).

Гизатулин Р., Бутрин Д. У природы взяли свое. Что успел наделать Виталий Артюхов за последние два часа работы // Коммерсантъ. 21.03.2004. № 44 (2883). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/456942> (дата обращения: 03.05.2018).

Дмитриенко Д. Первый глава российской таможни оказался долларовым мультимиллионером // Ведомости. 06.12.2012. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/12/06/osnovatel_rossijskoj_tamozhni_okazalsya_dollarovym#cut (дата обращения: 09.01.2018).

Комитет Государственной Думы по энергетике. Секции Экспертного совета. URL: <http://komitet2-13.km.duma.gov.ru/Ekspertnyj-sovet/Sekcii-Ekspertnogo-soveta> (дата обращения: 01.11.2017).

Копалкина Е., Ткачёв И., Губернаторов Е. Минфин впервые раскрыл зарплаты министров // RBC.ru. 27.12.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/12/2017/5a4264ba9a79472a5bcfc5d5> (дата обращения: 28.12.2017).

Россия рухнула до уровня Африки в мировом рейтинге верховенства закона // Finanz.ru. 21.10.2016. URL: <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rossiya-rukhnula-do-urovnya-afriki-v-mirovom-reytinge-verkhovenstva-zakona-1001471865> (дата обращения: 09.11.2017).

Составы правительств с 1990 по 1998 год // Российская газета. 21.02.2011. URL: <https://rg.ru/2011/02/21/pravitelstvo-sostav.html> (дата обращения: 11.11.2017).

Составы правительств Российской Федерации // Российская газета. 21.02.2011. URL: <https://rg.ru/2011/02/21/primakov-pravitelstvo.html> (дата обращения: 11.11.2017).

Таможня дает добро: как первый глава российской таможни стал миллионером // Forbes.ru. 06.12.2012. URL: <http://www.forbes.ru/news/230530-eks-glava-rossiiskoi-tamozhni-priznal-sebya-multimillionerom-v-londonskom-sude> (дата обращения: 01.02.2018).

Тутушкин А., Дерягина О., Дербилова Е. Артюхов расщедрился // Ведомости. 12.03.2004. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2004/03/12/artuhov-rasschedrilsya> (дата обращения: 14.02.2018).

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 18.03.2018).

Шлейнов Р. 13. «Газпром» в окружении приятелей и родственников премьер-министра России // Новая газета. 23.12.2009. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/12/23/39858-13> (дата обращения: 17.12.2019).

Якорева А., Жолобова М., Мязина Е. Исследование РБК: сколько заработали сотрудники госкомпаний в 2015 году // RBC.ru. 17.02.2016. URL: <https://www.rbc.ru/research/business/17/02/2016/56c38c9d9a794798ed4f8e69> (дата обращения: 11.02.2018).

Corruption Perceptions Index 2017. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017 (дата обращения: 21.02.2018).

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat // The Economist. 15.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (дата обращения: 05.09.2015).

MEMBERS OF THE GOVERNMENT AND DEPUTIES OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION: CAREERS IN BUSINESS AFTER LEAVING OFFICE

D. Tev

(denis_tev@mail.ru)

*Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Citation: Tev D. Chleny Pravitel'stva i deputaty Gosudarstvennoy Dumy RF: kar'yera v biznese posle ukhoda s dolzhnosti [Members of the government and deputies of the State Duma of the Russian Federation: careers in business after leaving office]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 22–45. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.2>

Abstract. *The article is devoted to a business career of members of the Government of the Russian Federation and deputies of the State Duma after leaving office. The empirical study is based on the biographical database of deputies of the State Duma of the 1–6 convocations, who at least once dropped out of it as of the first half of September 2016, and members of the Russian government in the post-Soviet period, who at least once left this body as of August 2017. A study showed that working in business (most often in key positions) is the most common type of professional experience of statesmen after leaving office, with former ministers working in the commercial sphere more often than ex-legislators. However, many*

deputies, and especially members of the government, do not immediately transfer to companies, so that business as the first known place of work after retirement is inferior to administrative bodies. As for transitions to big business and, in particular, joining the economic elite of the all-Russian level, they are much more characteristic of former ministers than of deputies. The typicality of a post-government and post-Duma career in business, on the one hand, is, to some extent, a form of expression and a way of consolidating the “crony” character of Russian capitalism, in which connections with state power are the most important condition for the accumulation of capital and are very significant for companies. On the other hand, it is associated with business-friendly policies of statesmen who may be inclined to adapt their behavior to the interests of a potential, future employer and are rewarded by prominent posts by firms for their loyalty to business interests during their tenure.

Keywords: State Duma, governments, deputies, ministers, career, business, economic elite.

References

- Barsukova S. Informal Practices of Big Business in the Post-Soviet Period: from Oligarchs to Kings of State Orders. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2019, 27 (1), pp. 31–49.
- Bennett A.J. *The American President's Cabinet: from Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan, 1996. 263 p.
- Bertrand M., Kramarz F., Schoar A., Thesmar D. *Politicians, Firms and the Political Business Cycle: Evidence from France*. Center for Research in Economics and Statistics, March 15, 2007. URL: http://www.crest.fr/ckfinder/userfiles/files/pageperso/kramarz/politics_060207_v4.pdf (accessed: 16.04.2017).
- Blondel J. The Post-Ministerial Careers. In: *The Profession of Government Minister in Western Europe*. Ed. by Blondel J., Thiebault J.-L. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991, pp. 153–173.
- Boubakri N., Guedhami O., Mishra D., Saffar W. *Political Connections and the Cost of Equity Capital*. Scientific Literature Digital Library. 2008, № 10. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.175.6368&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 16.04.2017).
- Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.
- Chen C.J.P., Li Z., Su X., Sun Z. Rent-Seeking Incentives, Corporate Political Connections, and the Control Structure of Private Firms: Chinese Evidence. *Journal of Corporate Finance*, 17 (2), pp. 229–243.
- Claessen C., Bailer S. *What happens after? An analysis of post-parliamentary private sector career positions in Germany and the Netherlands*. Paper prepared for the workshop „Institutional Determinants of Legislative Coalition Management”, 16–19 November 2015, Tel Aviv University, Israel. URL: <https://www.sv.uio.no/isv/english/research/projects/evolution-parliamentarism/events/seminars/claessenbailerwhathappensafter.pdf> (accessed: 17.08.2018).

Claveria S., Verge T. Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures. *European Journal of Political Research*, 2015, 54 (4), pp. 819–835.

Cohen J.E. The Dynamics of the “Revolving Door” on the FCC. *American Journal of Political Science*, 1986, 30 (4), pp. 689–708.

Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy. In: *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. Ed. by A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 111–137.

Diermeier D., Keane M., Merlo A. A Political Economy Model of Congressional Careers. *American Economic Review*, 2005, 95 (1), pp. 347–373.

Dombrowsky V. Do Political Connections Matter? Firm-Level Evidence from Latvia. *Stockholm School of Economics in Riga*. Research paper № 3, 07.2008. URL: <http://www.biceps.org/assets/docs/izpetes-raksti/ResearchPaperNo3> (accessed: 14.03.2017).

Dörrenbächer N. Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens? *Acta Politica*, 2016, 51 (4), pp. 472–491.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis. *Financial Management*, 2010, 39 (3), pp. 905–928.

Fadeev P. *Political Connections and Evolution of Ownership Structure in Russian Industry*. Working Paper № BSP/2008/099. 2008. Moscow: New Economic School.

Fan J.P.H., Wong T.J., Zhang T. Politically Connected CEOs, Corporate Governance, and the Post-IPO Performance of China’s Partially Privatized Firms. *Journal of Applied Corporate Finance*, 2014, 26 (3), pp. 85–95.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks. *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Gladysheva A.A., Kishilova Ju.O. Vliyanie politicheskikh svyazey i gosudarstvennoy sobstvennosti na dejatel’nost’ firm v Rossii. *Journal of Corporate Finance Research*, 12 (1), pp. 20–43. (In Russian)

Goldman E., Rocholl J., So J. Do Politically Connected Boards Affect Firm Value? Review of Financial Studies, 2009, 22 (6), pp. 2331–2360.

Herrick R., Nixon D.L. Is There Life after Congress? Patterns and Determinants of Post-Congressional Careers. *Legislative Studies Quarterly*, 1996, 21 (4), pp. 489–499.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Kang J-K., Zhang L. Do Outside Directors with Government Experience Create Value? *Financial Management*, 2018, 47 (2), pp. 209–251.

Kryshtanovskaya O., White S. Losing Power in Russia. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2005, 21 (2), pp. 200–222.

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members. *Western Political Quarterly*, 1991, 44 (1), pp. 149–172.

Prewitt K., Nowlin W. Political Ambitions and the Behavior of Incumbent Politicians. *Western Political Quarterly*, 1969, 22 (2), pp. 298–308.

Saeed M.A. *Do Political Connections Matter? Empirical Evidence from Listed Firms in Pakistan*. PhD Thesis. London: Middlesex University, 2013. URL: <http://eprints.mdx.ac.uk/12361/1/MASaeed%20thesis.pdf> (accessed: 06.01.2017).

Samuels D. *Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 248 p.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*, 2011 10 (6), pp. 908–927.

Stolz K., Kintz M. *Post-Cabinet Careers in Britain and the US: Theory, Concepts and Empirical Illustrations*. Paper prepared for the ECPR General Conference 2014 Glasgow, September 3–6, 2014. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8127572d-9f46-4c11-8238-2b6ca8e2e14a.pdf> (accessed: 07.12.2014).

Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashhenija polnomochij [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career Characteristics after the Termination of Office]. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2018, 17 (1), pp. 106–133. (In Russian)

Tev D.B. Chleny pravitel'stva RF: osobennosti postpravitel'stvennoj kar'ery [Members of the Russian Government: Features of Post-government Careers]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2019, 28 (4), pp. 6–29. (In Russian)

«РАЗВИЛКА» 1996 ГОДА И РОССИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ: ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ

*Д. Жуков, Д. Сельцер*¹

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия*

Цитирование: Жуков Д., Сельцер Д. «Развилка» 1996 года и российские региональные элиты: гипотетические сценарии трансформации // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 46–75.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.3>

Аннотация. *Представлены альтернативные сценарии развития российских региональных административно-политических элит, сформированные посредством системно-динамической модели. Разработанная модель реализуется в Powersim Studio. Хронологические рамки исследования — 1985–2019 гг. Для построения модели были проанализированы механизмы и каналы рекрутирования элит, а также акторы, воздействовавшие на систему элитозамещения. Сведения об объекте моделирования формализованы в виде диаграммы запасов и потоков. Модель позволяет имитировать пополнение элит выходцами из разных социальных сред и соответственно динамику состава элит. Проанализированы реалистичный, а также два контрфактических сценария, стартовавшие в 1996 г. после гипотетической отставки Б.Н. Ельцина в связи с критическим состоянием здоровья и прихода к власти иных сил. Опираясь на результаты компьютерных экспериментов, авторы показали, что ни коммунистическая «реставрация», ни форсированная «либерализация» не устранили бы объективных предпосылок и потребностей для той региональной политики, которую реализовал позднее В.В. Путин.*

Ключевые слова: *системно-динамическое моделирование, политология, административно-политические элиты, регионы России, постсоветский период.*

¹ Автор для связи. E-mail: seltser@yandex.ru.

ВВЕДЕНИЕ: ЗАДАЧИ, ОБЪЕКТ, МЕТОДЫ И ЛИТЕРАТУРА

Исследование сфокусировано на экспериментах с системно-динамической моделью, имитирующей в виртуальной среде принципы и механизмы рекрутирования административно-политических элит регионов России в 1985–2019 гг. Задача исследования — конструирование альтернативных (контрафактических) сценариев развития элит. Такие сценарии представляют собой инструмент для выявления свойств и потенциала реально существующей системы рекрутирования, а также для изучения ее генезиса. Эксперименты позволяют изменять отдельные условия и события, воздействовавшие на поведение и эволюцию системы, оставляя все иные аспекты модели прежними. Это дает возможность рассматривать последствия тех или иных изменений (как реальных, так и гипотетических) изолированно — «при прочих равных условиях».

Н. Гильберт и коллеги описывают эвристические возможности такого подхода: «В отличие от политического экспериментирования, вычислительные модели политики могут работать... с контрафактическими предположениями... и в соответствии с *ceteris paribus* (допущением, что все другие условия, кроме указанных, остаются неизменными. — Д.Ж., Д.С.). Используя модели политики, мы можем исследовать альтернативные решения, просто опробовав вариации параметров в модели, и экспериментировать с контекстно-зависимыми моделями с близкими, средними и далекими временными горизонтами» [Gilbert et al. 2018: 14].

Представленное исследование является эпизодом большой программы по системно-динамическому моделированию (СДМ) региональных элит. «Объект моделирования состоит из двух групп элиты (в терминологии СДМ — “запасов” или “уровней”). Во-первых, это “административная элита среднего и низшего звена” — основная масса региональных чиновников и деятелей местного самоуправления. Во-вторых, это “административно-политическая элита высшего звена” — лица, которые имеют возможность принимать решения по существу региональной политики (включая формирование и расходование бюджетов) или влиять на подобные решения.

Модель показывает, из каких социальных источников пополняются эти группы в течение рассматриваемого периода, как меняется состав элиты, какие факторы (усилия различных социально-политических сил, решения властных органов и пр.) влияют или могут повлиять на эти

процессы» [Жуков и др. 2020]. Запасы (уровни) в соответствии с традицией СДМ представлены прямоугольниками на диаграмме запасов и потоков (см. рис. 1).

Модель построена на эмпирической базе, включающей в себя статистику и аналитику, описывающие динамику элит в семи российских регионах. Эти сведения были синтезированы и формализованы в виде экспертных оценок, которые послужили исходными данными для моделирования. С определенными оговорками модель можно распространить на европейскую часть России за исключением крайних северных, южных и столичных регионов. Помимо наших работ [Сельцер 2006; 2017; 2018; Сельцер, Жуков 2017; 2019], для создания модели были привлечены исследования российских и зарубежных исследователей [Быстрова и др. 2019; 2017; Гаман-Голутвина 2012; 2006; Даугавет и др. 2016; Дука 2014; Лапина 2004; Магомедов 2000; 2018; Мохов 1998; 2000; Нечаев 2003; Федорченко 2017; Чирикова, Ледяев 2017; Чирикова и др. 2014; Ledyayev et al. 2014; Ledyayev, Chirikova 2019a; 2019b; 2017; 2020; Turovsky, Gaivoronsky 2017].

Инструментарий системно-динамического моделирования является результатом большого числа теоретических и прикладных работ [Ахременко 2009; Гараедаги 2010; Медоуз 2011; Форрестер 1978]. На основе этого весьма авторитетного и успешного инструментария в США и Европе сформировалась «аналитическая индустрия» для поддержки прогнозирования и принятия решений в государственном и корпоративном секторах. Имеется также опыт приложения СДМ к решению политологических проблем [Armenia et al. 2014; Axelrod 2004; Choucri et al. 2007; Sorci 2015].

Системно-динамические модели создаются и реализуются (функционируют в виртуальной среде) посредством специализированных компьютерных программ. Представленная здесь модель создана в Powersim Studio 10.

ДИАГРАММА ЗАПАСОВ И ПОТОКОВ

Центральным элементом модели стала диаграмма запасов и потоков, которая показывает:

— какими «потоками» (каналами социального передвижения людей) связаны «запасы» между собой, а также с социальными резервуарами, из которых элита пополняется новобранцами;

— какие «механизмы» (институты) регулируют эти «потоки»;

— какие акторы (политические и социальные силы) влияют на функционирование «механизмов»;

— какими информационными коннекторами связаны сами акторы, т.е. как они влияют друг на друга.

Диаграмма представлена на рисунке 1, легенда — в таблице 1. Социальные и политические смыслы диаграммы разъяснены детально в публикации [Жуков, Сельцер 2019а], а также в ряде других наших статей (см., например: [Жуков, Сельцер 2019b]). Математический аппарат представлен в публикации [Жуков и др. 2020]. Модель в формате Powersim, результаты экспериментов, исходные данные (экспертные оценки) доступны на сайте Центра фрактального моделирования: <http://ineternum.ru/sdm1/>.

Модель является метатемпоральной: «Она сочетает несколько качественно разных исторических периодов, в течение которых действовали разные социальные и политические институты. Поэтому в модели некоторые элементы в течение некоторых периодов могут быть отключены. Например, актор “ЦК КПСС” после 1991 года не функционировал» [Жуков и др. 2020].

Единица времени (такт) в модели равен полугоду. Первый такт соответствует первой половине 1985 г., 70-й такт — второй половине 2019 г.

Таблица 1

Обозначения элементов диаграммы запасов и потоков

Графические элементы	Названия в данной модели	Термины, принятые в СДМ
	звенья	запасы / уровни / переменные уровней
	потоки	потоки / материальные связи
	среды / социальные резервуары	внешние источники
	механизмы	переменные темпа
		вспомогательные переменные
	акторы	вспомогательные переменные
	влияние	коннекторы / информационные связи
	ярлыки	ярлыки / псевдонимы

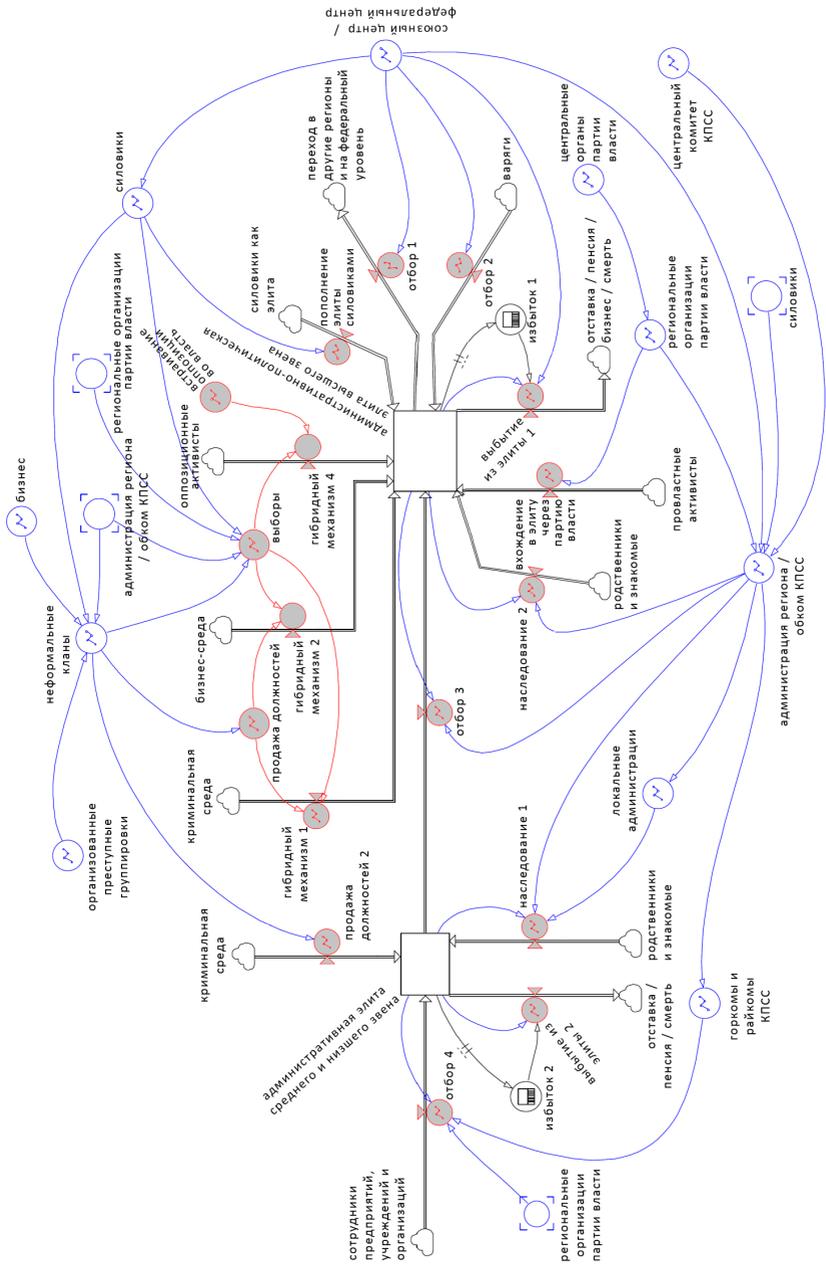

Рис. 1. Диаграмма запасов и потоков

РЕАЛИСТИЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Базовый сценарий имитирует свершившийся вариант развития событий и подробно описан в наших статьях (см., например: [Жуков, Сельцер 2019a]). Именно этот сценарий был использован для верификации модели посредством сопоставления результатов моделирования с известными фактами. Здесь мы отметим лишь некоторые — ключевые для данного исследования — особенности реалистичного сценария.

Рисунок 2 показывает как с некоторыми оговорками изменялся (в виртуальной среде) состав элиты высшего звена. Динамика элиты отчетливо распадается на три этапа.

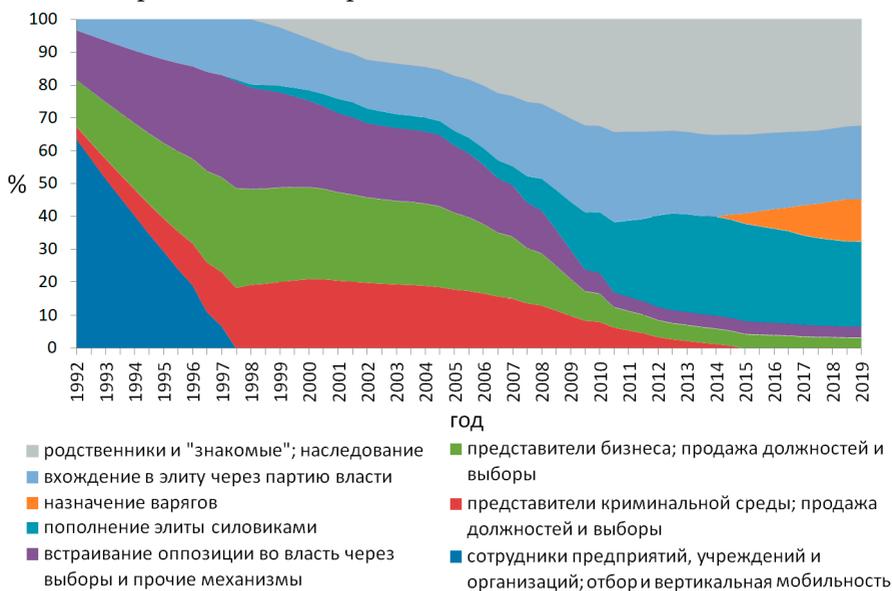

Рис. 2. Состав новобранцев в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, реалистичный сценарий

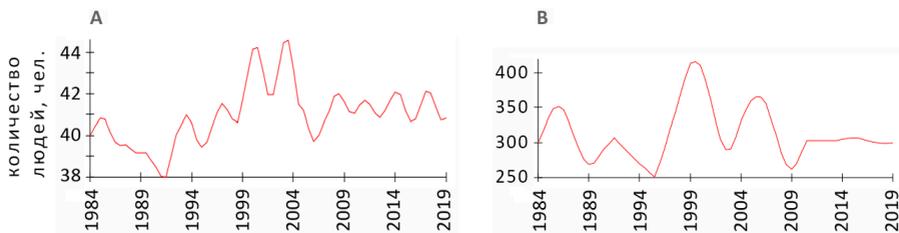

Рис. 3. Динамика численности высшего звена (А), среднего и низшего звеньев элиты (В), реалистичный сценарий

В течение первого этапа (1991–1998) численного перевеса, а с выборов 1993–1995 гг. уже и господствующего положения внутри элиты добились группы, которые в силу своих сущностных качеств не были лояльными по отношению к федеральному центру. Это представители оппозиции, криминальной среды и бизнес-сообщества. После 1991 г. старые номенклатурные кадры были быстро вытеснены новобранцами именно из этих социальных резервуаров. К концу первого этапа федеральный центр непосредственно столкнулся с тремя системными проблемами, угрожавшими как целостности страны, так и существующей власти на федеральном уровне. Во-первых, это неуправляемость региональных элит; во-вторых, делегитимация элит и отчуждение власти и населения; в-третьих, катастрофическое падение качества элит (депрофессионализация, коррумпированность, приватизация государственных функций). Адресатом недовольства народа, как правило, становились не только и не столько регионалы, сколько федеральные властные институты, которые инициировали многие деструктивные процессы.

Содержание второго этапа (1998–2009) определялось попытками обновляющегося и, спустя время, обновленного федерального центра переломить негативные тенденции, используя наиболее доступные и быстрые инструменты. Политика выстраивания вертикали власти, проводимая новым президентом В.В. Путиным, предусматривала среди прочего препятствование (а затем и полный запрет) проникновению криминала в органы власти, а также ослабление роли выборов как механизма формирования местных элит. Это уменьшило приток в элиту бизнеса, криминала и оппозиции. Заметные результаты (в плане изменения состава элиты) такая политика начала давать к 2004 г. Если до поры численное доминирование указанных групп сохранялось (хотя и медленно убывало), то с этого момента их доля в элите начала быстро и неуклонно сокращаться.

Бизнес, криминал и оппозиция в составе элиты уступили место не только выдвиженцам партии власти, варягам и силовикам (их влияние и доля росли до 2010 г. довольно медленно), но главным образом представителям группы, которую мы обозначили как «родственники и знакомые». Это «люди, которые получили элитные позиции, постольку состояли в разного рода личных отношениях с представителями уже существующей элиты. Механизм рекрутирования таких людей мы обозначили как «наследование». Рекрутирование элиты на основании лич-

ных связей порождено естественным стремлением элиты как социальной группы к замыканию, наследованию и воспроизводству в поколениях своего статуса» [Жуков, Сельцер 2019а].

Такой побочный эффект чистки элит сформировал системную проблему, которая означала сохранение (конечно, в существенно меньшей мере, нежели в ельцинский период) невысокого качества элит и их низкой — мерцающей — легитимности. «Борьбой государства за оздоровление элиты в полной мере воспользовались не провластные силы, а именно традиционалистские институты, которые очень быстро возродились и отмобилизовались» [Жуков, Сельцер 2019а].

Третий этап (2009–2019) характеризовался решительным увеличением доли силовиков в региональной элите, а затем стабилизацией и консервацией текущей конфигурации сил и интересов основных региональных акторов.

Динамика низшего и среднего звена элиты представлена на рисунке 4. Очевидно, что процессы в течение первого этапа в этих звеньях можно охарактеризовать как катастрофу, а оздоровление элиты в течение второго этапа слишком затянулось и не принесло ожидаемых результатов.

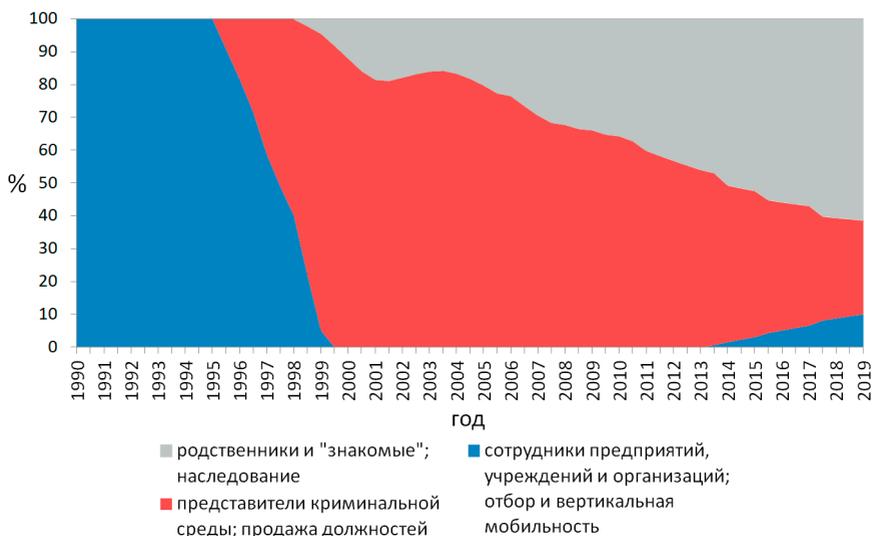

Рис. 4. Состав новобранцев в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, реалистичный сценарий

Пока существовали номенклатурная система и партийный контроль над расстановкой кадров, райкомы и горкомы КПСС, а также первичные партийные организации занимались рекрутированием в состав управленцев активных и способных выходцев из разных сфер — из числа так называемых «сотрудников предприятий, организаций и учреждений». После департизации фактически не осталось ни одного института, который был бы заинтересован и имел возможность поддерживать такой отбор, т.е. сохранять карьерный лифт. Управленческий аппарат поэтому быстро наполнился представителями криминала, а затем — «родственниками и знакомыми». «И лишь с 2014 г. был запущен механизм отбора — в среднем звене стали появляться варяги (из числа местных деятелей, перемещенных в другие районы или другие ведомства), а в низшее звено наметился приток активной молодежи при поддержке государственных программ карьерного роста и мобильности. Однако эти механизмы пока не успели насытить элиту активными и талантливыми выходцами из других социальных сред» [Жуков, Сельцер 2019а].

ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ КОНТРАФАКТИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ

Мы рассмотрим два контрфактических сценария. Сюжеты обоих стартовали в 1996 г., когда Б.Н. Ельцин незадолго до президентских выборов ушел в отставку. В сценарии 4.2, который мы условно назвали «реставрацией», к власти в результате выборов пришли Г.А. Зюганов и КПРФ. В сценарии 4.3 — «либерализация» — выборы выиграл молодой и демократически ориентированный преемник — аналог Б.Е. Немцова (сам Б.Е. Немцов, вероятно, не смог бы сыграть эту роль, поскольку появился на федеральном уровне и стал рассматриваться как один из преемников лишь в 1997 г.). Оба сценария во вполне конкретных условиях «развилки» 1996 г., учитывая тогдашнее состояние здоровья Б.Н. Ельцина, вовсе не кажутся нам нарочито фантастическими.

В совокупности с реалистичным сценарием все три варианта представляют собой некую завершенную картину, описывающую возможные в середине — конце 1990-х годов реакции федерального центра на скоротечную деградацию региональных элит и федеративных отношений. В реалистичном сценарии для решения означенных проблем была осуществлена «вертикализация» власти с опорой на силовиков и при снижении значимости выборных процедур.

«Реставраторы» ожидаемо сделали ставку на возрождение принципов и механизмов контроля КПСС над кадрами и кадровыми решениями. «Либерализаторы» видели главный рецепт в восстановлении доминирования партии власти в механизмах воспроизводства элиты (в логике действий «Демократической России» при формировании органов власти на рубеже 1991–1992 гг.) и в дестабилизации местных кланов посредством демократизации и хаотизации региональных политических процессов.

Оба контрфактических сценария являются инерционными в том смысле, что всецело зависят от решений, принятых в 1996 г. (или в ближайшие годы) и затем не корректировавшихся.

Необходимо обратить внимание на неявное (принятое по умолчанию), но важное условие экспериментов, сгенерировавших сценарии 4.2 и 4.3. В том и в другом случае подразумевается, что принимаются иные (по сравнению с реалистичным сценарием) политические и административные решения, но сохраняется прежний вектор социально-экономического развития страны (включая капиталистическую трансформацию и, кроме всего прочего, появление бизнеса и криминала как влиятельных акторов).

И «реставраторы», и «либерализаторы», придя к власти, задействовали наиболее простые, быстрые и наиболее доступные им инструменты — политические решения, административные рычаги и изменения законодательной базы. Однако саму систему акторов и практики их взаимоотношений они не могли изменить достаточно быстро и радикально. Иначе говоря, контрфактические сценарии не подразумевают всестороннюю и радикальную перекройку социальных институтов. Конечно, открытым остается вопрос, было бы «это так», если бы власть действительно оказалась в руках Г.А. Зюганова или политика типа Б.Е. Немцова. Однако наша задача не заключается в том, чтобы создать параллельную фантастическую реальность, а в том, чтобы протестировать возможные последствия отдельных вероятностных решений. Это позволяет понять потенциал, закономерности развития и свойства вполне реальной системы рекрутирования. Кроме того, мы считаем важным вводить в эксперименты только те гипотетические условия/решения, которые являются наиболее вероятными, т.е. наиболее простыми и имеющими аналоги в недавнем историческом прошлом.

СЦЕНАРИЙ 4.2. «РЕСТАВРАЦИЯ»: УСЛОВИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В полном объеме условия сценария описаны в приложении 1. Здесь мы лишь в общих чертах обозначим те решения и реформы, которые запустили этот вариант.

Мы исходили из того, что «возрожденная КПСС» вернулась к прежним смыслам, задачам и принципам подбора и расстановки кадров как в высшем, так и в среднем и низшем звеньях региональных элит. Однако влияние Коммунистической партии на систему рекрутирования кадров снизилось приблизительно на треть даже по сравнению с 1991 г. Действительно, трудно предположить, что в 1996 г. удалось бы вернуться к уровню влияния КПСС брежневского времени.

Были восстановлены низовые партийные организации на предприятиях и в учреждениях, в кадровых вопросах восстановлен контроль обкомов/рескомов над региональными администрациями. Кроме того, во второй половине 1996 — первой половине 1997 г. была проведена чистка аппарата управления на региональном уровне: освобождено от занимаемых должностей 20 % (от текущей численности) служащих во всех звеньях.

Эксперимент «реставрация» продлился со второй половины 1996 до 2019 г. Необходимо, однако, иметь в виду, что реальная политика «реставрации» могла быть прервана значительно раньше — через один или два президентских срока. Таким образом, 2000 и 2004 гг. следует считать в этом сценарии (равно как и в сценарии «либерализации») критически важными. Именно к этим датам должны были проявиться результаты «перелома 1996 года», определившие в значительной мере успех или неуспех того или иного сценария.

Реставрация вызвала явную колебательную динамику общей численности всех звеньев (рис. 5). Для высшего звена это не стало проблемой: здесь имели место сравнительно несильные колебания в диапазоне от 40 до 43 человек с периодом около 3–4 лет. В то же время численность среднего и низшего звеньев колебалась с периодом около 6 лет в огромном диапазоне от 241 до 445 человек.

При такой динамике низшего и среднего звеньев невозможно надеяться на формирование сколько-либо профессиональной и некоррупцированной касты бюрократов, которая могла бы стать резервуаром для рекрутирования неономеклатурщиков, на которых намеревались

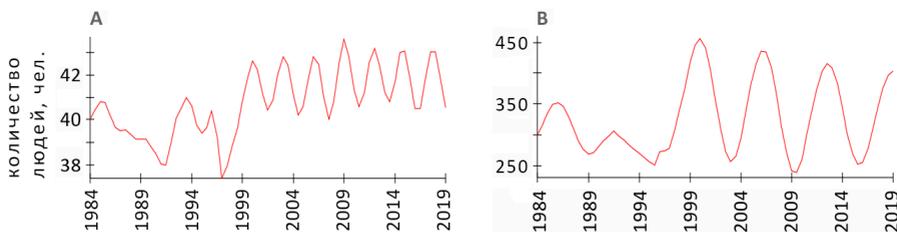

Рис. 5. Динамика численности высшего звена (А), среднего и низшего звеньев элиты (В), сценарий «реставрации»

опереться «реставраторы». Давление на механизмы рекрутирования со стороны выходцев из криминальной среды было столь велико, что каждые шесть лет система была вынуждена быстро сбрасывать численность. Однако результаты подобных чисток уже спустя три года нивелировались — и низшие звенья вновь заполнялись «сомнительными личностями». Мы видим, что сокращение (кстати, не очень большое) возможностей криминала поставлять своих людей в высшее звено, привело к захвату ими значимых позиций внизу административной иерархии.

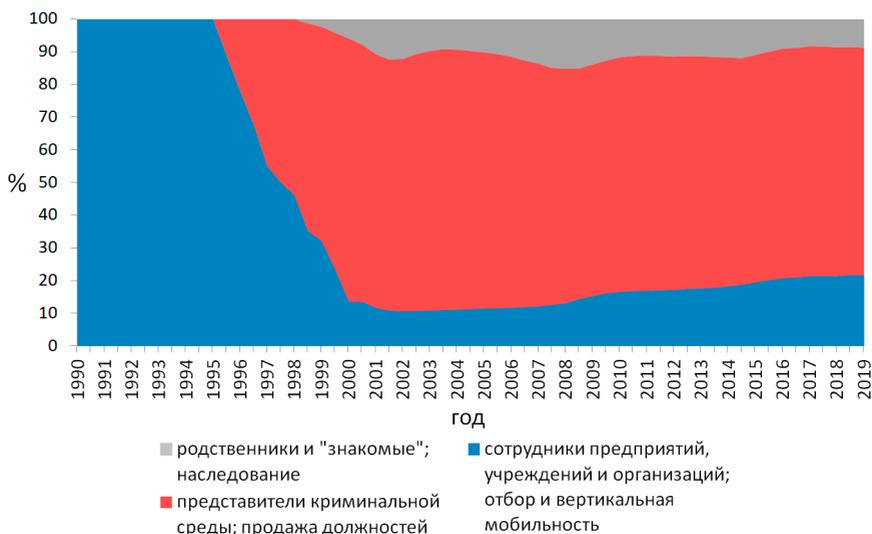

Рис. 6. Состав новобранцев в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий «реставрации»

На рисунке 6 заметно, что усилия «реставраторов» привлечь лояльные кадры карьерных служащих в аппарат дали результат. Однако этот результат никак не мог компенсировать общую (очень быструю) деградацию состава низшего и средних звеньев. Старые механизмы отбора не были восстановлены в полной мере, но, что самое важное, они уже не могли быть монопольными — у них появились конкурирующие механизмы, которые были поддержаны весьма влиятельными социальными силами. В итоге возникла ситуация, когда «старые кадры» (пришедшие в аппарат еще во времена СССР) в силу естественных причин вымывались, но не компенсировались «новой кровью» — талантливыми и политически активными «сотрудниками предприятий, организаций и учреждений». Общая численность этой когорты к 2001 г. достигла лишь 12 %, а к 2019 г. — 22 %. Это лучше, чем в реалистичном сценарии, но недостаточно и медленно, чтобы оздоравливающий эффект (который, конечно, имел место вследствие роста этой когорты) стал хорошо заметен и начал управлять динамикой элиты.

Кроме того, с представителями криминала не смогли конкурировать и «родственники и знакомые», поскольку «реставраторы» относились к этой когорте негативно и стремились не допустить ее расширения.

В целом «реставраторы» столкнулись в среднем и низшем звеньях с теми же проблемами, что и в реалистичном сценарии: низовые уровни аппарата не удалось уберечь от засилья криминала.

В высшем звене ситуация также улучшалась, но катастрофически медленно (рис. 7). Основная опора «реставраторов» — неономенклатурщики, несмотря на сильную поддержку со стороны «возрожденной КПСС», к 2001 г. достигли чуть более 14 %, а к 2019 — 17,5 %. Несомненно, это позитивная тенденция (по сравнению с реалистичным сценарием). Полагаем, что наличие такой когорты стабилизирует управленческий аппарат, способствует профессионализации и тормозит коррупционную деградацию. Негативной тенденцией было то, что (в отличие от реалистичного сценария) численность криминала, бизнеса и оппозиции сокращалась очень медленно. В 1996 г. упомянутые когорты имели в совокупности 66 % позиций в элите, в 2001 г. — 75 %, а в 2019 г. — 43 %. Учитывая, что в альтернативной реальности доля этих когорт впервые упала ниже 50 % лишь в 2016 г., «реставраторы» вряд ли смогли бы сохранить свою власть в регионах в каком-либо реальном смысле.

«Реставраторы» не смогли реализовать своих задач в кадровой политике — они не создали лояльного и профессионального большинства

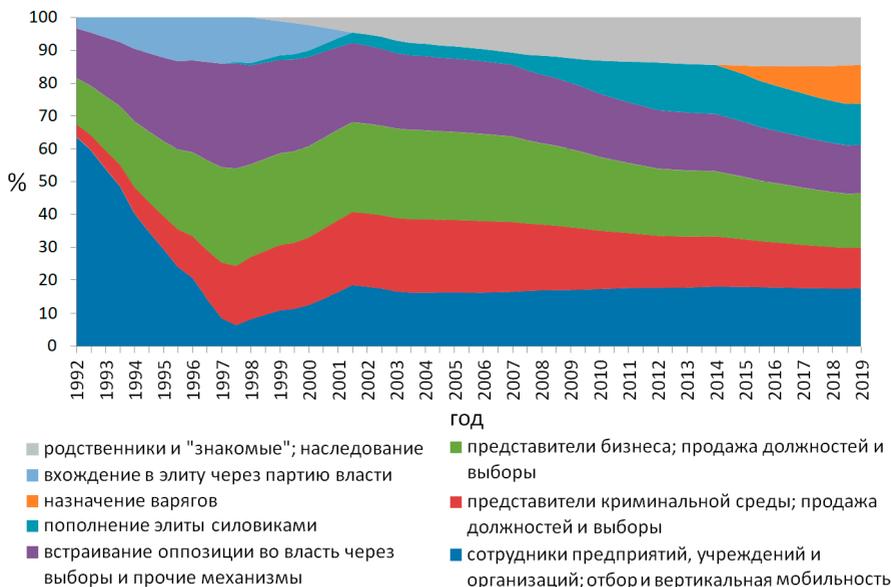

Рис. 7. Состав новобранцев в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий «реставрации»

в региональной элите. В сущности, к моменту новых выборов — в 2000–2001 гг. — власть столкнулась с теми же проблемами, как и в реалистичном сценарии. Политическую ситуацию «реставраторов» (в плане обеспечения контроля над элитами, повышения их качества и легитимности) можно считать катастрофической практически на протяжении всего периода — от 1996 до 2019 г. «Реставрация» не устранила объективных предпосылок и потребностей для той политики, которую реализовал В.В. Путин.

Среди удач «реставраторов» можно назвать то, что «родственники и знакомые» к 2019 г. имели в элите долю лишь 15,5 % (это меньше, чем в реалистичном сценарии, где в это же время «родственников и знакомых» скопилось более 32 %). Однако эта удача вряд ли способствовала политическому успеху «реставраторов». «Родственники» обычно политически комформны и неопасны для власти в кратко- и среднесрочной перспективе. Но они разрушительно воздействуют на властные институты в долгосрочной перспективе. Стремление элиты к замыканию и передаче власти по наследству напрямую ведет к дискредитации

и делегитимации власти. Это непосредственная причина отчуждения власти и народа.

Элита эпохи «реставрации», в сущности, даже без засилья «родственников» вряд ли могла претендовать на легитимность. Многочисленные когорты криминала и бизнеса, конечно, лишали власть сколько-либо значимых шансов приобрести доверие и авторитет в глазах населения. «Реставраторы» не смогли изолировать систему рекрутирования от давления новых социальных сил. Ставка на возрождение номенклатурных практик времен КПСС, казавшаяся весьма благотворной в плане оздоровления элиты (и, возможна, отчасти и бывшая таковой), была системно недостаточна, для того чтобы остановить деградацию качества элиты.

СЦЕНАРИЙ 4.3. «ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ»: УСЛОВИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В полном объёме условия сценария описаны в приложении 2. Здесь обратим внимание лишь на ключевые моменты политики «либерализаторов» в сфере воспроизводства региональных элит. Проблемы утраты контроля и падения качества элит «либерализаторы» должны были бы решать исходя из собственных теоретических представлений и своего короткого исторического опыта.

Федеральный центр поэтому стремился снизить влияние силовиков и существенно повысить значимость выборов как механизмов рекрутирования элиты. Это соответствовало демократическим умонастроениям новой власти — установкам на форсированный транзит. Кроме того, такая политика рассматривалась как средство сделать механизмы рекрутирования (и в целом региональные политические процессы) более конкурными, помешав тем самым консолидации и консервации власти в руках региональных кланов и/или коммунистов-реваншистов. Заметим, что побочным эффектом такого курса стала невозможность для силовиков переориентироваться на противодействие неформальным кланам (что имело место в реалистичном сценарии с 2000-х годов).

Вторая ключевая ставка «либерализаторов» — значительное усиление новой (или обновленной) демократически ориентированной партии власти. Она должна была служить каналом, через который региональная элита насыщалась бы людьми, от которых можно было бы ожидать «верности принципам» и готовности следовать в фарватере новой обще-

национальной политики. На первый взгляд, кажется, что выбор такого рычага воздействия на регионы нехарактерен для «либерализаторов». Однако, делая такой выбор, они копируют свой недавний и, по существу, единственный успех в региональной кадровой политике. В начале 1990-х годов первая партия власти — движение «Демократическая Россия» — смогла на короткое время сосредоточить в своих руках право определять назначения на ключевые должности в регионах. Это позволило быстро отстранить «старые кадры». Такие успехи, конечно, опирались на полномочия и авторитет еще популярного в то время Б.Н. Ельцина.

Кроме того, следует предположить, что «либерализаторы» должны были стремиться наполнить низшие и средние звенья элиты «новой кровью», т.е. запустить механизмы рекрутирования талантливых и политически лояльных новобранцев из внеэлитной среды на низовые должности в аппарате управления. Однако новая партия власти практически не имела опыта в сфере подбора низовых кадров (в отличие от «возрожденной КПСС»). Кроме того, эта деятельность требует создания разветвленной партийной структуры «на местах». Поэтому мы установим, что механизмы отбора и рекрутирования были запущены лишь с 1997 г.

Графики на рисунке 8 показывают общую динамику численности разных звеньев элиты. Оба графика свидетельствуют о невиданной борьбе за власть.

В низшем и среднем звеньях (рис. 8А) численность элиты колебалась с периодом около шести лет в диапазоне от 250 до 440 человек. Эта динамика очень похожа на сценарий «реставрации». Размах и частота колебаний не оставляют никаких шансов для формирования нормального (т.е. лояльного, малокоррупцированного и профессионального)

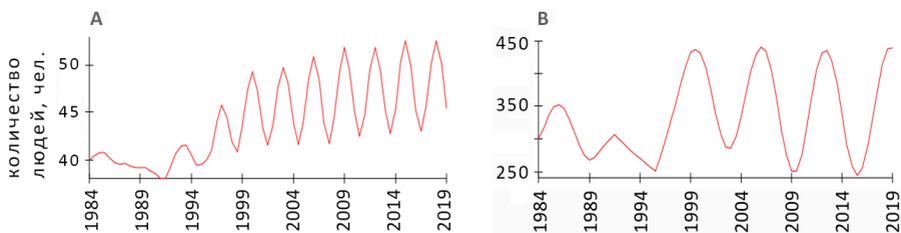

Рис. 8. Динамика численности высшего звена (А), среднего и низшего звеньев элиты (В), сценарий «либерализации»

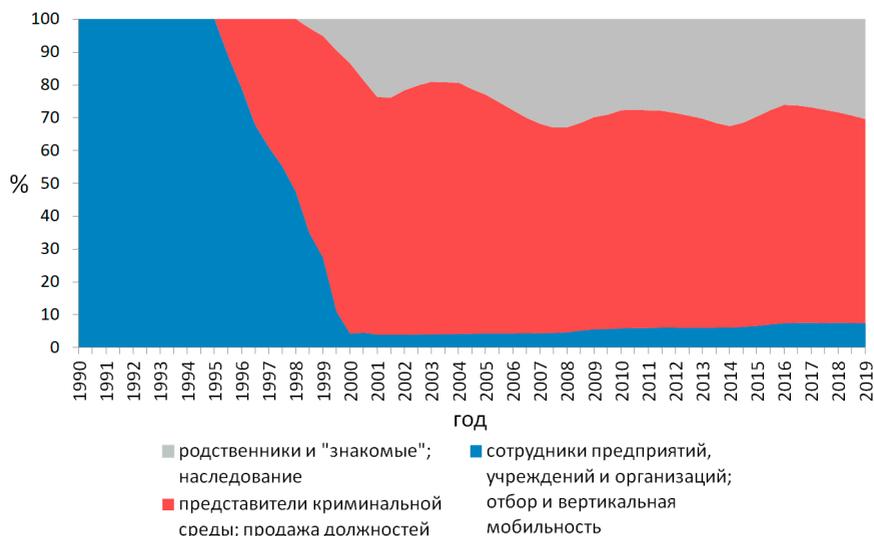

Рис. 9. Состав новобранцев в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий «либерализации»

аппарата. Поход криминала во власть (в данном случае в ее нижние уровни) провоцирует регулярные чистки (сбросы численности), которые, однако ничего не меняют в самой системе, открытой для подобного рода давления. В результате довольно быстро цикл повторяется.

Если в сценарии «реставрации» колебания высшего звена (см. рис. 3А) были незначительны, то в сценарии «либерализации» колебания высшего звена (рис. 8В) крайне болезненны: с периодичностью около 3–4 лет численность колеблется в диапазоне от 44 до 53 человек (т.е. $\pm 22,5\%$ от оптимальной численности). Более того, колебания не имеют тенденции к затуханию. Это следует рассматривать как свидетельство регулярного переполнения элиты и несбалансированности усилий и интересов разных акторов, которые воздействовали на систему рекрутирования. Здесь не было, вероятно, сколько-либо устойчивых внутриэлитных соглашений между акторами, которые, очевидно, пребывали в постоянной и ожесточенной борьбе за власть.

Заметим, что колебательную динамику далеко не всегда можно трактовать как признак патологии (в реалистичном сценарии мы также наблюдали колебания, но не столь большого размаха и имеющие тенденцию к затуханию — см. рис. 3). Колебательная динамика свойствен-

на многим процессам в природе, и социальным, и биологическим, и физическим. Это естественный механизм поиска и поддержания динамического баланса, реагирования на внешние импульсы. Однако, конечно, незатухающие сильные колебания не следует рассматривать в данном примере как нормальное состояние дел.

Успехи «либерализаторов» в оздоровлении низшего и среднего звеньев можно назвать столь же скромными, как и достижения «реставраторов» (рис. 9).

Пополнение управленческого аппарата талантливой молодежью из других сфер несколько не компенсировало выбытие «старых кадров». К 2001 г. вертикальными социальными лифтами смогло воспользоваться лишь 4,4 % от общего числа человек в среднем и низшим звеньях, а в 2019 г. — 7,3 %. Конечно, новоявленные механизмы рекрутирования, которые попытались создать «либерализаторы», оказались слабее, чем старые механизмы расстановки кадров, функционировавшие под эгидой «возрожденной КПСС». Кроме того, существенную долю смогли отводить для себя «родственники и знакомые». Доминирование криминальной среды и в этом сценарии неоспоримо и не имеет заметной тенденции к сокращению.

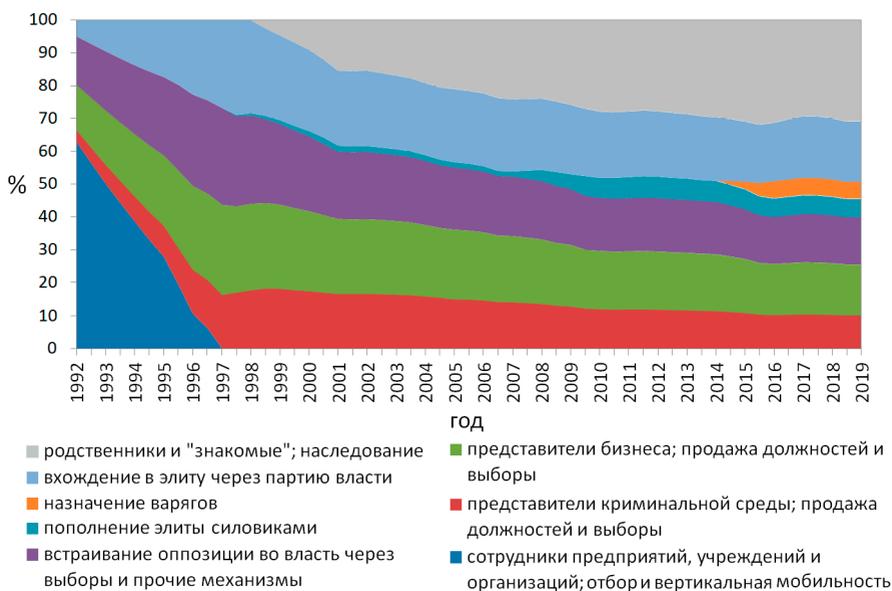

Рис. 10. Состав новобранцев в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий «либерализации»

Анализ динамики состава высшего звена (рис. 10) показывает, что своих основных целей «либерализаторы» не достигли. Хотя они и создали для себя политическую ситуацию (в плане контроля над региональными элитами), несколько лучшую, чем «реставраторы», тем не менее их положение и к 2001, и к 2019 г. можно считать очень близким к катастрофическому.

Основная опора «либерализаторов» — успешные и лояльные представители демократически ориентированной партии власти. Накануне победы «либерализаторов» партия власти имела почти 23 % позиций в высшем звене. Немалые усилия «либерализаторов» по расширению доли новой (или обновленной) партии власти дали наибольшую отдачу к 1998 г., когда эта доля превысила 28 %. Далее доля «демпартийцев» в элите медленно падала до 23 % к 2001 г. и до 18,4 % — к 2019 г. Конечно, «либерализаторам» удалось сформировать большую и лояльную когорту в элите, но доминирования она определенно не достигла.

«Либерализацией» в полной мере воспользовались «родственники и знакомые», которые в большей мере, нежели остальные претенденты, расширили свое представительство (почти 31 % к 2019 г.). «Родственники и знакомые» стали самой большой когортой элиты (в реалистичном сценарии их доля достигла к 2019 г. похожей величины — 32,3 %).

Показательно, что доля «родственников и знакомых» демонстрировала уверенный рост при диаметрально противоположных политиках — и при форсированной демократизации (сценарий «либерализации»), и при антилиберальных ограничениях (реалистичный сценарий «вертикализации власти»). Полагаем, объяснение этого эффекта заключается в том, что механизм пришествия «родственников» во власть одинаково индифферентен к тому и другому типу политики и чужд противоречиям между демократами, коммунистами или государственниками. Можно сказать, что пришествие во власть «родственников» было проявлением фундаментально иной линии эволюции, принципиально оппозиционной всем трем упомянутым стратегиям. Увеличение численности «родственников и знакомых» — это индикатор архаизации и замыкания элит, проявление регресса на очень глубоком социальном уровне. Такая тенденция не чувствительна к тому, происходит ли всемерное развитие выборных процедур или идет выстраивание вертикали власти. Истоки замыкания элит находятся вне сферы игр политических акторов. Только специальное и целенаправленное противодействие замыканию — всемерное развитие принципов справедливости и мери-

тократии, внедрение и поддержание вертикальных социальных лифтов — может привести к подавлению (но не искоренению) этой тенденции.

В сущности, во всех рассмотренных сценариях подобные задачи ставили только «реставраторы», руководимые стремлением воспроизвести кадровую политику КПСС.

Вернемся к сценарию «либерализации». Поскольку «либерализаторам» не удалось решительно расширить представительство партии власти в элите, то совокупная доля криминала, бизнеса и оппозиции убывала крайне медленно: 1996 г. — 67 %, 2001 г. — 60 %, 2019 г. — 40 %. Конечно, «либерализаторы» могли рассчитывать на нейтралитет «родственников», на стойкую поддержку «демпартийцев» и на ситуационные союзы с бизнесом, тем не менее в течение большей части изучаемого периода системные провластные силы оставались в меньшинстве.

Как и «реставраторы», «либерализаторы» не сняли ни одной из предпосылок, породивших политику вертикализации власти в реалистичном сценарии.

Почему провалилась главная надежда «либерализаторов» — продвижение в элиту функционеров и сторонников партии власти? Почему доля «демпартийцев» не росла сколько-либо значительно? Дело в том, что за позиции в элите конкурировали многие силы, сумевшие создать действенные механизмы рекрутирования в элиту своих представителей. Эта конкурентная среда была естественным порождением социальных и экономических трансформаций, которые создали новые силы и толкали эти силы во власть. Элита в такой конкурентной системе не была уже «глиной в руках» федерального центра. Сама по себе власть не была способна рассадить в кресла неких «правильных людей»: для радикального смены облика элиты требовалась трансформация акторов и системы отношений между ними. В сущности, только в реалистичном сценарии прослеживаются шаги в духе подобного социального редизайна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объективные проблемы, которые создавали угрозы власти и поэтому двигали политику федерального центра в отношении региональных административно-политических элит, были, конечно, одинаковыми во всех рассмотренных сценариях. Это три предпосылки, три мотива трансформации элит в конце 1990-х — начале 2000-х годов:

1) снижение лояльности и угроза выхода региональных элит из-под контроля центра;

2) утрата легитимности и соответственно рост отчуждения между элитами и народом (такое отчуждение, естественно, проецировалась и на отношения федеральных властей с народом);

3) снижение качества управления: угроза депрофессионализации и массовой коррупции.

В реалистичном сценарии из всех трех угроз политика «вертикализации» устранила в достаточной мере только одну — угрозу выхода элит из-под контроля центра. Кроме того, активное пополнение элиты силовиками и варягами на современном этапе создает просматриваемую перспективу решения проблемы качества управления. Засилье «родственников» и замыкание элиты не дают возможности говорить о том, что решена проблема легитимности, поскольку элита демонстративно игнорирует принципы справедливости и меритократии. А попытки федерального центра разблокировать вертикальные карьерные лифты пока не дали масштабного эффекта.

Однако обсуждая достижения или неудачи реальной политики, полагаем, необходимо иметь в виду, что рассмотренные альтернативные сценарии не устранили ни одной из трех ключевых угроз.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. УСЛОВИЯ СЦЕНАРИЯ 4.2

Начиная с 24 такта (включительно) в модель внесены следующие изменения.

1. Горкомы, райкомы, обкомы/рескомы, ЦК КПСС были восстановлены с прежними управленческими функциями в сфере подбора кадров. Влияние этих акторов определено как 70 % от уровня влияния этих же акторов в последний год существования СССР.

2. Новая партия власти (отличная от КПСС) была ликвидирована.

3. Номенклатурная система была восстановлена. Обком КПСС снизил действенность механизмов наследования до 0,11 для «наследования 1» и до 0,33 для «наследования 2». Эта величина втрое меньше, чем та, которая установилась в последний год перед разрушением номенклатуры.

4. Обком КПСС сократил поддержку локальных администраций, благоприятствующих механизму «наследования», до 0,32. Эта величина вдвое меньше, чем та, которая установилась в последний год перед разрушением номенклатуры.

5. Под контролем партии были запущены механизмы отбора и продвижения «по службе» из средних звеньев элиты в высшее звено, а также механизм отбора на административные должности из числа «сотрудников предприятий, организаций и учреждений».

6. Через механизмы «выбытие из элиты 1» и «выбытие из элиты 2» во второй половине 1996— первой половине 1997 г. федеральный центр сбросил 10 % численности всех звеньев (в течение каждого полугодия).

7. Федеральный центр аннулировал поддержку силовиков, что привело к сокращению их влияния на все акторы и механизмы.

8. В начале 2000-х годов силовики не перешли к политике сокращения властных полномочий администрации и к борьбе с неформальными кланами, в связи с чем не были ликвидированы механизмы продажи должностей представителям криминала.

9. В начале 2000-х годов не произошло ослабления пропускной способности выборных механизмов при формировании элиты.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. УСЛОВИЯ СЦЕНАРИЯ 4.3

Начиная с 24 такта (включительно) в модель внесены следующие изменения.

1. Максимальная (теоретически возможная) пропускная способность механизма выборов повысилась на 20 % — до 12 человек в год.

2. Федеральный центр аннулировал поддержку силовиков, что привело к сокращению их влияния на все акторы и механизмы.

3. В начале 2000-х годов силовики не перешли к политике сокращения властных полномочий администрации и к борьбе с неформальными кланами, в связи с чем не были ликвидированы механизмы продажи должностей представителям криминала.

4. Поддержка региональных организаций партии власти со стороны центральных органов партии власти была увеличена вдвое. Собственный вес региональной организации партии власти возрос вдвое (по сравнению с первой половиной 1996 г.). Все это привело к возрастанию влияния региональных партийных органов на механизмы и иных акторов.

5. Под руководством партии власти был запущен механизм «отбор 4» (рекрутирование кадров из внеэлитной среды на низовые должности в управленческом аппарате) со второй половины 1997 г. (величина эффективности этого механизма совпадает с величиной 2019 г. в реалистичном сценарии).

6. Пропускная способность механизма «вхождение в элиту через партию власти» была увеличена на 50%.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31122 опн «Альтернативные сценарии прошлого, настоящего и будущего: системно-динамическое моделирование политической трансформации региональных элит (Россия, 1991–2035 гг.)».

Литература

Ахременко А.С. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 105–112.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 2. С. 24–66.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // Власть и элиты. 2017. Т. 4. С. 147–169.

Гаман-Голутвина О.В. Метафизические измерения трансформаций российских элит // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 38–53.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Гараедаги Дж. Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами: платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск: Гревцов Букс, 2010. 480 с.

Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты. 2016. Т. 3. С. 121–186.

Дука А.В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 399–436.

Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Барабаш Н.С. Системно-динамическая модель воспроизводства региональных элит в СССР и России // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2020. № 1. С. 90–102.

Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Системная динамика российской региональной элиты (1985 — 2019 гг.): альтернативные сценарии // Журнал политических исследований. 2019а. Т. 3, № 4. С. 40–74. URL: <https://naukaru.ru/ru/storage/download/44074>.

Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Трансформация региональной административно-политической элиты России: результаты компьютерных экспериментов с системно-динамической моделью // Социально-гуманитарные знания. 2019б. № 8. С. 7–16.

Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. 39 с.

Магомедов А.К. Политическая элита и политическая идеология: рождение символически-смысловой системы регионализма в постсоветской России. Ульяновск: Изд-во Ульяновского госуниверситета, 2018. 246 с.

Магомедов А.К. Мистерия регионализма: региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М.: МОНФ, 2000. 224 с.

Медоуз Д. Азбука системного мышления. М.: Бином; Лаборатория знаний, 2011. 343 с.

Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь: ПГТУ, 1998. 256 с.

Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь: ПГТУ, 2000. 204 с.

Нечаев В.Д. Децентрализация, демократизация и эффективность. Реформа федеративных отношений и местного самоуправления через призму теории эффективной децентрализации // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 92–101.

Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. 592 с.

Сельцер Д.Г. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // Pro nunc. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 27–32.

Сельцер Д.Г. Центр-периферийные отношения в России (1991–2018 гг.): контуры модели // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 8–15.

Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. Рекрутирование региональной административно-политической элиты России, 1990–2017 гг.: подходы к построению системно-динамической модели // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1, № 4. С. 78–101. URL: <https://riiorpub.com/ru/nauka/article/19598/view> (дата обращения: 09.12.2019).

Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. Элементы системно-динамической модели рекрутирования региональных административно-политических элит // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира / под ред. А.Ю. Шутов. Ростов н/Д.: ЮРИУФ РАНХиГС, 2019. С. 282–287.

Федорченко С.Н. Государственная кадровая политика в Советском Союзе и современной России: политико-философский анализ. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2017. 154 с.

Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978. 168 с.

Чирикова А.Е., Ледеяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. 414 с.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105.

Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A.P. Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? // 2nd International Symposium “Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements in Economic and Managerial Theory and Practice”. Roma: Universitas Mercatorum, 2014. P. 1–22.

Axelrod R. Modeling Security Issues of Central Asia. Ann Arbor: University of Michigan, 2004. 23 p.

Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M. Using system dynamics to model and better understand state stability // MIT Sloan Research Paper. 2007. № 4661–07. P. 1–42. URL: <https://ssrn.com/abstract=1011230>.

Gilbert N., Ahrweiler P., Barbrook-Johnson P., Narasimhan K.P., Wilkinson H. Computational modelling of public policy: Reflections on practice // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2018. Vol. 21, issue 1. P. 14. DOI: 10.18564/jasss.3669. URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/21/1/14.html>.

Ledyaeв V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power. 2014. Vol. 7, issue 2. P. 211–231.

Ledyaeв V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction // European politics and society. 2019a. Vol. 20, issue 3. P. 315–332.

Ledyaeв V.G., Chirikova A.E. Urban regimes in small Russian towns // City & Community. 2019b. Vol. 18, issue 3. P. 812–833.

Ledyaeв V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, issue 6. P. 990–1024.

Ledyaeв V., Chirikova A. Business in the power structure of small Russian towns // Europe-Asia Studies. 2020. T. 72, № 4. P. 686–711.

Sharafutdinova G., Turovsky R. The politics of federal transfers in Putin’s Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities // Post-Soviet Affairs. 2017. Vol. 33, issue 2. P. 161–175.

Sorci P. Measuring the impact of a state’s legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling // Rangsit Journal of Social Sciences and Humanities. 2015. Vol. 2, issue 2. P. 49–65.

Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia’s regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers // European Politics and Society. 2017. Vol. 18, № 4. P. 529–551.

THE BIFURCATION OF 1996 AND RUSSIAN REGIONAL ELITES: HYPOTHETICAL SCENARIOS OF TRANSFORMATION

*D. Zhukov, D. Seltser*¹

*Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia*

Citation: Zhukov D., Seltser D. “Razvilka” 1996 goda i rossiyskiye regional’nyye elity: gipoteticheskiye stsennarii transformatsii [The bifurcation of 1996 and Russian regional elites: hypothetical scenarios of transformation]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 46–75. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.3>

Annotation. *The authors presented alternative scenarios for the development of Russian regional administrative and political elites. These scenarios were generated using the system dynamic model, which is implemented in Powersim Studio. Chronological scope of the study: 1985–2019. The model includes mechanisms, actors and channels for recruiting elites. Object details are formalized in a stock and flow diagram. The model makes it possible to simulate the replenishment of elites by people from different social environments and the dynamics of the composition of the elites. The authors analyzed a realistic scenario and two counterfactual scenarios. Alternative scenarios started in 1996, when other forces came to power after the hypothetical resignation of B. Yeltsin due to deteriorating health. Computer experiments showed that the communist “restoration” and rapid “liberalization” did not eliminate the objective prerequisites for the regional policy that V.V. Putin implemented later.*

Keywords: *system dynamics simulation, political science, administrative and political elite, regions of Russia, post-Soviet period.*

References

Akhremenko A.S. Dinamicheskii podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil’nosti [A dynamic approach to mathematical modeling of political stability]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, 3, pp. 105–112. (In Russian)

Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A. P. Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? *2nd International Symposium “Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements*

¹ Corresponding author. E-mail: seltser@yandex.ru.

in *Economic and Managerial Theory and Practice*". Roma, Universitas Mercatorum Publ., 2014, pp. 1–22.

Axelrod R. *Modeling Security Issues of Central Asia*. Ann Arbor, University of Michigan Publ., 2004. 23 p.

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Institutionalizatsiya politicheskoy elity: istochniki rekrutirovaniya i kar'yera [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2019, 6 (2), pp. 24–66. (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Regional'nyye vlastnyye gruppy: osnovnyye sotsial'no-strukturnyye kharakteristiki i rol' v razvitii sovremenogo rossiyskogo obshchestva [Regional power groups: main social and structural characteristics and role in the development of modern Russian society]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2017, 4, pp. 147–169. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: HSE Publishing House, 2017. 414 p. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov* [Power in a small Russian city: configuration and interaction of major actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2014, 2, pp. 88–105. (In Russian)

Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M. Using system dynamics to model and better understand state stability. *MIT Sloan Research Paper*, 2007, issue 4661-07, pp. 1–42. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1011230> (accessed: 02 April 2019).

Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Regional'nyye vlastnyye gruppy: osnovnyye sotsial'no-strukturnyye kharakteristiki i innovatsionnyy potentsial. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2016, 3, pp. 121–186. (In Russian)

Duka A.V. *Vlast' mezhdru traditsionnost'yu i sovremennost'yu* (elity rossiyskoy periferii). *Vlast' i elity* [Power and elites], 2014, 1, pp. 399–436. (In Russian)

Fedorchenko S.N. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Sovetskom Soyuze i sovremennoy Rossii: politiko-filosofskiy analiz* [State personnel policy in the Soviet Union and modern Russia: political and philosophical analysis]. Moscow: Research and Publishing Center INFRA-M Publ., 2017. 154 p. (In Russian)

Forrester J. *Mirovaya dinamika* [World dynamics]. Moscow: Science Publ., 1978. 168 p. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. *Metafizicheskie izmereniya transformatsiy rossiyskikh elit* [Metaphysical measurements of transformations of Russian elites]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2012, 3, pp. 38–53. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsiyu*. [Political Elites of Russia: Milestones in Historical Evolution]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 448 p. (In Russian)

Gharajedaghi J. *Sistemnoe myshlenie. Kak upravlyat' khaosom i slozhnymi protsesami: Platforma dlya modelirovaniya arkhitektury biznesa* [Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity: A Platform for Designing Business Architecture]. Minsk: Grentsov Books Publ., 2010. 480 p. (In Russian)

Lapina N.Y. *Regional'nyye elity: protsessy formirovaniya i mekhanizmy vzaimodeystviya v sovremennom rossiyskom obshchestve: avtoreferat dis. ...doktora politicheskikh nauk* [Regional elites: processes of formation and mechanisms of interaction in modern Russian society: abstract of dis. ... doctor of political science]. Moscow, 2004. 39 p. (In Russian)

Ledyaev V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community. *Journal of Political Power*, 2014, 7 (2), pp. 211–231.

Ledyaev V., Chirikova A. Business in the power structure of small Russian towns. *Europe-Asia Studies*, 2020, 72 (4), pp. 686–711.

Ledyaev V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government. *Urban Affairs Review*, 2017, 53 (6), pp. 990–1024.

Ledyaev V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. *European politics and society*, 2019, 20 (3), pp. 315–332.

Ledyaev V.G., Chirikova A.E. Urban regimes in small Russian towns. *City & Community*, 2019, 18 (3), pp. 812–833.

Magomedov A.K. *Misteriya regionalizma: regional'nyye pravyyashchiye elity i regional'nyye ideologii v sovremennoy Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya «snizu» (sravnitel'nyy analiz na primere respublik i oblastey Povolzh'ya)* [Mystery of regionalism: regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction “from below” (comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga region)]. Moscow: MONF, 2000. 224 p. (In Russian)

Magomedov A.K. *Politicheskaya elita i politicheskaya ideologiya: rozhdeniye simvolicheskoi-smyslovoi sistemy regionalizma v postsovetskoy Rossii* [Political elite and political ideology: the birth of a symbolic-semantic system of regionalism in post-Soviet Russia]. Ulyanovsk: Publishing House of the Ulyanovsk State University, 2018. 246 p. (In Russian)

Meadows D. *Azbuka sistemnogo myshleniya* [Thinking in Systems: A Primer]. Moscow: Laboratory of Knowledge Publ., 2011. 343 p. (In Russian)

Mokhov V.P. *Elitizm i istoriya. Problemy izucheniya sovetskikh regional'nykh elit* [Elitism and history. Problems of studying Soviet regional elites]. Perm': PSTU Publ., 2000. 204 p. (In Russian)

Mokhov V.P. *Evolyutsiya regional'noy politicheskoy elity Rossii (1950–1990 gg.)* [The evolution of the regional political elite of Russia (1950–1990)]. Perm': PSTU Publ., 1998. 256 p. (In Russian)

Nechaev V.D. *Detsentralizatsiya, demokratizatsiya i effektivnost'. Reforma federativnykh otnosheniy i mestnogo samoupravleniya cherez prizmu teorii effektivnoy*

detsentralizatsii [Decentralization, democratization and efficiency. Reform of federal relations and local self-government through the prism of the theory of effective decentralization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2003, 3, pp. 92–101. (In Russian)

Seltser D.G. Rekrutirovanie lokal'noy administrativnoy elity Rossii: iskhodnye dannye dlya postroeniya sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruiting the local administrative elite of Russia: initial data for building a system-dynamic model]. *Pro nunc. Sovremennyye politicheskie protsessy* [Pro nunc. Modern political processes], 2017, 2, pp. 27–32. (In Russian)

Seltser D.G. Tsentri-periferiynnye otnosheniya v Rossii (1991–2018 gg.): kontury modeli [Center-peripheral relations in Russia (1991–2018): model outlines]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2018, 8, pp. 8–15. (In Russian)

Seltser D.G. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The ups and downs of the nomenclature]. Tambov: OGUP Tambovpolygraphizdat Publ., 2006. 592 p. (In Russian)

Seltser D.G., Zhukov D.S. Elementy sistemno-dinamicheskoy modeli rekrutirovaniya regional'nykh administrativno-politicheskikh elit [Elements of a system-dynamic model of recruiting regional administrative and political elites]. *Rossiyskaya elitologiya: innovatsionnye otvety na vyzovy sovremennogo mira* [Russian elite studies: innovative answers to the challenges of the modern world]. Rostov-on-Don: YURIUF RANEPА Publ., 2019, pp. 282–287. (In Russian)

Seltser D.G., Zhukov D.S. Rekrutirovanie regional'noy administrativno-politicheskoy elity Rossii, 1990–2017 gg.: podkhody k postroeniyu sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruiting the regional administrative and political elite of Russia, 1990–2017: approaches to building a system-dynamic model]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Policy Studies], 2017, 1 (4), pp. 78–101. Available at: <https://riorpub.com/ru/nauka/article/19598/view>. (In Russian)

Sharafutdinova G., Turovsky R. The politics of federal transfers in Putin's Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs*, 2017, 33 (2), pp. 161–175.

Sorci P. Measuring the impact of a state's legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling. *Rangsit Journal Of Social Sciences And Humanities*, 2015, 2 (2), pp. 49–65.

Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers. *European Politics and Society*, 2017, 18 (4), pp. 529–551.

Zhukov D.S., Seltser D.G., Barabash N.S. Sistemno-dinamicheskaya model' vosproizvodstva regional'nykh elit v SSSR i Rossii [System dynamic model of reproduction of regional elites in the USSR and Russia]. *Innovatika i ekspertiza: nauchnyye trudy* [Innovation and Expertise: Research Publications], 2020, 1, pp. 90–102. (In Russian)

Zhukov D.S., Seltser D.G. Sistemnaya dinamika rossiyskoy regional'noy elity (1985–2019 gg.): al'ternativnyye stsenarii [System dynamics of the Russian regional elite (1985 - 2019): alternative scenarios]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Policy Studies], 2019, 4, pp. 40–74. (In Russian)

Zhukov D.S., Seltser D.G. Transformatsiya regional'noy administrativno-politicheskoy elity Rossii: rezul'taty komp'yuternykh eksperimentov s sistemno-dinamicheskoy model'yu [Transformation of Russia's regional administrative and political elite: Results of computer experiments with a system-dynamic model]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2019, 8, pp. 7–16. (In Russian)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРА

*А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука¹,
Н.В. Колесник, А.В. Невский, Д.Б. Тев*

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

Цитирование: Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>

Аннотация. Представлен анализ бассейна рекрутирования и карьерных путей региональных политиков. Эмпирическая основа исследования — биографическая база данных политической элиты десяти субъектов РФ (к ней были отнесены депутаты региональных legislatures, а также депутаты ГД и члены СФ, представляющие регионы). Исследование проведено с использованием структурно-биографического метода, в рамках которого структура региональных элитных групп изучается в связи с биографией персон, входящих в эти группы. В результате был выявлен ряд тенденций рекрутирования политической элиты. Исследование показало, что существенное меньшинство регионального депутатского корпуса укоренено в советской номенклатуре. Также некоторые политики имеют опыт службы в силовых структурах. Заметна тенденция профессионализации депутатского корпуса, которая, однако, сильно сдерживается тем фактом, что большинство законодателей работает на непостоянной основе. Выражена бюрократизация состава региональных legislatures, особенно их руководящего слоя, в котором много выходцев из административных органов, прежде всего регионального уровня. Одной из важнейших тенденций рекрутирования политической элиты является плутократизация, т.е. приток представителей бизнеса в legislatures. Депутатский корпус отличает высокая степень социальной закрытости: в нем доминируют выходцы из «руководящей страты», почти нет персон, занимавших «рабоче-крестьянские» позиции в постсоветский период, и слабо представлены выходцы из средних, промежуточных социально-профессиональных категорий.

¹ Автор для связи. E-mail: alexander-duka@yandex.ru.

Ключевые слова: региональные политические элиты, депутаты, политики, рекрутирование, карьеры, биографии, плутократизация, бюрократизация, бассейн рекрутирования.

ЗНАЧИМОСТЬ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Значимость исследования социально-профессионального бассейна рекрутирования и карьеры региональной политической элиты обуславливается несколькими причинами. Во-первых, эти характеристики могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует [Putnam 1976: 43; Matthews 1954: 5]. В этом смысле изучение источников рекрутирования и карьеры регионального депутатского корпуса позволяет, в частности, лучше понять особенности социально-экономической и политической организации данного региона и ее исторической эволюции. Речь может идти о характере взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, особенностях отношений между бизнесом и публичной властью и соотношении экономических и политических сил в деловом сообществе субъекта РФ. Социально-профессиональный состав региональной легислатуры может быть своего рода «зеркалом», в котором отражается структура власти регионального сообщества.

Во-вторых, социально-профессиональное происхождение законодателей и особенности их карьеры могут в определенной степени влиять на их политические аттитюды и поведение. Впрочем, выводы исследований на этот счет неоднозначны [Edinger, Searing 1967; Derge 1959: 431; Dyer 1976: 452; Green et al. 1973; Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski 1995: 210; Региональные элиты 2001; Bianco 2005; Witko, Friedman 2008; Сафронов 2010; Carnes 2012; Chaisty 2013: 729–732; Carnes, Lupu 2015; Szakonyi 2017; Hansen, Carnes, Gray 2019]. Однако в целом, как отмечают Г. Кербо и Л. Фэйв, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции, для того чтобы сделать стоящим это направление исследования» [Kerbo, Fave 1979: 6]. Эта зависимость актуализирует изучение социально-профессиональных источников рекрутирования и особенностей карьеры элитных персон, включая депу-

татов законодательных собраний субъектов РФ. Причем по отношению к этому сегменту элиты актуальность исследования указанных характеристик особенно велика, поскольку их влияние на законодательное поведение может усиливаться тем фактом, что большинство региональных депутатов работают на непостоянной основе, не покидая той профессиональной позиции (например, в бизнесе или в социальной сфере), которую занимали на момент избрания в легислатуру.

В-третьих, особенности источников рекрутирования и карьеры региональной политической элиты могут быть связаны с уровнем ее сплоченности (интеграции). Вообще гомогенность (однородность) социально-профессионального профиля парламентариев может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа [Kim, Patterson 1988: 380; Edinger 2010: 132]. Кроме того, значимым фактором и показателем интеграции различных функциональных сегментов элиты служат динамические переплетения между ними, создаваемые карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. В этом смысле, например, приток в региональные легислатуры выходцев из административных структур или экономической элиты региона может способствовать межфракционной элитной интеграции, формированию единой, хотя и дифференцированной в институциональном и функциональном отношениях властной элиты региона.

Наконец, в-четвертых, характер бассейна рекрутирования политической элиты, включая региональных депутатов, может влиять на ее легитимность. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления ([Putnam 1976: 44]; см. также: [Matthews 1984: 556]). В связи с этим вопрос о том, в какой степени социально-профессиональный состав легислатур соответствует социально-структурным характеристикам населения соответствующих регионов, имеет существенное значение.

ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ И БАЗЫ ДАННЫХ

Исследование основано на анализе биографий российской региональной политической элиты с использованием структурно-биографического метода, в рамках которого структура региональных элитных

групп изучается в связи с биографией персон, входящих в эти группы [Быстрова и др. 2008: 158]. Стратегия исследования предполагает первоначальный сбор информации о происхождении, карьерах, деловых связях, собственности элитных персон. Далее из общего массива данных выделяется информация, имеющая значение для поставленных в исследовании задач. Эти данные помещаются в структурированные биографические анкеты, после чего осуществляется кодирование данных в значения переменных и ввод в матрицу данных на базе статистического пакета SPSS.

База данных сформирована по законодательным органам власти десяти субъектов федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Костромской, Ростовской и Новосибирской областей, Ставропольского и Хабаровского края, а также Республики Дагестан. Выбор этих регионов обусловлен несколькими факторами, влияющими на формирование структур не только политической, но и административной и экономической элиты региона. Во-первых, среди рассматриваемых нами случаев представлены различные формы административно-территориального деления: два региона — города федерального значения, четыре региона демонстрируют областной тип территориального деления и еще два — краевой, один из выбранных регионов является национальной республикой. При этом одна из областей, Ленинградская, по ряду показателей образует макрорегион вместе с Санкт-Петербургом: будучи промышленным, экономическим и образовательным центром для всей области, город является также «поставщиком» политической элиты в областное Законодательное собрание.

Во-вторых, в исследовании представлены различные типы региональных экономик. В ряде регионов значимыми отраслями являются транспортная инфраструктура и торговля (Ленинградская и Калининградская области). В других преобладает сельское хозяйство (Ставропольский край, Костромская область), лесозаготовительная (Хабаровский край) и добывающая промышленность (Ростовская область, Республика Дагестан). Ряд регионов — крупные промышленные и научные центры (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская область). Экономические факторы рассматривались нами как значимые в отношении карьерных траекторий элиты, совмещения позиций в политике и бизнесе и горизонтальной мобильности представителей элиты.

В-третьих, значимым фактором является профессиональная структура региональных парламентов и правовой статус депутатов в ней.

В выборке представлены как полностью профессиональные органы власти (ЗАКС Санкт-Петербурга), так и те, в которых парламентарии, работающие на постоянной основе, составляют половину или четверть от всех членов депутатского корпуса. Представленные в выборке органы власти также разнятся по численности депутатов. Общая численность региональных депутатов в выборке — 536 позиций. Кроме того, были собраны данные о представителях федеральной политической элиты данных регионов: депутатах Государственной Думы РФ и членах Совета Федерации. Общее количество наблюдений в базе — 660 случаев (табл. 1).

Таблица 1

Федеральная и региональная элита по регионам

Регион	Уровень элиты		Всего по региону
	федеральная	региональная	
Санкт-Петербург	15	50	65
Ленинградская обл.	9	51	60
Ростовская обл.	15	61	76
Калининградская обл.	10	41	51
Костромская обл.	3	38	41
Хабаровский край	7	40	47
Москва	28	45	73
Новосибирская обл.	10	76	86
Ставропольский край	10	50	60
Республика Дагестан	11	90	101
Всего	118	542	660

Сбор биографической информации осуществлялся из открытых источников, таких как официальные веб-страницы региональных законодательных органов, федеральные и региональные онлайн-справочники («Замполит», «Виперсон.ру», «Руспех», «Российская энциклопедия кандидатов», «ЛФ-Выборы»¹), интервью и новостные публикации в СМИ.

¹ Viperson [<http://viperson.ru/>], главный ресурс политинформации «Замполит» [<http://zampolit.com>], Российская энциклопедия кандидатов [<https://candidates.golosinfo.org/>], Руспех.ру [<https://ruspekh.ru/people>], информационно-справочная система «ЛФ-Выборы» [<https://www.leftfront.org/elections/>]. Дата обращения ко всем ресурсам: 17.12.2019.

Значимым источником информации в ряде случаев стали публичные страницы парламентариев в социальных сетях. Как показывает анализ О.В. Крыштановской, использование социальных сетей становится распространенной практикой среди представителей по крайней мере федеральной политической элиты: доля представленности депутатов Государственной Думы в соцсетях составляет 81 %, сенаторов — 37 % [Крыштановская 2019: 7]. Данные об участии в бизнесе, а также декларации о доходах и собственности были собраны из разделов «Сведения о доходах» федеральных и региональных законодательных органов, а также из онлайн-баз данных деклараций и юридических лиц, таких как «Rusprofile» и «Декларатор»¹.

КАРЬЕРЫ

Исследование карьер политиков разного уровня проводятся во многих странах уже довольно продолжительное время. Сложилось несколько исследовательских подходов, которые можно представить как два кластера. В центре одного — политические акторы, в центре другого — социальный контекст. Поскольку карьеры, их типичные траектории не только описывают судьбы индивидов, принадлежащих к различным социальным группам, но и являются вектором действия различных факторов (с одной стороны, личных качеств индивида, с другой стороны, социальный контекст, определяющий структуру возможностей для индивида и ресурсы для реализации этих возможностей), такое рассмотрение подходов вполне правомерно. Это позволяет объединить достижения авторов, работающих в различных научных дисциплинах, и анализировать карьеры, в нашем случае политические, в различных аспектах.

Призывы к междисциплинарности, как и интенции каким-то образом интегрировать теоретические подходы к исследованию карьер, звучат давно. Предпринимались практические попытки. Например, объединить психологические установки индивидов и социальный контекст в рамках теории амбиций [Schlesinger 1966; Black 1972; Nicholls 1991; Herrick, Moore 1993; Hall, van Houweling 1995; Lawless 2012; Öhberg

¹ Онлайн-база деклараций «Декларатор» [<https://declarator.org>], онлайн-база юридических лиц [<https://www.rusprofile.ru/>]. Дата обращения ко всем ресурсам: 17.12.2019.

2017]. М. Верчези описывает оба кластера, сделав при этом в форме двух таблиц свод независимых переменных, основных аргументов, используемых методов и ограничений (недостатков) каждого из них [Vercesi 2018]. Главное состоит в его попытке найти комплексный подход, ведь эти точки зрения не являются взаимоисключающими, скорее они дополняют друг друга. Соображения автора в этом направлении представляются вполне адекватными задачам исследования политических карьер. В частности, он предлагает избегать любого детерминизма, поскольку структурные факторы оставляют достаточно большое пространство для выбора индивидом своих карьерных решений, а вариативность выбора карьеры существует в рамках одного и того же социального контекста. Структурные возможности макроуровня, включая страновые факторы и типы режимов¹, определяют рамки, в которых политики ищут посты (должности, позиции) и принимают карьерные решения. Организации и институты (мезоуровень) влияют на индивидуальные стратегии, т.е. выступают посредниками между макро- и микроуровнями. Диапазон выбора ограничен контекстом, его заданность может воспроизводиться, однако резкие изменения могут переменить ситуацию и привести к межэлитной циркуляции.

То есть комплексный подход должен учитывать глубокие социальные изменения, не только как результат, но и как процесс. Эта точка зрения встречается довольно часто и у отечественных исследователей, если и не всегда сформулированная прямо, то как часть методологии, описывающая политические карьеры и изменения каналов и бассейнов рекрутирования в качестве механизма элитной трансформации, которая является частью более широкого процесса трансформации общества и государства [Гаман-Голутвина 2006; Крыштановская 2004; Куколев 1997].

Из существующего множества типологий, созданных под различные задачи, исходя из нужд исследователей, работающих в различных дисциплинах, нами выбрана наиболее адекватная нашим целям классификация карьер как профессиональных и социальных, т.е. по критерию приверженности индивидов в карьере определенным видам деятельности.

Профессиональный тип карьер — это, как правило, последовательное прохождение ступеней карьерной лестницы в рамках преимущественно одного вида деятельности.

¹ Демократические лидеры отличаются от лидеров авторитарных режимов, существуют также значительные различия между авторитариями [Baturu 2016].

Социальный тип — когда в процессе последовательного восхождения по карьерной лестнице происходит неоднократная смена видов деятельности. Иногда такой тип карьеры называют еще структурным.

В исследованиях трансформации российских элит встречаем немало метафорически обозначенных типов карьер, «типичных представителей»: «прагматик-индустриалист», «прагматик-постиндустриалист», «прагматик-традиционалист», «партийно-комсомольский карьерист», «этатист-державник», «популист-политик» и «новый делец-политик» [Буренкова 1995]; «служаки-спринтеры», «служаки-стайеры», «высочки-директора», «высочки-ученые», «высочки-предприниматели» и «высочки-разночинцы» [Понеделков 1995]; «прагматик», «хозяйственник», «директор», «партийный функционер», «администратор», «преподаватель», «прораб», «комсомолец» [Слепцов, Куколев, Рыскова 1997]; бизнесмен, промышленник, чиновник, силовик, публичная персона, бывший партиец, профессионал, общественный деятель [Селезнев и др. 2010].

В этих метафорах зафиксированы основные черты типов карьер и бассейны рекрутирования.

К началу 1980-х годов (период застоя) преобладающий тип карьеры — профессиональный. Период рубежа 1980–1990-х годов, даже немного ранее, и до середины 1990-х — сдвиг в сторону социального типа [Куколев 1997].

Наши исследования региональных элит начиная с 1998 г. показали, что преобладающий тип карьер в бизнес-элите — профессиональный. В среде административно-политической элиты большее значение имели социальные карьеры (2000-е годы). Дальнейшие исследования показали возрастание в элите доли лиц, имеющих профессиональную карьеру по показателям предшествующей, предпредшествующей работы, с учетом последней предэлитной должности. Из элиты постепенно почти исчезли бывшие политические активисты, представители низко-статусных групп.

О влиянии региональных законодательных норм на уровень профессионализации депутатов уже говорилось ранее в связи с имеющимися ограничениями числа членов законодательных собраний, которые могут работать на профессиональной основе. Параллельные позиции депутатов, работающих на непрофессиональной основе, представлены в основном различными должностями в коммерческих компаниях. Нередки позиции руководителей медицинских и образовательных учреждений.

Анализ в разрезе принадлежности к политическим поколениям подтверждает предположение о влиянии различного рода турбулентностей в обществе на характер карьеры. Причем в двух направлениях — как период первичной и профессиональной социализации и как период делания карьеры. Так, карьеры представителей регионального высшего чиновничества поколения застоя выглядят более профессиональными, чем карьеры лиц, относящихся к поколениям перестройки и кризиса. Последние имеют в траекториях своих карьер больше зигзагов, связанных с переменной сфер деятельности. Связь типа карьеры с принадлежностью к определенному поколению была зафиксирована как для региональных чиновников, так и для региональных политиков. По некоторым показателям характер связи сходен у обеих групп, по другим — отличен [Быстрова 2017].

Исследование региональных депутатов 2019 г. выявило, что 63 % политиков вступили в нынешнюю должность в среднем возрасте. Только 18 % вступили в нынешнюю должность, будучи молодыми — в возрасте от 22 до 40 лет, 19 % в пенсионном возрасте (табл. 2).

Таблица 2

Возраст избрания в депутаты, N=660

Регион	вступление в должность/поколения, %		
	Молодые (22–40 лет)	Средний возраст (41–60 лет)	Пенсионеры (старше 60 лет)
Санкт-Петербург	21	54	25
Ленинградская обл.	17	65	18
Ростовская обл.	20	64	16
Калининградская обл.	17	67	16
Костромская обл.	25	68	7
Хабаровский край	15	66	19
Москва	11	62	27
Новосибирская обл.	15	62	23
Ставропольский край	17	64	19
Республика Дагестан	20	63	17
Итого	18	63	19

Два года и менее занимают свои нынешние должности 11 % политиков. Подавляющее большинство остаются на нынешних позициях от трех до пяти лет (88 %). Более пяти лет — доли процента. Если учесть

тех, кто занимает нынешнюю позицию не более двух лет, то получим удивительную величину показателя: 99 % региональных политиков рассматриваемых десяти регионов занимают свои должности менее пяти лет. При этом 61 % региональных политиков — «новички» в политической элите. Это их первая элитная должность в биографии. Для 21 % региональных политиков нынешняя элитная должность — вторая в карьере, еще для 10 % — третья. И всего для 8 % политиков — четвертая и более элитная позиция (табл. 3).

Таблица 3

Номер элитной должности в биографии депутатов, N=594

Регион	Номер элитной должности в биографии (какая по счету), %			
	первая (элитная должность — «новичок» в элите)	вторая элитная должность	третья элитная должность	четвертая и далее элитная должность
Санкт-Петербург	72	14	2	12
Ленинградская обл.	67	18	10	5
Ростовская обл.	57	18	13	12
Калининградская обл.	45	23	16	16
Костромская обл.	61	22	12	5
Хабаровский край	66	21	4	9
Москва	72	16	5	7
Новосибирская обл.	64	26	7	3
Ставропольский край	55	24	8	13
Республика Дагестан	41	27	32	0
Итого	61	20	10	8

В то же время более половины заняли нынешнюю элитную позицию впервые, 22 % на данной должности во второй раз, 12 % — в третий и 13 % — в четвертый и более раз. То есть почти половина политиков свой политический пост занимает не первый раз в карьере.

Чем же занимались наши политики до занятия первой элитной позиции, из какой сферы они рекрутировались?

Анализ сферы *предэлитной активности* (т.е. предшествующей вступлению в первую элитную должность) показывает, что более половины (52 %) политиков были заняты хозяйственно-экономической деятельностью, еще 29 % — политико-административной. Только у 4 % работа была связана с силовыми структурами. Прочие виды деятельности дают почти 15 %. Работа в коммерческих структурах в основном представлена высшими позициями в менеджменте компаний и в небольшом количестве должностями, относящимися к среднему уровню управления. Политико-административная деятельность в предэлитный период протекала в аппаратах представительных органов власти федерального и регионального уровней (должности руководителя аппарата, помощника депутата), нередко в областной и районной администрации (должности среднего и нижнего уровня), а также в представительных органах муниципального и районного уровня (муниципальный депутат, сотрудник представительного органа муниципального или районного уровня). На весь массив всего два бывших члена избиркома федерального и регионального уровня.

Показатель возраста вступления в предэлитную должность (табл. 4) демонстрирует, что почти 60 % политиков, в биографиях которых есть соответствующие сведения, вступили в предэлитную должность в молодом возрасте (до 40 лет), 38 % — в среднем возрасте (от 41 до 60 лет) и около 2 % — после 60 лет. По данному показателю региональные различия довольно велики. В молодом возрасте заняли предэлитную должность значительное большинство (68 %) политиков Костромской области и Республики Дагестан. В Калининградской, Ростовской и Новосибирской областях и Ставропольском крае показатель также выше, чем в целом по массиву. В остальных регионах величина доли тех, кто занял предэлитную должность в молодом возрасте, ниже, чем по массиву в целом. Это Хабаровский край (44 %), Ленинградская область (50 %), Санкт-Петербург (55 %) и Москва (58 %). Более раннее вступление в предэлитную должность отразилось на показателе возраста вступления в нынешнюю должность, по этому показателю лидируют Костромская область и Республика Дагестан. Можно предположить, что объяснение этому феномену лежит также в более коротких сроках пребывания на предэлитной позиции.

Возраст вступления в нынешнюю должность. В молодом возрасте (до 40 лет) вступили в нынешнюю должность политики Костромской области, Санкт-Петербурга и Республики Дагестан (24, 21 и 20 % соот-

ветственно). По данному показателю эти три субъекта РФ являются лидерами. В Костромской области меньше всего доля тех, кто занял нынешнюю должность в возрасте старше 60 лет (7 %). Больше всего доля таких политиков в Москве (27 %), Санкт-Петербурге (25 %) и Новосибирской области (23 %).

Таблица 4

Возраст вступления в предэлитную должность, N=521

Регион	Возраст вступления в предэлитную должность / поколения, %		
	Молодые (22–40 лет)	Средний возраст (41–60 лет)	Пенсионеры (старше 60 лет)
Санкт-Петербург	55	44	1
Ленинградская обл.	50	50	0
Ростовская обл.	65	32	3
Калининградская обл.	65	35	0
Костромская обл.	68	32	0
Хабаровский край	45	51	4
Москва	58	38	4
Новосибирская обл.	61	35	4
Ставропольский край	63	37	0
Республика Дагестан	68	32	0
Итого	60	38	2

Продолжительность времени занятия нынешней политической позиции. Подавляющая часть политиков занимают свою нынешнюю должность от трех до пяти лет во всех регионах, кроме Ростовской области. Здесь таких политиков очень немного — всего 17 %. В этом же субъекте РФ велика доля тех, кто пребывает в должности два года и менее (82 %).

«Новички» в политике, т.е. те, у кого занимаемая элитная должность первая в карьере, преобладают в восьми регионах из рассматриваемых десяти. Причем если в целом по массиву таких 61 %, то в некоторых субъектах РФ существенно выше, достигая максимума в Санкт-Петербурге и Москве (72 %) и колеблясь в диапазоне от уже упомянутых 72 % в Санкт-Петербурге и Москве до 55 % в Ставропольском крае. Наименьшая доля «новичков» зафиксирована среди политиков Республики Дагестан (42 %). Следом идет Калининградская область (45 %) (см. табл. 3).

Более половины политиков по массиву в целом не просто «новички» в элите, они еще и в первый раз заняли нынешнюю должность. Меньше всего впервые оказавшихся на своей должности в Новосибирской области (42 %). Лидерами по числу двойных «новичков» (доли тех, кто впервые попал в элиту и первый раз на данной должности) являются Хабаровский край, Калининградская область: 66 и 63 % соответственно (табл. 5).

Таблица 5

Номер данной элитной позиции в биографии (в который раз субъект получает эту должность), N=589

Регион	Номер данной элитной позиции в биографии (в который раз субъект получает эту должность), %			
	первый раз занимает данную позицию — «новичок» в этой должности	второй раз	третий раз	четвертый раз и далее
Санкт-Петербург	61	25	3	11
Ленинградская обл.	52	18	18	12
Ростовская обл.	60	24	9	7
Калининградская обл.	63	16	13	8
Костромская обл.	59	19	10	12
Хабаровский край	66	23	7	4
Москва	44	15	13	28
Новосибирская обл.	42	20	17	21
Ставропольский край	48	35	15	2
Республика Дагестан	44	14	17	25
Итого	53	21	13	13

Показатель *предэлитной активности* политиков в политико-административной сфере самый высокий в Санкт-Петербурге (53 %). Одновременно здесь самый низкий показатель предэлитной активности политиков в хозяйственно-экономической сфере — 27 %. Больше всего хозяйственно-экономическая сфера как предэлитная деятельность значима для Костромской и Новосибирской областей (73 и 69 % соответственно). Республика Дагестан отличается самым высоким значением

силовых структур в качестве сферы предэлитной деятельности (10 против 4 % в целом по массиву). Несколько больше, чем в целом по массиву, доля политиков с силовым прошлым (предэлитная деятельность в силовых структурах) в Ленинградской (7 %) и Калининградской (8 %) областях (табл. 6).

Таблица 6

Предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности), N=612

Регион	Предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности), %			
	политико-административная активность	хозяйственно-экономическая активность	силовик	прочая активность
Санкт-Петербург	53	27	5	15
Ленинградская обл.	36	37	7	20
Ростовская обл.	25	57	1	17
Калининградская обл.	23	53	8	16
Костромская обл.	10	73	0	17
Хабаровский край	25	60	2	13
Москва	41	37	3	19
Новосибирская обл.	19	69	4	8
Ставропольский край	26	59	5	10
Республика Дагестан	27	52	10	11
Итого	29	52	4	15

Номенклатурный опыт в карьере обнаруживается у 12 % политиков рассматриваемых регионов. При этом в группе в 118 политиков федерального уровня (депутаты ГД и СФ ФС РФ) их 20 человек (17 %), из 542 региональных депутатов — 57 человек (10 %). По сравнению с нашими исследованиями региональных элит более ранних периодов (по восьми регионам — без Ставропольского края и Республики Дагестан) доля бывших номенклатурных работников среди политиков уменьшилась [Быстрова 2017].

В более ранние годы формирования региональной политической элиты в ее составе было немало лиц, имевших номенклатурный опыт разного уровня в советское время. Довольно большое число лиц, имеющих номенклатурный опыт, в составе региональной элиты связано с тем, как проходило формирование элитного корпуса в постсоветский период. В частности, исследователи отмечали, что первый постсоветский период характеризовался острейшей конкуренцией фракций номенклатуры, образовавшихся в результате ее раскола и принявших вид многопартийности [Гудков 2011]. Продолжалась масштабная приватизация государственной собственности партийно-советской номенклатурой, начавшаяся еще в последние годы существования СССР. «Аппарат तोпился приобщиться к собственности», а «уход из номенклатуры перестал быть трагедией, как было раньше» [Пихоя 2011]. Исследование трансформации элитных структур регионов показывало, что «черты видового сходства» определяются «генетической общностью их происхождения как продукта советской номенклатурной системы» [Латыпов 2009]¹. Исследования, проводившиеся в Институте социологии РАН в 1989–1994 гг., показали, что в постперестроечный период треть депутатов уже не имела номенклатурного прошлого. Однако 82 % представителей региональной элиты — бывшие «номенклатурщики» [Крыштановская 1995].

В нашем исследовании доля тех, кто имеет в карьере номенклатурный опыт, наиболее значимой оказывается работа в партийных органах времен СССР. Большая доля номенклатурной деятельности осуществлялась в райкомах партии или партийных органах более высокого уровня. Много меньшее значение имела низовая партийная работа в парткомах на предприятиях. Комсомол с точки зрения «делания» карьеры также имел значение, меньшее, чем партийная деятельность, но существенно большее, чем работа в советских органах власти или в профсоюзе. Картина по регионам довольно разнообразная. Удельный вес политиков, имеющих номенклатурный опыт, колеблется в диапазоне от 20 % в Костромской области до 6 % в Республике Дагестан при средней доле по выборке 12 % (77 человек). При этом в некоторых субъектах РФ (Санкт-Петербург и Костромская область) в составе региональной политической элиты практически нет персон, имеющих

¹ Исследование элит трех субъектов РФ: Татарстана, Башкортостана и Белгородской области.

в своей карьере опыт работы в партийных органах уровня райкома и выше. В других (Ставропольский и Хабаровский край, Ростовская область) доля таких лиц весьма велика. По поводу уровня номенклатурного опыта можно сказать, что деятельность в рамках предприятия имеет небольшое значение, за исключением Костромской и Ленинградской областей. В трех субъектах РФ (Санкт-Петербург, Калининградская область и Республика Дагестан) персон с низовым номенклатурным опытом нет вовсе. В остальных пяти субъектах (Ростовская и Новосибирская области, Хабаровский и Ставропольский края, Москва) доля невелика. Следует иметь в виду, что в абсолютных значениях это очень небольшие величины.

Служба в силовых ведомствах. Роль службы в силовых ведомствах в делании карьеры российских политиков и чиновников неоднократно становилась предметом обсуждения [Дука 2012]. Исследовалось военное образование и то, какие личностные качества оно формирует. Каким образом и почему попадают бывшие военные в сферу государственного управления и органы представительной власти. Оценивалось возможное влияние бывших силовиков на качество формирующейся элиты. На данный момент можно резюмировать результаты следующим образом. Военное образование, конечно, формирует особенные качества личности, среди которых умение вписаться в военную иерархию, дисциплинированность, исполнительность, ответственность и другие того же ряда. Силовые структуры, в частности армия, до сих пор во многом формирующаяся принудительно, страдают от бед закрытых сообществ. Фактически неограниченная власть над нижестоящими, подчиненными, с одной стороны, и привычка бездумного подчинения — с другой. Люди, прошедшие этот институт как инициацию во взрослую жизнь («срочники») или отдавшие службе значительное количество лет своей сознательной жизни, получают вполне определенный жизненный опыт и являются носителями известных качеств, умений и навыков, не всегда адекватных гражданской жизни. Данные, которые публиковались даже известными исследователями, оказывались неточными. Они преувеличивали удельный вес силовиков. В то же время верно угадывали силу их влияния.

Во времена СССР карьера партийного или советского работника предполагала как почти обязательную ступень (для мужчин) срочную службу. Кроме того, она давала льготы при получении высшего образования. Теперь же в нашем массиве политиков десяти регионов

из 660 персон имеют силовой опыт 127 человек (19 %). При этом среди депутатов ГД и членов СФ от регионов их 21 %, доля имеющих в биографиях службу в силовых структурах среди депутатов региональных законодательных органов чуть превышает 19 %. Те, кто отдали службе не более трех лет, составляют небольшую долю: 4 % среди региональных депутатов и 8 % среди ГД и членов СФ. Это как раз те, кто, скорее всего, прошел срочную службу в армии. Остальные являлись кадровыми офицерами различных силовых структур. Довольно много среди политиков тех, кто прослужил десять лет и более. Они составляют немного меньше половины всех имеющих силовой опыт среди депутатов ГД и членов СФ от рассматриваемых регионов и больше трети региональных депутатов.

Таблица 7

Служба в силовых ведомствах, N=127

Регион	Силовой опыт по категориям (человек / %)			Итого
	5 лет и меньше	6–9 лет	10 лет и больше	
Санкт-Петербург	4	5	15	24
	16,7	20,8	62,5	100,0
Ленинградская обл.	5	3	6	14
	35,7	21,4	42,9	100,0
Ростовская обл.	14	0	1	15
	93,3	0,0	6,7	100,0
Калининградская обл.	13	3	10	26
	50,0	11,5	38,5	100,0
Костромская обл.	13	2	2	17
	76,5	11,8	11,8	100,0
Хабаровский край	8	2	4	14
	57,1	14,3	28,6	100,0
Москва	1	3	3	7
	14,3	42,9	42,9	100,0
Новосибирская обл.	0	1	4	5
	0,0	20,0	80,0	100,0
Ставропольский край	3	0	2	5
	60,0	0,0	40,0	100,0
Итого	61	19	47	127
	48,0	15,0	37,0	100,0

Наиболее распространенный срок службы среди категории прослуживших десять и более лет — от 10 до 19 лет, т.е. это люди, скорее всего, прослужившие практически все время, необходимое для получения пенсии в силовых структурах. Тех, кто прослужил 20 лет и более, 18 человек, т.е. 14 % от общего числа имеющих силовой опыт (3 % от всего массива политиков десяти регионов). Лидерами по доле заслуженных силовиков являются политики Новосибирской области и Санкт-Петербурга: 80 и 62 % от числа тех, кто имеет силовой опыт. Меньше всего эта доля в Ростовской области — 7 % (1 человек) (табл. 7).

Большая часть политиков, в чьих биографиях есть силовой опыт, имеют звания старших офицеров (майор, подполковник, полковник): 57 % в федеральной и 75 % в региональной элите. Персон, имеющих высшие офицерские звания (генерал-майор и выше), очень немного: два человека в федеральной и пять человек в региональной элите¹.

ХАРАКТЕРИСТИКИ БАССЕЙНА РЕКРУТИРОВАНИЯ

Анализ бассейна рекрутирования региональной политической элиты позволяет с другой стороны посмотреть на профессиональную карьеру депутатов. Приведенные ниже таблицы 8–10 фиксируют работу и сферу активности членов региональной политической элиты до вхождения в нынешнюю должность и в различные годы постсоветского периода, позволяя выявить основные как непосредственные, так и косвенные социально-профессиональные источники их рекрутирования.

Из приведенных ниже таблиц можно сделать вывод о том, что важными тенденциями рекрутирования и карьеры региональной политической элиты являются профессионализация, бюрократизация, плутократизация и социальная закрытость. Далее они будут рассмотрены подробнее.

¹ Сведения о воинских/военизированных званиях имеются только по 50 персонам, что в 2,5 раза меньше общего числа политиков, в биографиях которых есть силовой опыт.

Таблица 8

Работа членов политической элиты, предшествующая нынешней должности, N=603

Занятие	Предшествующая работа, %
Депутат	49
Администратор	11
Политический активист	5
Хозяйственник, бизнесмен	29
Специалист	1
Наука, культура, образование	3
Силовик	1
Юрист	~0
Медик	1
Рабочий/колхозник	~0
Учащийся	~0

Таблица 9

Работа членов политической элиты, предпредшествующая нынешней должности, N=583

Занятие	Предпредшествующая работа, %
Политико-административная	46
Хозяйственно-экономическая	40
Силовик	3
Другое	11

Таблица 10

Занятие членов политической элиты в 1993, 1995, 2000, 2004, 2008, 2010 и 2014 гг. (в %)

Работа	1993 (N=449)	1995 (N=486)	2000 (N=554)	2004 (N=569)	2008 (N=578)	2010 (N=585)	2014 (N=594)
Депутат	5	8	13	19	28	36	50
Администратор	9	8	11	13	13	13	11
Политический активист	3	2	3	5	4	4	5
Хозяйственник, бизнесмен	33	38	42	44	41	38	29
Специалист	5	3	2	1	1	1	1

Наука, культура, образование	11	11	8	6	5	3	2
Силовик	11	9	6	4	3	2	1
Охранник	~0	1	1	~0	~0	~0	0
Юрист	1	1	1	1	1	1	~0
Медик	3	4	3	2	2	1	1
Рабочий/колхозник	1	1	1	~0	0	0	~0
Учащийся	18	14	9	5	2	1	0

Законодательный опыт и профессионализация. Как показывают наши предыдущие исследования, для региональной политической элиты в целом характерен существенный уровень профессионализации, хотя в этом отношении она заметно уступает административной элите [Быстрова и др. 2017]. Политическая профессионализация связана, хотя и не тождественна, с наличием законодательного опыта перед избранием в действующий созыв. Данные показывают, что в плане присутствия и длительности такого опыта депутатский корпус неоднороден. Так, 53 % депутатов являются «новичками», т.е. ранее не избирались в данный представительный орган, тогда как примерно четверть избиралась в него не менее трех раз (учитывая действующий созыв), т.е. уже довольно длительное время заседает в легислатуре. Как бы то ни было, таблица 8 свидетельствует о том, что депутатский корпус разного уровня служит главным непосредственным источником рекрутирования действующих парламентариев: почти половина членов политической элиты на момент вступления в нынешнюю, депутатскую, должность были заняты законодательной работой. Кроме того, у 46 % с политико-административной, прежде всего депутатской, деятельностью, была связана предпредшествующая должность. О продолжительности законодательной работы региональных политиков свидетельствует и таблица 10. Как видим, в 1993 г. только каждый двадцатый нынешний депутат был законодателем. Однако в последующие годы эта доля неуклонно росла: в 2000 г. — уже примерно каждый восьмой, в 2004 г. — почти каждый пятый, в 2010 г. — более трети, а в 2014 г. половина членов региональной политической элиты занимали депутатскую позицию.

Впрочем, наблюдаются значительные различия между регионами. Наибольшая распространенность законодательного опыта непосредственно перед вхождением в нынешний созыв легислатуры характерна для де-

путатского корпуса Москвы и Новосибирской области, 60 % представителей которого на момент избрания уже занимали депутатскую позицию, тогда как в Дагестане этот показатель составлял всего 32 %.

Говоря об исторической динамике, следует отметить, что сравнительный анализ данных за длительный период времени по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям) показал, что роль депутатского корпуса как непосредственного источника рекрутирования действующих парламентариев снизилась. Так, если в 2005–2007 гг. 59 % членов политической элиты работали депутатами на момент вступления в должность, то в 2019 г. этот показатель составлял 46 %.

Отдельно нужно сказать о том, что распространенность законодательного опыта и связанная с ней профессионализация сильнее всего проявились среди высшей политической элиты (председатели законодательных собраний, их заместители, председатели комитетов): у 62,5 % ее представителей (против 49 % по всей совокупности) депутатской была предшествующая работа.

Вообще существенно выраженная (хотя и непреобладающая) тенденция воспроизводства депутатского корпуса от созыва к созыву неудивительна и отчасти объясняется политическими преимуществами инкубентов, которые включают наличие навыков избирательной борьбы и парламентской деятельности; узнаваемость имени парламентариев, работа которых сравнительно широко освещается СМИ; штат помощников; возможность использования своей властной позиции и связанных с ней ресурсов для оказания услуг избирателям с целью обеспечения поддержки с их стороны, а также для налаживания связей в кругах элиты, благодаря чему приобретаются влиятельные союзники во время выборов [Erikson 1971: 395; Медведев 2010: 76–77; Григорьева 2012: 14–15]. В частности, то, что опыт законодательной работы позитивно связан с карьерными возможностями внутри легислатуры, с доступом к ее «командным высотам», подтверждается предыдущими исследованиями [Reuter, Turovsky 2014].

Однако тенденция к персональному воспроизводству, к преемственности «политического класса» может сдерживаться другими факторами. Во-первых, это сама процедура рекрутирования депутатов. В отличие от региональных чиновников, которые, кроме губернатора, назначаются на свои должности (хотя отчасти и с формального согласия легислатуры), депутаты избираются населением субъекта федерации. Меха-

низ рекрутирования политической элиты является сравнительно более демократичным (даже в условиях в целом авторитарной системы), менее автономным и дает больший контроль над процессом ее формирования «внешним» по отношению к ней социально-профессиональным группам, выходцы (в том числе прямые) из которых прежде всего из бизнеса, довольно широко представлены в ее составе. Во-вторых, надо иметь в виду и то, что слабость легислатур (и региональных, и федеральной) как политических институтов, их подчиненность административным структурам и в связи с этим относительно ограниченные властные возможности, которые дает депутатский мандат, могут подрывать мотивацию к длительной законодательной карьере, стимулируя стремление парламентариев к переходу на более влиятельные позиции, например в органах исполнительной власти, и разрушая тем самым воспроизводство политической элиты.

Надо сказать, что воспроизводство депутатского корпуса, как и его обновление, имеет противоречивые последствия [Putnam 1976: 66–67; Best et al. 2001: 80; Shabad, Slomczynski 2002: 333; Matland, Studlar 2004: 88–89; Ilnoski, Edinger 2007: 157]. С одной стороны, преемственность персонального состава представительных органов может негативно влиять на инновационность и гибкость политической системы, а также восприимчивость легислатур к меняющимся общественным интересам, способствовать изоляции законодателей от народа. С другой стороны, высокий уровень сменяемости законодательной элиты может подрывать развитие ее компетентности, усвоение ролей, препятствовать формированию корпоративного духа и тем самым снижать эффективность работы парламента, а также ослаблять его автономию по отношению к иным институтам (региональной администрации, бизнесу и пр.).

Как уже отмечалось, наличие предшествующего законодательного опыта не означает автоматически политическую профессионализацию, хотя и является ее необходимым условием. Здесь важно иметь в виду особенности правовых норм, регулирующих деятельность региональных депутатов. В отличие от чиновников всех уровней и депутатов Госдумы, которые обязаны работать на профессиональной основе и не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью (кроме педагогической, научной, творческой), во многих регионах значительная часть депутатов вправе работать на непостоянной основе, совмещая свои полномочия с основной работой. Впрочем, в этом смысле ситуация сильно варьируется по исследуемым субъектам РФ. Так, Законодательное собрание

Петербурга, по закону, работает полностью на профессиональной основе, то же самое можно было сказать и о Московской городской Думе пятого созыва, а вот в столичном парламенте шестого созыва положение изменилось, и только 18 из 45 депутатов вправе работать на освобожденной основе [Ульянова 2014]. В Новосибирской области на профессиональной основе могут работать не более 12 из 76 депутатов [Новосибирское заксобрание... 2018], в Калининградской областной думе — 22 из 40 [Романовский... 2018]; в Народном собрании Республики Дагестан — 32 из 90 народных избранников [Закон Республики Дагестан... 1995]. В Костромской областной Думе шестого созыва — только 9 из 36 депутатов могут работать на постоянной основе [Закон Костромской области... 2009]. В Законодательной Думе Хабаровского края на постоянной основе могут работать не более половины депутатов [Только половина депутатов... 2014]. Таким образом, мы видим, что в силу особенностей институционального дизайна многих региональных парламентов и норм, регулирующих их функционирование, политическая элита, даже при ее существенном персональном воспроизводстве, в значительной мере состоит из непрофессионалов, для которых не депутатство, а другая, совмещаемая с ним работа служит основным источником дохода, отнимая большую часть рабочего времени (кстати, по данным нынешнего исследования, около 40 % действующих депутатов занимают «параллельные» позиции, прежде всего в бизнесе).

Бюрократизация. Одна из тенденций рекрутирования региональной политической элиты — бюрократизация, выражающаяся в присутствии в депутатском корпусе выходцев из административных структур, чиновничества. Что вообще можно ожидать в плане вероятности вхождения администраторов в региональные легислатуры исходя, в частности, из характеристик политических режимов и систем субъектов РФ? Ситуация довольно неоднозначна. В современной России господствует субнациональный авторитаризм, в условиях которого региональные законодательные органы обычно играют слабую, второстепенную роль в политической жизни, не обладают существенной политической автономией и подчинены губернаторам [Golosov 2017; Шириков 2010]. Такой характер региональных легислатур может уменьшать привлекательность депутатской карьеры для администраторов, потому что переход в эти органы часто означает утрату реальной власти. Тем не менее депутатская должность, которая по сравнению с административным постом требует обычно меньше затрат времени и усилий

и в то же время довольно престижна и в случае работы на постоянной основе высокооплачиваема, может служить синекурой или запасным аэродромом для чиновников, вынужденных по тем или иным причинам оставить свой пост. Избрание в парламент может быть для них не только формой почетной отставки или пенсии, но и возможностью передохнуть, осмотреться и дождаться в удобном кресле нового назначения. Кроме того, контроль губернатора над законодательством может быть и позитивно связан с притоком чиновников в парламент. Рекрутирование на ключевые законодательные посты высокопоставленных региональных администраторов (а такие должности для них, разумеется, более привлекательны, чем рядовые депутатские позиции, в силу большей власти, престижа и дохода, которые они дают своим обладателям), лично знакомых главе региона и пользующихся его особым доверием, может выступать формой проявления и способом поддержания такого контроля. Как показывают исследования, практика избрания региональных чиновников руководящие посты в законодательных органах весьма распространена [Богатырева 2012; Reuter, Turovsky 2014]. Вхождению чиновников в законодательные органы может способствовать и специфика доминирующей в парламентах партии. «Единая Россия», которую нередко называют партией бюрократии, сильно зависит от административной власти разного уровня, будучи, по сути, ее «придатком» и инструментом бюрократического контроля над избирательным и законодательным процессом [Slider 2010: 262; Golosov 2011: 636–637; Makarenko 2012: 43; Roberts 2012: 230; Sakwa 2012: 320]. Такой характер этой партии должен проявляться в относительно широком присутствии выходцев из администрации в ее руководстве, избирательных списках и фракциях. Кстати, для самих депутатских фракций ЕР, постоянно взаимодействующих с региональными правительствами (как и для других фракций), бывшие высокопоставленные администраторы, обладающие знанием механизмов функционирования исполнительной власти и связями в ней, могут быть ценными кадрами. Вообще же надо отметить, что высокопоставленные чиновники располагают целым рядом ресурсов и преимуществ, делающих их сильными кандидатами в депутаты региональных законодательных собраний, а также Федерального Собрания РФ: властные полномочия и возможность их использования в избирательном процессе (так называемый «административный ресурс» играет важную роль на выборах в РФ [Нисневич, Савинцева 2012]), известность в регионе, связи в элитных кругах.

Приведенные выше таблицы 8 и 10 показывают, что лица с опытом работы в административных структурах составляют заметное меньшинство регионального депутатского корпуса. Мы видим, что примерно каждый девятый будущий депутат занимал административную позицию непосредственно перед вхождением в нынешний состав легислатуры. Примерно каждый восьмой-двенадцатый депутат был чиновником в 1995–2014 гг. Впрочем, картина значительно варьируется по регионам. Так, среди депутатов Ленинградской области и Дагестана соответственно 22 и 21 % работали на административных позициях перед избранием в нынешний созыв легислатуры, тогда как в Новосибирской области таких было всего чуть более 2 %.

Причем следует подчеркнуть, что бюрократизация наиболее выражена среди высшей политической элиты (спикер, вице-спикеры, председатели комитетов). Так, 17 % ее представителей (против 11 % по всей совокупности) работали в административных структурах непосредственно перед избранием в нынешний созыв легислатуры. В некоторых случаях в депутатский корпус переходят действующие или бывшие региональные чиновники высшего ранга, занимающие посты спикеров. В частности, нынешней председатель Законодательного собрания Ростовской области в прошлом был заместителем губернатора региона, действующий спикер Костромской областной Думы — первым заместителем губернатора, а председатель Народного собрания Дагестана — председателем правительства республики. В свою очередь, председатель Калининградской областной Думы пятого и шестого созывов непосредственно перед избранием занимала пост заместителя председателя правительства Калининградской области по социальным вопросам.

В целом нужно отметить, что переход высокопоставленных региональных чиновников в легислатуры субъектов РФ, особенно на ключевые должности (как и вхождение депутатов в региональные администрации), может усиливать сплоченность и взаимопонимание этих двух фракций региональной элиты, способствовать их интеграции в единую, хотя и функционально и институционально дифференцированную властную элиту.

Плутократизация. Одной из важнейших тенденций рекрутирования региональной политической элиты является плутократизация, приток в депутатский корпус выходцев из бизнеса и высшего руководства экономических (коммерческих) организаций различных форм собственности. Как показывают наши предыдущие исследования, зна-

чение бизнеса в качестве поставщика региональных депутатов гораздо весомее его роли как источника рекрутирования высокопоставленных региональных чиновников [Быстрова и др. 2017]. Из таблиц 8 и 9 видно, что чуть менее 30 % депутатов занимали ключевые позиции в экономических структурах непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность, и у 40 % с руководством предприятиями была связана предпредшествующая работа. Фактически бизнес поставляет больше депутатов, чем все остальные «внешние», т.е. находящиеся за пределами самой политической сферы, источники рекрутирования законодателей вместе взятые. Более того, если посмотреть на показатель предпредшествующей работы членов политической элиты, а также их работы в 1990-е — первой половине 2000-х годов, то окажется, что плутократизация является более выраженной тенденцией рекрутирования элиты, чем профессионализация. В частности, в 2000 г. только каждый восьмой нынешний парламентарий работал депутатом, тогда как 42 % руководили различными предприятиями, и даже в 2008 г. большая доля нынешних законодателей были бизнесменами (41 %), чем депутатами (28 %).

Впрочем, высшая политическая элита рекрутируется из бизнеса реже, чем рядовые депутаты: только 17 и 31 % ее представителей занимали соответственно предшествующую и предпредшествующую позицию в высших органах управления коммерческих организаций.

Говоря об исторической динамике, нужно отметить, что доступные долговременные данные по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям) свидетельствуют о том, что уровень плутократизации региональной политической элиты немного возрос. Так, в 2005–2007 гг. 24 %, в 2019 г. 27 % депутатов непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность были руководителями предприятий; в 2005–2007 гг. у 33 %, в 2019 г. уже у 41 % депутатов с руководством бизнесом была связана предпредшествующая работа.

Наконец, представляют также интерес и существенные региональные вариации плутократического рекрутирования политической элиты. Если судить по показателю предшествующей работы, то наиболее низкие уровни плутократизации демонстрирует депутатский корпус Санкт-Петербурга и Ленинградской области, где соответственно 11 и 19 % парламентариев непосредственно перед избранием руководили экономическими структурами. Наиболее широко представлены прямые выходы из бизнеса среди политической элиты Ростовской, Костромской

и Калининградской областей, в которых соответственно 40,5, 37,5 и 37 % народных избранников занимали ключевые позиции на предприятиях, перед тем как занять нынешнюю должность.

Широкое присутствие бизнесменов в законодательных органах субъектов РФ (а также среди представителей регионов в Федеральном Собрании) в общем неудивительно. Говоря о его причинах, следует прежде всего отметить, что в условиях, когда государство оказывает значительное влияние на процесс накопления капитала, что характерно для всех современных капиталистических обществ, бизнес-структуры способны извлекать существенные выгоды из политических связей, возникающих, в частности, при занятии их руководителями должностей в государственном аппарате, включая органы представительной власти. Исследования показывают, что эти связи могут быть особенно выгодны в странах с относительно неразвитыми рыночными институтами, слабой правовой системой (и незащищенностью прав собственности) и высоким уровнем коррупции [Boubakri et al. 2008: 1; Goldman, Rocholl, So 2009: 2236; Faccio 2010; Chen et al. 2011], как постсоветская Россия. Также некоторые авторы [Gehlbach, Sonin, Zhuravskaya 2010] полагают, что политические связи более выгодны при недемократических режимах, когда вследствие слабой подотчетности выборных чиновников избирателям у бизнеса больше возможностей подчинить политику своим интересам (хотя эта точка зрения оспаривается [Szakonyi 2016]). Вообще, по распространенному мнению ([The Economist 2014]; см. также: [Волкова 2016]), в России сложился «кумовской капитализм», при котором связи с государственной властью являются важнейшим, первостепенным условием успешного ведения бизнеса. Касаясь, в частности, тех выгод, которые бизнесу может принести депутатский мандат, надо отметить, что он не только позволяет его представителям участвовать в законотворческом процессе в интересах своей фирмы, отрасли или делового сообщества в целом, но и, что важнее, облегчает доступ к чиновникам, принимающим основные решения в области экономической политики, и другим влиятельным персонам. Как показало исследование, проведенное Д. Жакони [Szakonyi 2018], победа выходца из руководства фирмы на выборах в региональную легислатуру оказывает существенное позитивное влияние на ее доходы и прибыли, прежде всего потому, что расширяет доступ к бюрократам. Впрочем, интерес бизнеса к депутатскому мандату необязательно ограничивается лоббистской составляющей, существенную роль могут играть и другие

мотивы, в частности соображения престижа и статуса, стремление к власти и самореализации и пр. Для бизнесменов может быть важна и неприкосновенность, которой пользуются депутаты ГД члены СФ, особенно учитывая то, что накопление капитала в постсоветский период часто велось с нарушением законов. Нужно также отметить, что в некоторых случаях неудачи в бизнесе способны мотивировать предпринимателей к переходу на постоянную работу в региональные легислатуры и ФС, поскольку зарплата депутата-профессионала довольно высока.

Конечно, заинтересованность бизнесменов в получении депутатского мандата не следует преувеличивать. Избирательная кампания и депутатская деятельность требуют значительных ресурсов, включая прежде всего деньги и время, которые отвлекаются от собственно экономической деятельности. Кроме того, публичность может повлечь за собой определенные риски, и нередко бизнесмены ее избегают, придерживаясь принципа «деньги любят тишину». Чтобы отстаивать свои интересы, им необязательно самим избираться в представительные органы, они могут использовать с этой целью других депутатов, финансируя их избирательные кампании или просто подкупая. Но всегда существует вероятность оппортунизма таких ставленников, которые могут в силу разных причин отказаться от выполнения своих обязательств перед спонсорами. Причем, по мнению Д. Жакони, эта проблема стоит особенно остро в России, где политические партии, которые могли бы дисциплинировать депутатов, заставляя их выполнять обещания, данные финансирующим их бизнесменам, довольно слабы [Szakonyi 2016]. Поэтому собственное присутствие капиталистов в органе представительной власти может быть более надежной и предпочтительной стратегией. Важной предпосылкой выбора капиталистами стратегии прямого, личного, а не только опосредованного присутствия в органах представительной власти, вероятно, является институциональный дизайн региональных парламентов. Как уже говорилось, в России, включая исследуемые регионы, во многих таких органах значительная, даже преобладающая часть депутатов вправе работать на непостоянной основе, предполагающей возможность совмещения депутатства с основной работой, например в бизнесе. Таким образом, бизнесмены могут занимать депутатские посты, не покидая командных высот в экономических структурах, что важно с точки зрения как сохранения высоких доходов, так и контроля над капиталом, прежде

всего для наемных менеджеров. В этой связи следует отметить, что ключевая должность в бизнесе была наиболее распространенной «параллельной», т.е. совмещаемой с депутатством, позицией (почти в трех четвертях случаев). Отсутствие института парламентского совместительства, вероятно, ослабило бы интерес многих представителей бизнеса к депутатским мандатам в силу высоких издержек смены работы. В этом смысле не случайно, что, как уже отмечалось, плутократизация сильнее выражена среди рядовых депутатов, чем у парламентариев, занимающих высшие позиции в легислатуре, которые чаще всего предполагают занятость на постоянной, профессиональной основе. Также объяснимо и то, что наименьший уровень плутократизации характерен для парламента Санкт-Петербурга, где все депутаты должны работать на профессиональной основе и не вправе совмещать свои обязанности с коммерческой деятельностью.

В плане ресурсов и преимуществ, которые можно мобилизовать для успешной избирательной кампании, бизнесмены, прежде всего крупные, значительно превосходят большинство других социально-профессиональных групп. Основной ресурс, находящийся в распоряжении капиталистов, — это, конечно, финансовые средства, которые важны на выборах как по одномандатным округам, так и по партийным спискам. Избирательные кампании требуют больших затрат [Барсукова, Звягинцев 2006], и от поддержки бизнес-структур, несмотря на государственное финансирование, существенно зависят российские политические партии [Wilson 2007; Коргунюк 2010; Шлейнов 2015; Hutcheson 2012]. Так, согласно финансовым отчетам «Единой России», пожертвования, в основном юридических лиц, составили более половины поступлений на осуществление уставной деятельности в 2016 г., когда проводились последние выборы в ГД, и более трети в 2018 г. [Сводный финансовый отчет за 2016 г. ...; Сводный финансовый отчет за 2018 г. ...]. Говоря о политических ресурсах бизнеса, не следует также забывать и о средствах массовой информации, которыми нередко владеют предприниматели. Также важно отметить, что под властью капиталистов находятся более или менее крупные трудовые коллективы, и зависимость на рабочем месте, экономическая зависимость — благоприятное условие для оказания политического влияния и давления со стороны работодателя (его формы могут быть различными — агитация на предприятии, организованный подвоз рабочих на избирательные участки, голосование на работе по открепительным удостоверени-

ям и пр.) (см., например: [Golosov 2013: 477]). Недавнее исследование показало, что в России работодатели, особенно фирмы с имущественными активами и компании, зависимые от государства, широко используют экономическое принуждение для политической мобилизации работников [Frye, Reuter, Szakonyi 2014]. Кроме того, руководители крупнейших предприятий, являющихся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах (а также иногда имеющих на своем балансе крупные учреждения социальной сферы), обладают значительной структурной властью. Объективная зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких предприятий облегчает их руководству представление своих частных интересов в качестве всеобщих, что является важной предпосылкой успешной предвыборной агитации. Наконец, стоит также добавить, что находящиеся в многообразной зависимости от крупного капитала региональные власти могут оказывать административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Каковы политические последствия высокого уровня плутократизации региональной законодательной элиты, доминирования выходцев из бизнеса в легислатурах субъектов РФ? Эта тенденция может иметь противоречивые следствия. Как отмечает Д. Жакони, «в местах с низким человеческим капиталом экономические элиты могут быть единственными индивидами, способными править. Их опыт руководства фирмами частного сектора может выразиться в превосходящих навыках управления бюрократическими кадрами, ведения переговоров по законодательству и реагирования на реальные проблемы» [Szakonyi 2016: 168]. Плутokratизация депутатского корпуса способствует тому, чтобы интересы бизнеса или класса капиталистов (прежде всего такие, как обеспечение благоприятного инвестиционного климата и экономического роста) занимали привилегированное, приоритетное место в его политике и, более того, отождествлялись парламентариями с интересами регионального сообщества в целом. Рост экономики способен приносить выгоды не только бизнесу, но и более широким слоям населения. В то же время тесная связь региональной политической элиты с бизнесом может существенно ограничивать ее способность выступать в качестве субъекта инициирования и осуществления прогрессивных социальных реформ, отвечающих интересам большинства жителей региона, как и вообще любой политики, могущей, хотя бы в краткосрочном плане, ухудшить «деловой климат». Не менее важно то, что

конкретные бизнесмены склонны подчинять политику своим особым (special) интересам в ущерб интересам не только большинства населения региона, но нередко и регионального делового сообщества в целом, стремясь к извлечению ренты и собственному обогащению за счет использования публичных ресурсов. В связи с этим нужно отметить, что широкое присутствие бизнесменов в депутатском корпусе может способствовать дезинтеграции региональной политической элиты, раздираемой противоречиями и соперничеством различных особенных капиталистических интересов.

Социальная закрытость. Региональной политической элите свойственна высокая степень социальной закрытости с точки зрения бассейна ее рекрутирования, который довольно узок. Как показывает проведенный анализ, почти 90 % законодателей непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность (и более 80 % перед вхождением в должность, предшествующую нынешней) занимали позиции депутатов, администраторов или бизнесменов, т.е. относились к тем или иным властным группам, нередко входя в состав региональной властной элиты.

На этом фоне мы обнаруживаем почти полное отсутствие в региональной политической элите выходцев из низших классов. Хотя рабочие и крестьяне составляют значительную долю избирателей, для них доступ в депутатский корпус фактически закрыт. Как видно из таблицы 10, в 1993 г. всего 1 % депутатов регионального уровня были рабочими или крестьянами по характеру своей работы, причем такие персоны встречаются в депутатском корпусе только четырех регионов из десяти (но, что интересно, среди высшей политической элиты их было больше — 3 %). В последующие годы доля будущих парламентариев, занимавших «рабоче-крестьянское» положение в социально-профессиональной структуре, также не превышала 1 %, к 2004 г. она фактически сократилась до нуля. Всего один депутат был избран в легислатуру непосредственно с такой позиции. В этом смысле постсоветские региональные легислатуры существенно отличаются от функционирующих в советское время и сформированных по номенклатурно-квотному принципу Советов народных депутатов, где рабочие и другие члены подчиненных классов были широко представлены. Вообще их отсутствие в современных легислатурах неудивительно, учитывая прежде всего тот факт, что они слабо обеспечены ресурсами и преимуществами, важными для политической карьеры, включая финансовые средства, культурный капитал, свободное время, необходимое для занятия политикой, организа-

ционные навыки. В условиях острой конкуренции за довольно малочисленные (а нынешние региональные парламенты гораздо компактнее бывших Советов), но весьма привлекательные места региональных законодателей и представителей субъектов РФ в Федеральном Собрании у выходцев из малоресурсных групп мало шансов попасть в легислатуры. Западный опыт показывает, что подобная ситуация отчасти исправлялась коллективными действиями рабочих, их организацией в профсоюзы и партии, что позволяло им консолидировать скудные индивидуальные ресурсы и более успешно участвовать в политике. Массовые левые партии, тесно связанные с рабочим движением, в определенной степени служили социальными и политическими лифтами для рабочих, и в некоторых странах, где такие партии были электорально успешны (например, лейбористы в Великобритании), присутствие рабочих в общенациональном парламенте временами было значительным [Norris, Lovenduski 1995: 97; Cotta, Verzichelli 2007: 431]. Однако в постсоветской России такая движущая сила демократизации социально-классового состава легислатур, как тесно связанные с рабочим движением, электорально успешные и по-настоящему массовые левые партии, отсутствует. В частности, КПРФ по своему составу преимущественно партия пенсионеров, а не рабочих (см., например: [Облик партии ... 2013]).

Следует также отметить, что не только рабочие и крестьяне, но и группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре также очень скромно представлены в современной региональной политической элите России. Так, в целом по десяти исследуемым регионам только 1–2 % депутатов занимали должности специалистов различных предприятий и организаций в 2000–2014 гг. (в постсоветский период больше всего специалистов среди нынешних депутатов было в 1993 г. — 5 %). Чуть выше доля выходцев из сферы науки, культуры, образования и здравоохранения, но и она невелика. В 1993 г. в этой области работало 11 % нынешних депутатов, но в 2014 г. — всего 2 % народных избранников (и 3 % будущих депутатов было рекрутировано в нынешний созыв легислатуры непосредственно из этой сферы). Кроме того, надо отметить, что среди представителей указанных отраслей обычно преобладают топ-менеджеры соответствующих, в основном бюджетных, организаций (ректоры вузов, главные врачи больниц, директора школ и их заместители) и мало рядовых врачей, преподавателей и учителей. В региональ-

ном разрезе относительно широко данная социально-профессиональная категория представлена в Хабаровском крае.

Высокий уровень социально-классового неравенства в доступе к позициям политической власти, узость источников рекрутирования региональной политической элиты, члены которой являются преимущественно выходцами из высокостатусных социально-профессиональных групп, может иметь важные следствия. С одной стороны, социальная однородность депутатского корпуса, отсутствие социально-классовой поляризации бассейна его рекрутирования (подавляющее доминирование в нем выходцев из различных властных групп, «начальства», высшего руководства разнообразных, часто крупных и крупнейших по региональным меркам организаций) могут усиливать его сплоченность, интеграцию. С другой стороны, тот факт, что социально-профессиональный состав политической элиты довольно слабо отражает структуру подвластного ей населения, что в легислатурах члены подчиненных социальных классов представлены крайне скромно или вовсе отсутствуют, способствует тому, чтобы в региональной политике интересы этих групп ущемлялись, приносились в жертву интересам социально-привилегированного меньшинства. Наконец, глубокое расхождение социально-структурных характеристик политической элиты и населения, ее социологически нерепрезентативный характер могут подрывать ее легитимность в глазах граждан (которая, как отмечал Р. Патнем [Putnam 1976: 44], частично основывается на представлении о равенстве возможностей), усиливать отчуждение между властью и обществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование бассейна рекрутирования и карьерных путей региональной политической элиты позволило выявить ряд важных тенденций.

Во-первых, существенное меньшинство депутатского корпуса укоренено в советской номенклатуре, однако доля выходцев из партийных, советских и комсомольских органов снижается, что связано с постепенным старением номенклатурных кадров и их выбытием из элиты.

Во-вторых, среди депутатов получил определенное распространение опыт службы в силовых ведомствах, хотя его присутствие сильно варьируется по регионам и характерно только для меньшинства.

В-третьих, весьма заметна тенденция профессионализации депутатского корпуса и его преемственности от созыва к созыву. Однако

профессионализация сильно сдерживается тем фактом, что большинство законодателей работают на непостоянной основе, совмещая депутатство с основной работой.

В-четвертых, выражена бюрократизация состава региональных legislatures, особенно их руководящего слоя, в котором много выходцев из административных органов, прежде всего регионального уровня. Рекрутирование на руководящие законодательные посты высокопоставленных чиновников администраций субъектов РФ может рассматриваться как форма проявления и способ контроля губернаторов над legislatures.

В-пятых, одной из важнейших тенденций рекрутирования политической элиты является плутократизация, т.е. приток представителей бизнеса в legislature, что, вероятно, отражает и закрепляет «кумовской» характер российского капитализма, при котором связи с государственной властью являются важнейшим условием накопления капитала. Плутokratизация политической элиты — важный показатель и фактор ее интеграции с экономически господствующим классом, что ведет к дружественной по отношению к его интересам политике.

Наконец, депутатский корпус отличает высокая степень социальной закрытости. В нем подавляющим образом доминируют выходцы из «руководящей страты», почти нет персон, занимавших «рабоче-крестьянские» позиции в постсоветский период, и слабо представлены выходцы из средних, промежуточных социально-профессиональных категорий. Социологическая непредставительность региональной политической элиты может подрывать ее легитимность.

Литература

Барсукова С., Звягинцев В. Механизм «политического инвестирования», или Как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // Политические исследования. 2006. № 2. С. 110–121.

Богатырева Л.В. Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // Политическая наука. 2012. № 1. С. 175–189.

Буренкова Э.Э. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп: об изучении элитных групп // Мир России. 1995. № 3–4. С. 3–24.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. Т. 4 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 170–203.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // Власть и элиты. Т. 4 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 147–169.

Быстрова А., Дука А., Колесник Н., Невский А., Тев Д. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–243.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.

Григорьева М.В. Участие региональных и муниципальных депутатов в выборах законодательных собраний субъектов РФ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 3. С. 13–29.

Гудков Л. Перерождение коммунистической номенклатуры // Россия на рубеже веков. 1991–2011 / ред. и сост. А. Зубов, В. Страда. М.: РОССПЭН, 2011. С. 116–133.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–20.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 3–4 (58–59). С. 87–120.

Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2004. 384 с.

Крыштановская О. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. №2 (2) С. 4–11. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-411>.

Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 82–91.

Латышов Р.Ф. Эволюция политико-административных элит в постсоветской России: кросс-региональный анализ // Социология власти. 2009. № 6. С. 110–118.

Медведев Ю.С. Профессиональный статус как фактор успеха на региональных выборах // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 2 (57). С. 75–90.

Пихоя Р.Г. Как власть обменяли на собственность // Социология власти. 2011. № 11. С. 5–11.

Понделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. 208 с.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой Санкт -Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110.

Селезнев А.В., Rogozar' Колпакова И.И., Филистович Е.С., Трофимова В.В., Добрынина Е.П., Стрелец И.Э. Российская политическая элита: анализ с точки зрения концепции человеческого капитала // Политические исследования. 2010. № 4. С. 90–106.

Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.

Шириков А.С. Анатомия бездействия: политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с.

Baturo A. *Cursus Honorum: Personal Background, Careers and Experience of Political Leaders in Democracy and Dictatorship. New Data and Analyses* // *Politics and Governance*. 2016. Vol. 4, issue 2. P. 138–157. <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.602>.

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s. // *Journal of Legislative Studie*. 2001. № 7 (3). P. 65–91. <https://doi.org/10.1080/714003883>.

Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress // *Legislative Studies Quarterly*. 2005. № 30 (1). P. 85–102. <https://doi.org/10.3162/036298005X201464>.

Black G.S. A Theory of Political Ambition: Career Choices and the Role of Structural Incentives // *American Political Science Review*. 1972. № 66 (1). P. 144–159. <https://doi.org/10.2307/1959283>.

Boubakri N., Guedhami O., Mishra D., Saffar W. (2008) Political Connections and the Cost of Equity Capital. 2008. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.175.6368&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 16.04.2017).

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? // *Legislative Studies Quarterly*. 2012. № 37 (1). P. 5–34. <https://doi.org/10.2307/41719830>.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America // *American Journal of Political Science*. 2015. № 59 (1). P. 1–18. <https://doi.org/10.1111/ajps.12112>.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // *Europe-Asia Studie*. 2013. № 65 (4). P. 717–736. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.767605>.

Chen C.J.P., Li Z., Su X., Sun Z. Rent-seeking incentives, corporate political connections, and the control structure of private firms: Chinese evidence // *Journal*

of Corporate Finance. 2011. № 17 (2). P. 229–243. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2010.09.009>.

Cotta M., Verzichelli L. Paths of Institutional Development and Elite Transformations // Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence / eds. M. Cotta, H. Best. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 417–473.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature // Journal of Politics. 1959. № 21 (3). P. 408–433. <https://doi.org/10.2307/2127322>.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance // Journal of Politics. 1976. № 38 (2). P. 452–456.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis // Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives / eds. H. Best, J. Higley. Leiden: Brill, 2010. P. 129–151.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. № 61 (2). P. 428–445. <https://doi.org/10.2307/1953255>.

Erikson R.S. The Advantage of Incumbency in Congressional Elections // Polity. 1971. № 3 (3). P. 395–405.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis // Financial Management. 2010. № 39 (3). P. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // World Politics. 2014. № 66 (2). P. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Gehlbach S., Sonin K., Zhuravskaya E. Businessman Candidates // American Journal of Political Science. 2010. № 54 (3). P. 718–736. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00456.x>.

Goldman E., Rocholl J., So J. Do Politically Connected Boards Affect Firm Value? // Review of Financial Studies. 2009. № 22 (6). P. 2331–2360. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhn088>.

Golosov G.V. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // Europe-Asia Studies. 2011. № 63 (4). P. 623–639. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.566427>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. № 21 (4). P. 459–480.

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014) // Europe-Asia Studies. 2017. № 69 (4). P. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions // Western Political Quarterly. 1973. № 26 (3). P. 440–452. <https://doi.org/10.1177/106591297302600304>.

Hall R.L., van Houweling R.P. Avarice and Ambition in Congress: Representatives' Decisions to Run or Retire from the U.S. House // *American Political Science Review*. 1995. № 89 (1). P. 121–136. <https://doi.org/10.2307/2083079>.

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government // *State Politics & Policy Quarterly*. 2019. № 19 (2). P. 155–179. <https://doi.org/10.1177/1532440018813013>.

Herrick R., Moore M.K. Political Ambition's Effect on Legislative Behavior: Schlesinger's Typology Reconsidered and Revised // *Journal of Politics*. 1993. № 55 (3). P. 765–76. <https://doi.org/10.2307/2132000>.

Hutcheson D.S. Party Finance in Russia // *East European Politics*. 2012. № 28 (3). P. 267–282. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.689978>.

Ilonszki G., Edinger M. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making // *Journal of Legislative Studies*. 2007. № 13 (1). P. 142–163. <https://doi.org/10.1080/13572330601165436>.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research // *Sociological Quarterly*. 1979. № 20 (1). P. 5–22. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1979.tb02181.x>.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // *Comparative Politics*. 1988. № 20 (4). P. 379–399. <https://doi.org/10.2307/421935>.

Lawless J.L. *Becoming a Candidate: Political Ambition and the Decision to Run for Office*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 302 p.

Makarenko B.I. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context // *Russian Social Science Review*. 2012. № 53 (4). P. 27–56. <https://doi.org/10.1080/10611428.2012.11065482>.

Matland R.E., Studlar D.T. Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis // *British Journal of Political Science*. 2004. № 34 (1). P. 87–108. <https://doi.org/10.1017/S000712340300036X>.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure // *Public Opinion Quarterly*. 1954. № 18 (1). P. 5–22. <https://doi.org/https://doi.org/10.1086/266482>.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers // *Legislative Studies Quarterly*. 1984. № 9 (4). P. 547–585. <https://doi.org/10.2307/439635>.

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service. Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members // *Western Political Quarterly*. 1991. № 44 (1). P. 149–172. <https://doi.org/10.2307/448752>.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 320 p.

Öhberg P. *Ambitious Politicians. The Implications of Career Ambition in Representative Democracy*. Lawrence: University Press of Kansas, 2017. 224 p.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. 246 p.

Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes // Party Politics. 2014. № 20 (5). P. 663–674. <https://doi.org/10.1177/1354068812448689>.

Roberts S.P. United Russia and the Dominant-Party Framework: Understanding the Russian Party of Power in Comparative Perspective // *East European Politics*. 2012. № 28 (3). P. 225–240. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.684754>.

Sakwa R. Party and Power: Between Representation and Mobilisation in Contemporary Russia // *East European Politics*. 2012. № 28 (3). P. 310–327. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.683784>.

Schlesinger J.A. *Ambition and Politics. Political Careers in the United States*. Chicago: Rand McNally and Company, 1966. 226 p.

Shabad G., Slomczynski K.M. The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic // *Legislative Studies Quarterly*. 2002. № 27 (3). P. 333–359. <https://doi.org/10.2307/3598567>.

Slider D. How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2010. № 26 (2). P. 257–275. <https://doi.org/10.1080/13523271003712617>.

Szakonyi D. Renting Elected Office: Why Businesspeople Become Politicians in Russia. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University. 2016. URL: <https://academiccommons.columbia.edu> (дата обращения: 22.12.2017).

Szakonyi D. Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behavior in Office. 2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2844901 (дата обращения: 22.12.2017).

Szakonyi D. Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns // *American Political Science Review*. 2018. № 112 (2). P. 322–338. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000600>.

The Economist. Planet Plutocrat: Our Crony-Capitalism Index. 2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (дата обращения: 17.12.2014).

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? // *Revista Española de Ciencia Política*. 2018. № 48. P. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

Wilson K. Party Finance in Russia: Has the 2001 Law «On Political Parties» Made a Difference? // *Europe-Asia Studies*. 2007. № 59 (7). P. 1089–1113. <https://doi.org/10.1080/09668130701607094>

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior // *Congress & the Presidency*. 2008. № 35 (1). P. 71–86. <https://doi.org/10.1080/07343460809507652>.

Источники

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // RBC.ru. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 17.09.2016).

Закон Костромской области от 8 июня 2009 года № 486-4-ЗКО «О статусе депутата Костромской областной Думы» (с изм. на 22 мая 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/895208812> (дата обращения: 26.06.2018).

Закон Республики Дагестан от 13 июля 1995 года № 1 «О статусе депутата Народного Собрания Республики Дагестан». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802037539> (дата обращения: 26.06.2018).

Нисневич Ю.А., Савинцева М.И. Отчет Transparency International Russia. Использование административного ресурса на выборах депутатов Государственной Думы РФ 4 декабря 2011 года. URL: <http://files.golos.org/docs/5375/original/5375-glava-6.doc?1328118890> (дата обращения: 16.09.2014).

Новосибирское заксобрание будет платить зарплату еще одному депутату // Коммерсантъ. 28.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3560083> (дата обращения: 28.02.2018).

Облик партии перед XV съездом. По страницам газеты «Правда» // Правда. 2013-02-22. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/115734.html> (дата обращения: 29.01.2015).

Романовский Р. Депутаты-прогульщики: как работают депутаты Облдумы в цифрах // Rugrad.eu. 23 февраля 2018. URL: <https://rugrad.eu/interview/1023744/smi/> (дата обращения: 23.02.2018).

Сводный финансовый отчет за 2016 год политической партии «Всероссийская политическая партия «Единая Россия» // Сайт ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_16.php (дата обращения: 28.02.2018).

Сводный финансовый отчет за 2018 год политической партии «Всероссийская политическая партия «Единая Россия» // Сайт ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_18.php (дата обращения: 26.12.2019).

Только половина депутатов Хабаровской краевой думы будут получать зарплату // Дебри-ДВ. 19.09.2014. URL: http://www.debri-dv.ru/m/article/10014/tolko_polovina_deputatov_habarovskoy_kraevoy_dumy_budut_poluchat_zarplatu (дата обращения 19.09.2017).

Ульянова Ж. В Мосгордуме на постоянной основе будут работать 18 депутатов // RBC.ru. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2014/570422799a794760d3d41a78> (дата обращения: 22.09.2014).

Шлейнов Р. Кто и почему пожертвовал «Единой России» 6 млрд руб. // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (дата обращения: 20.12.2015).

REGIONAL POLITICAL ELITE: CAREERS AND POOL OF RECRUITMENT

**A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka¹, N. Kolesnik,
A. Nevskiy, D. Tev**

*Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Citation: Bystrova A., Daugavet A., Duka A., Kolesnik N., Nevskiy A., Tev D. Regional'naya politicheskaya elita: basseyn rekrutirovaniya i kar'yera [Regional political elite: careers and pool of recruitment]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 76–122. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>

Abstract. *The article presents an analysis of the recruitment pool and career paths of regional politicians. The empirical basis of the study is the biographical database of the political elite of 10 subjects of the Russian Federation (deputies of regional legislatures, as well as deputies of the State Duma and members of the Federation Council representing the regions). The study was carried out using the structural-biographical method, in which the structure of the regional elite groups is studied in connection with the biography of the people composing these groups. As a result, a number of trends in the recruitment of the political elite were identified. The study showed that a significant minority of the regional deputy corps is rooted in the Soviet nomenclature, and also some politicians have experience in serving in law enforcement agencies. There is a noticeable trend of the professionalization of the deputy corps, which, however, is strongly restrained by the fact that most legislators work on the non-full time basis. The bureaucratization of the composition of regional legislatures is expressed, especially of their leading stratum, in which there are many entrants from administrative bodies, primarily of the regional level. One of the most important trends in the recruitment of the political elite is plutocratization, that is, the influx of business representatives into the legislature. The deputy corps is distinguished by a high degree of social closure: it is dominated by people from the “managing stratum”, there are almost no people who occupied “workers’-and-peasants” positions in the post-Soviet period, and people from middle, intermediate social and professional categories are poorly represented.*

¹ Corresponding author. E-mail: alexander-duka@yandex.ru.

Keywords: regional political elites, deputies, politicians, recruitment, careers, biographies, plutocratization, bureaucratization, recruitment pool.

References

- Barsukova S., Zvjagincev V. () Механизм «политического инвестирования», или как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь [The mechanism of “political investment”, or how and why business participates in the elections and pays for party life]. *Politicheskie issledovanija* [Political Studies], 2006, 2, pp. 110–121. (In Russian).
- Baturo A. *Cursus Honorum: Personal Background, Careers and Experience of Political Leaders in Democracy and Dictatorship. New Data and Analyses.* *Politics and Governance*, 2016, 4 (2), pp. 138–157. <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.602>.
- Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s. *Journal of Legislative Studies*, 2001, 7 (3), pp. 65–91. <https://doi.org/10.1080/714003883>.
- Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress. *Legislative Studies Quarterly*, 2005, 30 (1), pp. 85–102. <https://doi.org/10.3162/036298005X201464>.
- Black G.S. (1972) A Theory of Political Ambition: Career Choices and the Role of Structural Incentives. *American Political Science Review*, 1972, 66 (1), pp. 144–159. <https://doi.org/10.2307/1959283>.
- Bogatyreva L.V. (2012) Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) [Recruitment mechanisms for heads of regional legislative assemblies (on the example of the regions of the Central Federal District)]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2012, 1, pp. 175–189. (In Russian).
- Boubakri N., Guedhami O., Mishra D., Saffar W. *Political Connections and the Cost of Equity Capital*, 2008. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.175.6368&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 16.04.2017).
- Burenkova Je.Je. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп. Об изучении элитных групп [The transformation of society and the internal characteristics of elite groups. On the study of elite groups]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1995, 3–4, pp. 3–24. (In Russian).
- Bystrova A.S. (2017) Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации [The influence of the social context on the construction of career paths: careers of representatives of various political generations of the regional administrative elites of the Russian Federation]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlast' i jelity* [Power and Elites], t. 4. St. Petersburg: Intersocis, 2017]: 170–203. (In Russian).
- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества [Regional power groups: basic socio-structural characteristics

and role in the development of modern Russian society]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlast' i jelity* [Power and Elites], vol. 4. SPb.: Intersocis, 2017, pp. 147–169. (In Russian).

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Rossijskie regional'nye jelity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizacii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: Eliseeva I.I. (ed.) *Globalizacija v rossijskom obshhestve*: sb. nauch. trudov [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers]. SPb.: Nestor-Istorija, 2008, pp. 99–243. (In Russian).

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34. <https://doi.org/10.2307/41719830>.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America. *American Journal of Political Science*, 2015, 59 (1), pp. 1–18. <https://doi.org/10.1111/ajps.12112>.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.767605>.

Chen C.J.P., Li Z., Su X., Sun Z. Rent-seeking incentives, corporate political connections, and the control structure of private firms: Chinese evidence. *Journal of Corporate Finance*, 2011, 17 (2), pp. 229–243. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2010.09.009>.

Cotta M., Verzichelli L. *Paths of Institutional Development and Elite Transformations*. In: Cotta M., Best H. (eds.) *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 417–473.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature. *Journal of Politics*, 1959, 21 (3), pp. 408–433. <https://doi.org/10.2307/2127322>.

Duka A.V. (ed.) *Regional'nye jelity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i jekonomicheskie orientacii* [Regional elites of Russia's North-West: political and economic orientations]. St. Petersburg: Aletejja, 2001. 352 p. (In Russian).

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nyh vlastnyh jelitah [On the issue of militocracy: siloviki in regional power elites]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija*: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminaru «Sociologicheskie problemy vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii» [Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar “Sociological problems of power institutions under conditions of Russian transformation”]. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 94–20. (In Russian).

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance. *Journal of Politics*, 1976, 38 (2), pp. 452–456.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis. In: Best H., Higley J. (eds.) *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*. Leiden: Brill, 2010, pp. 129–151.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry. *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445. <https://doi.org/10.2307/1953255>.

Erikson R.S. The Advantage of Incumbency in Congressional Elections. *Polity*, 1971, 3 (3), pp. 395–405.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis. *Financial Management*, 2010, 39 (3), pp. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. *World Politics*, 2014, 66 (2), pp. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie jelity Rossii. Vehl istoricheskoy jevoljucii* [The political elites of Russia. Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 446 p. (In Russian).

Gehlbach S., Sonin K., Zhuravskaya E. Businessman Candidates. *American Journal of Political Science*, 2010, 54 (3), pp. 718–736. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00456.x>.

Goldman E., Rocholl J., So J. Do Politically Connected Boards Affect Firm Value? *Review of Financial Studies*, 2009, 22 (6), pp. 2331–2360. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhn088>.

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014). *Europe-Asia Studies*, 2017, 69 (4), pp. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21 (4), pp. 459–480.

Golosov G.V. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (4), pp. 623–639. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.566427>.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions. *Western Political Quarterly*, 1973, 26 (3), pp. 440–452. <https://doi.org/10.1177/106591297302600304>.

Grigor'eva M.V. Uchastie regional'nyh i municipal'nyh deputatov v vyborah zakonodatel'nyh sobranij sub#ektov RF [Participation of regional and municipal deputies in the election of legislative assemblies of constituent entities of the Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2012, 3, pp. 13–29. (In Russian).

Gudkov L. Pererozhdenie kommunisticheskoy nomenklatury [The rebirth of the communist nomenclature]. In: Zubov A., Strada V. (ed.) *Rossija na rubezhe vekov* [Russia at the turn of the century]. 1991–2011. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2011, pp. 116–133. (In Russian).

Hall R.L., van Houweling R.P. Avarice and Ambition in Congress: Representatives' Decisions to Run or Retire from the U.S. House. *American Political Science Review*, 1995, 89 (1), pp. 121–136. <https://doi.org/10.2307/2083079>.

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government. *State Politics & Policy Quarterly*, 2019, 19 (2), pp. 155–179. <https://doi.org/10.1177/1532440018813013>.

Herrick R., Moore M.K. Political Ambition's Effect on Legislative Behavior: Schlesinger's Typology Reconsidered and Revised. *Journal of Politics*, 1993, 55 (3), pp. 765–76. <https://doi.org/10.2307/2132000>.

Hutcheson D.S. Party Finance in Russia. *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 267–282. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.689978>.

Ilonszki G., Edinger M. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making. *Journal of Legislative Studies*, 2007, 13 (1), pp. 142–163. <https://doi.org/10.1080/13572330601165436>.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research. *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1979.tb02181.x>.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations. *Comparative Politics*, 1988, 20 (4), pp. 379–399. <https://doi.org/10.2307/421935>.

Korgunjuk Ju.G. Finansirovanie partij v postsovetsoj Rossii: mezhdubiznesom i vlast'ju [Party Financing in Post-Soviet Russia: Between Business and Government]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki)* [Politeia. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics], 2010, 3–4 (58–59), pp. 87–120. (In Russian).

Kryshtanovskaja O. *Anatomija rossijskoj jeliti* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zaharov, 2004. 384 p. (In Russian).

Kryshtanovskaja O. Transformacija staroj nomenklatury v novuju rossijskuju jelitu [Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1995, 1, pp. 51–65. (In Russian).

Kryshtanovskaja O. Jelita v setjah: novye formy obratnoj svjazj v cifrovuju jepohu [Network Elite: New Forms of Feedback in the Digital Age]. *Cifrovaja sociologija* [Digital sociology], 2019, № 2 (2), pp. 4–11. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-4-11>. (In Russian).

Kukolev I.V. Transformacija politicheskich jelit v Rossii [The transformation of political elites in Russia]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1997, 4, pp. 82–91. (In Russian).

Latypov R.F. Jevoljucija politiko-administrativnyh jelit v postsovetsoj Rossii: kross-regional'nyj analiz [The evolution of political and administrative elites in post-Soviet Russia: cross-regional analysis]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], 2009, 6, pp. 110–118. (In Russian).

Lawless J.L. *Becoming a Candidate: Political Ambition and the Decision to Run for Office*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 302 p.

Makarenko B.I. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context. *Russian Social Science Review*, 2012, 53 (4), pp. 27–56. <https://doi.org/10.1080/10611428.2012.11065482>.

Matland R.E., Studlar D.T. Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis. *British Journal of Political Science*, 2004, 34 (1), pp. 87–108. <https://doi.org/10.1017/S000712340300036X>.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure. *Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22. <https://doi.org/https://doi.org/10.1086/266482>.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers. *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585. <https://doi.org/10.2307/439635>

Medvedev Ju.S. Professional'nyj status kak faktor uspeha na regional'nyh vyborah [Professional status as a factor of success in regional elections]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sociologii politiki)* [Politeia. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics], 2010, 2 (57), pp.75–90. (In Russian).

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service. Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members. *Western Political Quarterly*, 1991, 44 (1), pp. 149–172. <https://doi.org/10.2307/448752>.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 320 p.

Öhberg, Patrik. *Ambitious Politicians. The Implications of Career Ambition in Representative Democracy*. Lawrence: University Press of Kansas, 2017. 224 p.

Pihoja R.G. Kak vlast' obmenjali na sobstvennost' [How power was exchanged for property]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], 2011, 11, pp. 5–11. (In Russian).

Ponedelkov A.V. *Politicheskaja jelita: genezis i problemy ee stanovlenija v Rossii* [Political elite: genesis and problems of its formation in Russia]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNC VSh., 1995. 208 p. (In Russian).

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. 246 p.

Regional'nyye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskiye i ekonomicheskiye orientatsii [Regional elites of the North-West of Russia: political and economic orientations]. Ed. by. A.V. Duka. St. Petersburg: Aleteyya, 2001. 352 p.

Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. *Party Politics*, 2014, 20 (5), pp. 663–674. <https://doi.org/10.1177/1354068812448689>.

Roberts S.P. United Russia and the Dominant-Party Framework: Understanding the Russian Party of Power in Comparative Perspective. *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 225–240. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.684754>.

Safonov V.V. Konsolidacija avtoritarizma ili demokratizacija: podderzhka putinskogo rezhima jelitov S.-Peterburga [The consolidation of authoritarianism or democratization: support for the Putin regime by the elite of St. Petersburg]. In: Duka A.V., Eliseeva I.I. (ed.) *Usloviya i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshhestva: Sbornik nauchnyh trudov SI RAN* [Conditions and Opportunities for the Consolidation of Russian Society: Collection of scientific papers of the SI RAS]. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2010, pp. 30–110. (In Russian).

Sakwa R. Party and Power: Between Representation and Mobilisation in Contemporary Russia. *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 310–327. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.683784>.

Schlesinger J.A. *Ambition and Politics*. Political Careers in the United States. Chicago: Rand McNally and Company, 1966. 226 p.

Seleznov A.V., Rogozar'-Kolpakova I.I., Filistovich E.S., Trofimova V.V., Dobrynina E.P., Strelec I.Je. Rossijskaja političeskaja jelita: analiz s točki zrenija koncepcii čelovečeskogo kapitala [Russian political elite: analysis from the point of view of the concept of human capital]. *Političeskie issledovanija* [Political Studies], 2010, 4, pp. 90–106. (In Russian).

Shabad G., Slomczynski K.M. The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic. *Legislative Studies Quarterly*, 2002, 27 (3), pp. 333–359. <https://doi.org/10.2307/3598567>.

Shirikov A.S. *Anatomija bezdejstvija: političeskie instituty i konflikty v bjudžetnom processe regionov Rossii* [Anatomy of Inaction: Political Institutions and Conflicts in the Budget Process of Russian Regions]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 276 p. (In Russian).

Slepčov N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaja legitimnost' regional'nyh liderov [The new legitimacy of regional leaders]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], 1997, 3, pp. 5–23. (In Russian).

Slider D. How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2010, 26 (2), pp. 257–275. <https://doi.org/10.1080/13523271003712617>.

Szakonyi D. Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns. *American Political Science Review*, 2018, 112 (2), pp. 322–338. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000600>.

Szakonyi D. *Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behavior in Office*, 2017. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2844901 (accessed: 22.12.2017).

Szakonyi D. *Renting Elected Office: Why Businesspeople Become Politicians in Russia*. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2016. Available at: <https://academiccommons.columbia.edu> (accessed: 17.12.2014).

The Economist. Planet Plutocrat: Our Crony-Capitalism Index, 2014. Available at: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (accessed: 17.12.2014).

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? *Revista Española de Ciencia Política*, 2018, 48, pp. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

Wilson K. Party Finance in Russia: Has the 2001 Law «On Political Parties» Made a Difference? *Europe-Asia Studies*, 2007, 59 (7), pp. 1089–1113. <https://doi.org/10.1080/09668130701607094>

Witko C., Friedman S. (2008) Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86. <https://doi.org/10.1080/07343460809507652>.

ГОРОД И ВЛАСТЬ

МОНОГОРОДА СРЕДНЕГО УРАЛА: ВЛАСТЬ, ЛИДЕРСТВО, ЭФФЕКТИВНОСТЬ¹

А.Е. Чирикова^{а2}, В.Г. Ледяев^б, О.А. Рябова^с

*^аИнститут социологии РАН Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН
Москва, Россия*

*^бНациональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

*^сПермский научный центр Уральского отделения РАН
Пермь, Россия»*

Цитирование: Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Рябова О.А. Моногорода среднего Урала: власть, лидерство, эффективность // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7, № 1. С. 123–162.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.5>

Аннотация. *Представлены результаты эмпирического исследования в трех моногородах Пермского края, проведенного в 2010–2012 и 2019–2020 гг. Основной эмпирический материал был получен в ходе 57 глубинных интервью с лидерами городской политики и бизнеса, а также с региональными руководителями и экспертами. Цель исследования — выявление характера взаимодействия между градообразующими предприятиями и муниципальными властями, характеристика лидерских качеств руководителей локальных сообществ и оценка эффективности управления городом. Результаты исследования показали, что в городах сложились разные паттерны взаимодействия местной власти и градообразующих*

¹ Исследование было выполнено при финансовой поддержке РФФИ, исследовательский проект № 20-011-31192 опн.

² Автор для связи. E-mail: chirikova_a@mail.ru.

компаний. В двух городах (У и L) роль градообразующих предприятий в локальной политике снизилась, в одном (G) — возросла. В городе У снижение роли градообразующего предприятия обусловлено уменьшением экономического потенциала завода и отказом владельцев предприятия от активного участия в городской политике. В процессе слияния городской и районной структур муниципальной власти исчезли имевшие место серьезные трения между отдельными группами внутри городской элиты. В результате изменился расклад сил в локальной элите. Если ранее в городском политическом пространстве были три примерно равных центра влияния, представленных руководством города, района и градообразующего предприятия, то в настоящее время в городе нет серьезной политической конкуренции и сформировалась сравнительно однородная локальная элита, ядро которой фактически образует единую команду. Во многом схожая ситуация сложилась в городе L. Снижение участия градообразующих предприятий (их два) в целом отрицательно воспринимается руководством города. В результате ухода предприятий из городского политического поля в городе в настоящее время нет серьезной политической конкуренции и сформировалась сравнительно однородная локальная элита. Глава городского округа является лидером городского сообщества, его лидерские качества высоко оцениваются местной элитой, а управление городом достаточно эффективно. В городе G в последние десять лет существенно возросла интеграция усилий градообразующего предприятия и местной власти по развитию города. Включенность компании в дела города, в его развитие и налаженные отношения с руководством края и города способствовали тому, что в последние годы город не просто демонстрирует устойчивое развитие, но и входит в тройку наиболее успешных малых городов Пермского края. Эффективность местной власти оценивается респондентами достаточно высоко. Глава города является лидером локального сообщества, сумевшим сформировать единую мотивированную команду и наладить партнерские отношения со всеми влиятельными фигурами в городском политическом пространстве.

Ключевые слова: власть, моногород, градообразующее предприятие, городская политика, глава городского округа.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение характера взаимодействия ключевых акторов в локальных сообществах, давно ставшее одним из наиболее популярных направлений исследования в политической науке и социологии [Harding 2009; Ледяев 2012], в последнее десятилетие динамично развивалось российскими

учеными [Подвинцев 2007; Панов 2008, 2019; Борисова 2010; Гельман 2010; Пустовойт 2014; 2019а; 2019б; Тыканова, Хохлова 2015; Сельцер 2017; Чирикова, Ледяев 2017; Шкель 2017, 2018; Красильщиков, Троицкая 2018].

В качестве объектов исследования выступили различные городские сообщества, в том числе моногорода [Чирикова 2005; Витковская, Рябова 2011; Тев 2012; Малый, Гусев 2014; Чирикова, Ледяев 2016; Филиппова, Рябова 2018]. Особое внимание к ним обусловлено не только их значительным количеством¹, но и тем обстоятельством, что они часто оказываются в числе проблемных и требуют специального внимания со стороны региональных и даже федеральных властей. Исследовательский интерес к изучению власти в моногороде связан и со специфической конфигурацией наиболее влиятельных акторов в локальном сообществе, в которых ведущую позицию нередко занимает руководство градообразующего предприятия, обладающего широким спектром ресурсов власти и влияния. Наконец, актуальность темы возрастает в связи с институциональными реформами в системе местного самоуправления и противоречивыми результатами управления в условиях укрепления вертикали власти. Последнее обстоятельство требует оценки современных тенденций в развитии локальной системы власти и объяснения их специфики и движущих сил.

В статье представлены результаты эмпирического исследования в трех моногородах Пермского края. Основной эмпирический материал был получен в ходе глубинных интервью с региональными руководителями, руководством законодательной и исполнительной власти во всех локальных сообществах, депутатами местных представительных учреждений, чиновниками и работниками аппарата исполнительной власти и legislatur, руководителями местных газет и телевидения, предпринимателями, бизнесменами и руководителями предприятий, лидерами и активистами местных партийных и общественных организаций, экспертами (всего 57 интервью). Исследование проводилось в два этапа в городе Y (в 2012 и 2019 гг.) и в городе L (в 2010 и 2020 гг.)². В городе G исследование проводилось в 2020 г. В центре нашего внимания были следующие вопросы: какую роль играют градообразующие

¹ В 2019 г. в перечень моногородов входил 321 населенный пункт [В перечень моногородов добавили... 2019].

² Результаты первого этапа исследования уже описаны нами ранее: [Витковская, Рябова 2011; Чирикова, Ледяев 2016].

предприятия в общественно-политической жизни города? На каких принципах строятся их взаимоотношения с различными ветвями муниципальной власти? Как характер этих отношений влияет на эффективность управления городским сообществом? Как на локальный политический процесс в моногородах повлияли институциональные изменения в структуре муниципальной власти, в том числе создание городских округов?

ГОРОД Y: ГРАДООБРАЗУЮЩЕЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ПОКИДАЕТ ПРОСТРАНСТВО ЛОКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

На первом этапе исследования обнаружено, что конфигурация наиболее влиятельных акторов в моногороде заметно отличалась от тех, которые имели место в других исследованных нами малых городах [Чирикова, Ледяев 2017]. По оценкам респондентов, в моногороде в 2012 г. было три примерно равных центра силы, представленные руководством города, района и градообразующего предприятия. В этом «треугольнике власти», лидерство смещалось от одной вершины к другой. Наиболее влиятельным актором в моногороде являлся директор градообразующего предприятия. Это обуславливалось доминирующей ролью завода в экономической и социальной жизни города. Нашими респондентами отмечались и персональные качества директора, и наличие солидной группы депутатов в местных легислатурах, формально и неформально аффилированных с заводом. В этом плане включенность завода в локальный политический процесс была весьма высокой, что в целом соответствовало ситуации в общероссийском контексте в тот период [Филиппова, Рябова 2018; Панов 2019].

Три наиболее влиятельных городских актора имели разные наборы ресурсов и преимущественное влияние в разных сферах городской жизни. Потенциал влияния района был выше, чем у города, поскольку его бюджет был значительно солиднее. Безусловное первенство респонденты отдавали району в вопросах, касающихся социальной политики. Но в других сферах, несмотря на более серьезный бюджет, район не выглядел однозначным лидером, что было во многом обусловлено субъективным фактором: в силу недостаточных профессиональных компетенций главы района многие его функции перешли к членам его команды, прежде всего к первому заместителю по финансам, а также к заместителю по юридическим и политическим вопросам. Немалую

роль сыграл и тот факт, что между директором завода и главой района имел место скрытый конфликт.

Кроме трех основных акторов — руководства завода, главы города и администрации района, в локальном политическом пространстве города других сильных игроков не было. Представительные институты в городе — местные легислатуры, партийные и общественные организации — были акторами второго уровня влияния. Местный (малый) бизнес занимал невысокое место в локальной властной иерархии, и его потенциал влияния был относительно невелик, а партия власти, по оценкам наших респондентов, стремительно теряла свои ресурсы влияния в городе (при этом они весьма скептически относились и к ее роли на федеральном уровне).

Взаимоотношения между акторами в моногороде были вполне традиционными. Открытые конфликты, наблюдаемые в публичном пространстве, возникали лишь между акторами, представлявшими различные структуры муниципальной власти, в частности город и район. Помимо естественных разногласий относительно распределения функций, полномочий и обязанностей, а также персональных трений, обусловленных конкуренцией руководителей города и района на выборах, источником конфликта стали разногласия относительно вариантов реформирования системы муниципальной власти в городе/районе. Городская дума обычно не ссорилась с администрацией. В думе имелась группа депутатов, представляющих градообразующее предприятие, но, поскольку между руководством города и предприятием в момент исследования имели место вполне лояльные (коалиционные) отношения, серьезных трений не возникало.

Отношения между градообразующим предприятием и городской администрацией носили коалиционный характер. Они играли важную роль в политико-управленческой жизни города и во многом определяли повестку, приоритеты и перспективы развития локального сообщества, к этому «тандему» примыкал местный бизнес, заинтересованный в кооперации с обоими главными субъектами локальной политики.

В 2020 г. на момент проведения второго этапа исследования ситуация в городе У претерпела существенные изменения. Их основные причины: изменение ресурсного потенциала градообразующего предприятия и его включенности в городскую политику, реформа муниципальной власти, смена высших руководителей города (городского округа) и приход к власти сильных и ярких лидеров.

Потеря ресурсной базы градообразующего предприятия и ослабление его политической роли, на наш взгляд, наиболее важный фактор, повлекший за собой и другие изменения. *Завод сегодня не является экономическим и политическим лидером... Политическое влияние завода на территорию резко упало... И это главная трансформация, которая произошла,* — констатирует глава городского округа.

Снижение роли завода в локальной политике обусловлено как объективными обстоятельствами, связанными с падением производства и сокращением численности работающих (с примерно 10 до 2 тысяч), так и субъективными факторами. Председатель профкома завода считает, что снижение экономического потенциала завода было во многом обусловлено тем, что не была вовремя проведена его модернизация: *Был упущен период, когда эту модернизацию надо было делать. Все крупняки в 90-х годах переструктурировались весьма активно. Они в рынок вошли подготовленными... В постперестроечное время ничего такого на заводе сделано не было. Завод постепенно шел к положению неконкурентности на рынке.*

Другим фактором, вызвавшим ослабление политического влияния завода, стало изменение отношения собственников и менеджмента к локальной политике: собственники завода взяли курс на снижение уровня участия завода в локальной политике (*Это бизнес, который исходит из своих интересов*). Если ранее у заводского начальства были политические амбиции, то теперь все, что нужно заводу, — это стабильность политической ситуации. Председатель думы: *Завод от меня ничего не хочет. Собственник хочет от меня социального спокойствия.* Изменение курса отразилось в назначении нового директора завода, который фактически устранился от участия в городских делах. Предыдущий директор был влиятельной политической фигурой, нынешний — нет. Ранее директор *сам участвовал в политике. У него были свои ставленники и в городе, и в Земском собрании. Новому директору это не надо. Перед ним стоят экономические задачи и только* (заместитель главы городского округа по социальным вопросам).

Можно ли предположить, что в будущем завод восстановит ведущую роль в общественно-политической жизни города? На наш взгляд, это маловероятно. Представители городской элиты не очень верят в финансовую поддержку со стороны собственников завода, так как ранее заявленные ими проекты не были реализованы. Отчасти по этой причине глава городского округа считает приоритетным развитие малого

бизнеса, а не градообразующего предприятия (*Диверсификация экономики, а не развитие завода как монопредприятия*).

Маловероятно и изменение позиции руководства завода относительно включенности в локальную политику. Политическая составляющая в деятельности градообразующих предприятий, по-видимому, имеет вторичный характер [Витковская, Рябова 2011: 81]. Снижение экономической и политической роли завода повлекло за собой и другие изменения в структуре локальной власти. Наиболее существенное заключается в том, что структура власти стала более типичной для современного малого города, где обычно наиболее влиятельными акторами являются руководители муниципальной власти [Чирикова, Ледяев 2017].

Институциональные изменения в структуре муниципальной власти и, как следствие, создание городского округа также существенным образом повлияли на расклад политических сил в городе. Учитывая, что инициатива объединения шла сверху, оно произошло довольно легко и мирно, по крайней мере не было открытого сопротивления со стороны более или менее статусных акторов.

Нынешний глава города, как и другие представители локального сообщества, поддержали идею городского округа. Основные аргументы: *Концентрация кадрового потенциала... Концентрация финансового ресурса... Концентрация оперативности*. Его заместитель по социальным вопросам также видит *исключительно позитивные моменты такого объединения. Когда мы были в городе, у нас был один уровень календарного плана. Сейчас он гораздо масштабней*.

Слияние властей привело к тому, что теперь, судя по всему, какого-то серьезного политического соревнования в локальном сообществе нет. Глава городского округа, председатель думы и поддерживающие их значимые фигуры полностью контролируют ситуацию в локальном политическом пространстве.

Реформа власти в городе и превращение его в городской округ вызвали выпадение из локального политического пространства двух статусных позиций — директора завода, заинтересованного в городской политике, и главы районной администрации, что потенциально снизило численность ядра локальной элиты.

Сегодня практически все наши респонденты считают наиболее влиятельными акторами в локальном политическом пространстве главу городского округа и председателя городской думы. Глава городского

округа руководит администрацией и осуществляет управление всеми ключевыми процессами в городе. Он активно взаимодействует с региональной властью и с помощью своей команды обеспечивает город дополнительными ресурсами. Причем делает это энергично, снискав имидж неутомимого и честолюбивого руководителя. Он имеет поддержку со стороны всех значимых фигур, в том числе регионального уровня (*мне помогли знакомства, которые в свое время были приобретены... За меня замолвили словечко губернатору*).

Председатель Думы также достаточно высоко ценит руководителя городского округа (*я думаю, что он справится*), считает, что тот *умеет быть и лидером, и исполнителем*, и отмечает его мотивацию, работоспособность, инстинкт самосохранения (*он же политик*), гибкость (*Ему достаточно ночь переспать, и он на следующий день может с тобой согласиться... Может сказать — ты же был прав*). Но у главы города есть серьезный недостаток: *он до сих пор не научился говорить «нет»*.

Позитивно к главе городского округа относится и подавляющее большинство наших респондентов. Бизнесмен, депутат Думы отмечает его амбиции (*пока он не реализует проект этот, он вряд ли уйдет*), твердость, гибкость и одновременно лояльность, мотивацию (*блеск у него есть в глазах*), готовность поставить дело выше всего остального (*он практически пожертвовал семьей, друзьями*), осторожность (*он лучше на воду подует*), обязательность (*все обещания и договоренности запоминает*) и порядочность (*не ворует*). Нынешний глава округа безусловно сильнее *старых лидеров*, которые бы городской округ не потянули. Поэтому *на сегодняшний день у нас нет другого лидера, который бы хотел взять на себя это бремя* и его надо поддержать, — считает министр территориального развития края.

Вполне сопоставимой с властной репутацией главы города обладает председатель городской думы. Все респонденты подчеркивают его незаурядные деловые и персональные качества. Он настоящий политик, для него политика — и призвание, и профессия. Ему нравится быть политиком. Политика, по его признанию, *любимое хобби*, которое *переросло в работу*. Несмотря на относительную молодость (около 50 лет), он уже успел активно поучаствовать в самых разных формах политической деятельности — административной, депутатской, партийной, профсоюзной, предвыборной, PR, возглавляя соответствующие структуры и будучи неформальным лидером. Наши региональные эксперты считают его *классическим манипулятором*, человеком, который *сделал фантастическую теневую карьеру*.

Потенциал влияния председателя думы в политическом пространстве У во многом обусловлен тем, что он обладает разными по характеру институциональными ресурсами — административными и партийными (руководство местным отделением ЕР), а также большим практическим опытом, управленческими умениями и авторитетом, в том числе даже у своих оппонентов. Если раньше он был скорее теньвым лидером (поэтому мы в свое время недооценили его влияние на политику в У), то теперь он стал статусным политическим лидером. Как отмечает наш эксперт, он *вылез из тени и стал одним из первых лиц. Каким он всегда был. Он реально всегда руководил всеми процессами.*

Лидерство председателя думы проявляется прежде всего в том, что он эффективно влияет на взаимоотношения других ключевых фигур в локальном политическом пространстве У. *Часто между руководителями проходят рабочие конфликты. Мне иногда приходится быть третьей стороной. Выслушать одну сторону. Выслушать другую сторону. Мне это очень удобно. Если не будет конфликтов, то зачем я нужен?*

Наш эксперт, ранее занимавший высокий пост в районной администрации и фактически определявший ее политику, считает, что председатель думы по сути координирует политический процесс... Он никогда не был исполнителем. Он всегда проецировал свои вещи. Ему интересна возможность влиять на людей. Он закулисный человек и не хотел быть на первых ролях. Сейчас он вынужден это делать. Если нынешний председатель думы вдруг уйдет из политического пространства У, то расклад сил в городе существенно изменится, завод в политическом смысле... рассыплется. Особенно если подключатся такие люди, как я. Тогда завод не сможет противостоять. На самом деле у нас страна, регионы, муниципалитеты — это конкретные люди, конкретные лидеры.

Председатель Думы понимает, что формально его позиция ниже, чем позиция главы [городского округа]. Но судя по оценкам наших респондентов, именно он доминирует в непубличном пространстве в паре с руководителем городского округа, хотя между ними сложились весьма близкие, практически дружеские отношения. Председатель думы прекрасно понимает, что иерархия власти не является линейной «смотря на что влиять, тут нет единой шкалы»). Поэтому можно говорить о лидирующим тандеме в городской политике, поскольку основные решения принимаются ими вместе или по согласованию друг с другом.

Третье место во властной иерархии вслед за главой городского округа и председателем думы, судя по всему, принадлежит нынешнему

заместителю главы городского округа, бывшему главе администрации города. Ранее он занимал многие важные посты в локальном сообществе и в принципе мог бы претендовать на должность главы городского округа. Так считают многие наши респонденты, в том числе председатель городской думы: *Это самый порядочный чиновник из тех, которых я знаю.*

Наши респонденты убеждены, что несмотря на профессионализм, нынешнему заместителю главы городского округа *вся эта возня вообще не интересна. Он хорош как исполнитель... Он очень аккуратный. Он тщателен в исполнении задач. Обязательный. Но инициатива... у него не фонтанирует. Он не политик*, — так думает бывший депутат думы. При этом наши респонденты полагают, что глава городского округа и его заместитель хорошо дополняют друг друга. Заместитель — *основательный... степенный... он на земле... а [глава городского округа] — где-то высоко. И в тандеме они хорошо работают* (заместитель главы города по социальным вопросам).

Таким образом, наибольшим авторитетом и влиянием в политико-управленческом пространстве Y обладают три фигуры: председатель думы, глава городского округа и его заместитель. Других людей с сопоставимыми ресурсами власти и влияния в городе нет, по крайней мере они не были названы ни одним из наших респондентов.

Таким образом, спустя восемь лет расклад в ядре локальной элиты, с одной стороны, так же как и раньше, может быть обозначен как триумвират или тандем. Хотя эти конфигурации представлены иными акторами, тем не менее определенные параллели можно провести. Хотя в числе трех наиболее влиятельных акторов нет директора завода, сам завод так или иначе представлен в лице председателя думы, который всегда идентифицировал себя с заводом. Как и ранее, в числе наиболее влиятельных акторов оказался председатель думы, захвативший лидерство в политическом пространстве города и составляющий лидирующую пару с главой городской администрации. Третий по своему потенциалу влияния актер — заместитель главы городского округа — заменил в треугольнике власти главу районной администрации.

Создание нового триумвирата из сильных лидеров, однако, пока не позволяет говорить о том, насколько власть в городе эффективна. Поток изменений, произошедший за эти годы, сделал ситуацию нестабильной и усложнил работу местной власти и ее лидеров. Первая причина, по которой мы не можем говорить об эффективности власти, —

несформированная до сих пор команда главы города. Этот процесс продолжается, но кадровый дефицит и нерешительность главы при замене членов команды, мешают его завершению.

Определенное влияние на ситуацию оказал региональный фактор. Восемь лет назад город У мало интересовал предыдущего губернатора: его много лет не было в городе. Спустя восемь лет ситуация изменилась. Новый губернатор¹ проявил больше интереса к городу, наши респонденты подробно описывают визиты губернатора и его встречи с жителями города. Но в целом, судя по мнению наших информантов, нельзя сказать, что уровень взаимодействия между региональными и городскими властями существенно повысился, хотя определенные позитивные сдвиги имели место.

Министр территориального развития в целом позитивно оценивает взаимодействие региона с нынешним главой городского округа, в том числе по вопросам реализации проектов развития города. При этом он отмечает, что в некоторых вопросах *главе надо хотя бы не мешать*, тем более что многие проекты — это проекты, инициируемые главой городского округа и ради них он *зашел на федеральный уровень*.

Как и раньше, модель взаимоотношений между региональными и городскими властями может быть обозначена как «эпизодическое вмешательство»: акторы регионального уровня включаются в пространство локальной политики только в случае явной необходимости или по инициативе местных властей [Ledyayev, Chirikova 2019]. Тем не менее наши респонденты отмечают усиливающийся поток директив и «бумаг», которые приходится исполнять. Отношение к губернатору у локальной элиты У разное. Предприниматель-депутат скорее негативно оценивает деятельность губернатора и его отношение к делу: *Отношение сегодня к губернатору — временщик... Он приехал, он завтра уедет. Все понимают: он просто выполняет определенные задачи. Он просто ломает край этими реформами... Думают, что мы живем в глубинке и все мы здесь дураки, не понимаем ничего*.

Настороженно относятся наши респонденты и к проводимой губернатором политике централизации. *У губернатора очень конкретные цели. Он все централизует. Он [главе городского округа] поставил на вид, что деньги за капремонт надо перечислять региональному опе-*

¹ Уже после завершения сбора информации губернатор был вызван в Москву и занял высокий пост в правительстве.

ратору. У Вас тут местных много развелось. Если бы мне так сказали, я бы этого человека отправила куда надо... Губернатор подгребают все под себя. Но [глава городского округа] вынужден подчиняться.

Невысоко оценил управленческие и профессиональные качества губернатора и наш региональный эксперт: *Он плохой менеджер и не умеет работать с людьми.*

Глава городского округа считает, что нынешняя региональная власть «технократичная»: она *из человека делает функцию*. Хотя у него, судя по всему, неплохо получается взаимодействовать с командой губернатора. Тем не менее он не уверен в том, что регион сможет должным образом выполнить свои обязательства, данные при проведении реформы муниципальной власти в городе. Это отмечают и другие наши респонденты.

Так или иначе, хотя региональный фактор и претерпел определенные изменения по сравнению с ситуацией восьмилетней давности, эти изменения не стали решающими в динамике перемен, произошедших в городе.

Итак, сравнение современной ситуации в моногороде с той, что имела место восемь лет назад, показало, что за истекший период имели место довольно значительные изменения во властной иерархии и взаимоотношениях между акторами. Во-первых, произошло снижение роли градообразующего предприятия в локальной политике. Это обусловлено двумя обстоятельствами: сокращением экономического потенциала завода и отказом владельцев предприятия от активного участия в городской политике. Такие изменения повлияли и на конфигурацию наиболее влиятельных акторов, и на содержание локального политического дискурса.

Во-вторых, в процессе слияния городской и районной структур муниципальной власти исчезли и имевшие место серьезные трения между отдельными группами внутри городской элиты.

В-третьих, сформировался новый расклад сил в локальной элите. Если ранее в городском политическом пространстве было три примерно равных центра влияния, представленных руководителями города, района и градообразующего предприятия, то в настоящее время в городе нет серьезной политической конкуренции и можно говорить о формировании сравнительно гомогенной локальной элиты, ядро которой фактически образует единую команду.

Исследование показало, что более других на структуру власти в городе повлияли три фактора, между которыми трудно выстроить иерар-

хию: снижение роли завода, реформа муниципального устройства в городе и персональные изменения в ядре городской элиты. Влияние других факторов оказалось менее значимым. Роль гражданского общества и общественно-политическая активность населения за истекший период существенно не изменились, а возрастание внимания к городу со стороны региональных властей не стало решающим фактором в динамике перемен.

ГОРОД L: ОТ КОНКУРЕНЦИИ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ К ДОМИНИРОВАНИЮ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Город L не совсем типичный моногород: в нем есть два градообразующих предприятия, которые участвуют в общественно-политической жизни города: металлургический завод (компания М) и компания по производству турбогенераторов (компания П). Оба предприятия имеют достаточно высокий экономический потенциал и амбиции собственников для участия в локальной и региональной политической повестке.

В период проведения первого этапа исследования во главе предприятий стояли местные собственники, проживающие на данной территории. Они были склонны к конкуренции, от которой город только выигрывал. Конкуренция между компаниями проявлялась в разных плоскостях — от проведения молодежных фестивалей и поддержки профильных образовательных институций до конкуренции на политическом поле. В частности, во время проведения интервью на втором этапе исследования многие респонденты с ностальгией вспоминали прошедшие времена как благоприятные для развития территории: *Компания М финансировала училище № 6, где они готовили для себя специалистов, проводили переподготовку. А собственник компании П пошел дальше, и еще в лицее начал работать. Причем это был перспективный ресурс, нацеленный на рекрутирование будущих работников. Если бы собственник компании П пошел во власть, то определенно 30 % голосов жителей он бы получил. Раньше было противостояние двух крупных предприятий, которые между собой конкурировали.*

Близкой точки зрения придерживается и другой наш респондент, бывший председатель думы городского округа, также уверенный в том, что соревнование между двумя компаниями улучшало ситуацию в городе. *Раньше у нас негласно шло соревнование между металлургами*

(компанией М) и Приводом (компанией П). Собственник компании П — прогрессивный человек. И тогда он очень многие вещи, связанные с организацией производства, организацией условий труда на производстве, притащил из европейских стран. Например, чистые полы. Ранее на металлургическом заводе ногу можно было сломать, когда идешь по цеху, всякие железяки валяются. Когда увидели, как у него, то тоже у себя сделали. И так шло постоянное соревнование. Даже в уровне заработной платы. И это соперничество было нацелено на хорошие вещи.

Как показало наше исследование, в городе в то время было несколько равноценно влиятельных акторов: действующий мэр города и оба собственника заводов, каждый из которых обладал ярко выраженными лидерскими качествами, авторитетом, силой, мощью, мозгами, пытался формировать свой пул депутатов в представительном органе. *Были группы, которые между собой то дрались, то дружили. Это была элита города, это были личности! Сейчас таких личностей нет, к сожалению,* — считает бывший редактор главной городской газеты.

В течение этого периода заключались политические союзы различной степени надежности, как между муниципальной властью с каждым заводом по очереди, так и между двумя предприятиями.

Необходимо отметить, что тогда в городе L традиционно был неплохо развит малый бизнес, присутствовали общественные, молодежные и партийные организации. Но их участие в политических процессах было эпизодическим и несистемным. Их скорее можно отнести к актерам второго уровня влияния.

Можно с довольно высокой долей уверенности утверждать, что в то время наличие двух сравнимых по экономическому и кадровому потенциалу предприятий не способствовало монополизации политического ландшафта и создавало условия для конкуренции и диалога, что делало политическую жизнь города вариативной и препятствовало сосредоточению власти в едином центре.

К моменту проведения второго этапа исследования в сентябре 2020 г. характер взаимодействия местной власти и градообразующих предприятий претерпел значительные изменения. Прежде всего это касается включенности заводов в политическую повестку города L.

За последние десять лет оба завода сменили владельцев и прошли через процессы реорганизации. На данный момент два градообразующих предприятия распались на четыре структуры. Только на одном из них остался местный собственник, а предприятие сохранило реги-

страцию в городе L, остальные заводы зарегистрированы за пределами края. По мнению респондентов, это обстоятельство серьезно влияет на потерю авторитета компаний: *Любой предприниматель имеет право зарегистрироваться там, где он пожелает. Но раньше было не так, завод и производство здесь, то и налоги он платит тоже здесь. Сегодня получается, что доходы генерирует Москва, а здесь мы генерируем только НДС и некоторые услуги. И в этой ситуации статус наших предприятий сдулся*, — убежден бывший председатель думы городского округа.

Смена собственников отразилось и на включенности заводов в жизнь города L. Произошло заметное уменьшение роли градообразующих предприятий, но не в результате снижения экономического потенциала, а скорее вследствие оптимизации производственных процессов, инициированных новыми собственниками. В интервью эксперты из разных сфер жизни города отмечали, что руководство градообразующих предприятий *абсолютно не интересуется жизнью города*. Но при этом респонденты добавляли, что это не вина нынешних руководителей, поскольку они не являются самостоятельными центрами принятия решений. *Мы имеем несколько случаев, когда директоров при слишком активном участии в жизни города просто меняли и «ставили на место»*. Объясняли, что его зона действия — это территория завода, а все, что находится за пределами, не должно интересоваться, это не нужно бизнесу. Поэтому заводы ведут себя так отстраненно. *Да, есть город, есть жизнь в нем, власть что-то делает*, — продолжает свои размышления бывший председатель думы городского округа.

Представители власти (в том числе глава города L) считают такую позицию несозидательной и недалёковидной, полагая, что собственники не осознают всего потенциала, заложенного в территории: *Был юбилей. Был полный зал. Запели гимн компании П и весь зал встал. И пел. Мы тоже встали, все аплодировали. Я ему говорю: «Вот посмотри, какое тебе наследство досталось, с каким ожиданием люди еще живут!» А когда они сворачивают все мероприятия, в том числе для молодежи, это совершенно точно неправильно*, — вспоминает глава администрации.

В период проведения второго этапа исследования респонденты отмечали отсутствие явных конфликтов между предприятиями и местной властью, подчеркивая, что поводов для конфронтации в нынешней ситуации действительно нет. Главная причина: нынешние владельцы

компаний не видят существенных перспектив в участии в городской политике. Наглядный маркер дистанцирования крупных предприятий от политической повестки в городе L — манкирование выборов представительного органа, когда властям *в большинстве случаев приходится уговаривать заводы* принять участие в кампании. Наш эксперт, представляющий одно из этих предприятий, данный факт подтверждает: *У нас были выборы думы городского поселения. И город обратился ко всем предприятиям с просьбой предоставить людей в думу. Предоставили заводчан. А они ходили и задавали вопрос: а мы зачем туда ходим? Что нам делать? Это они спрашивали у нас, у завода... Они сходили на первое заседание, им выдали материалы, они нас спрашивают, как голосовать? Мы им ответили, что как совесть их подскажет. Задач у завода по отстаиванию каких-то интересов нет.*

В настоящее время в нынешнем составе думы городского округа из 20 депутатов только двое — работники градообразующих предприятий.

Представители исполнительной власти такую пассивность крупных производств связывают с непониманием долговременной стратегии предприятий и как следствие отсутствием *четко сформулированной повестки, что они хотят от территории.*

Бывший председатель думы городского округа не сомневается в том, что у предприятий нет интереса к городской политике *У них нет интереса. Я иногда сталкиваюсь с такими менеджерами, которым я говорю: вы же хотите, чтобы ваши сотрудники эффективно работали на предприятии, значит, они должны эффективно восстанавливаться, жить комфортно. К сожалению, сталкиваюсь на некоторых предприятиях с ответом: мы им деньги платим, пусть они решают свои проблемы сами.*

И представители органов местного самоуправления, и представители заводов согласны с тем, что в ближайшие годы ситуация вряд ли изменится. Глава города, в свою очередь, старается находить варианты взаимодействия в сложившихся условиях. И можно сказать, что ему это удается. Предприятия по мере возможности своих бюджетов помогают в реализации городских, социальных проектов, в проведении праздников. Но на этом глава города не хочет останавливаться и не оставляет попыток убедить руководство заводов в более тесном и регулярном сотрудничестве, приводя в качестве идеального примера ситуацию в городе G, где совместная работа главы города и руководства одного из предприятий демонстрирует впечатляющие результаты.

Сложившаяся ситуация, возможно, повлечет сложности в формировании будущего политического ландшафта города L, так как на традиционно конкурентном (вариативном) политическом поле остался единственный серьезный актер — исполнительная власть в лице главы городского округа. Беспокойство по этому поводу высказали несколько респондентов: *Если коллегиального участия нет, то руководитель может быть успешный, хороший, но он всегда рискует, что он не самый лучший, не самый эффективный вариант принял, потому что он не услышал мнение своих коллег, он их не использовал в своей деятельности. И у нас сегодня такая ситуация. У нас сегодня голоса у представительной власти практически нет. Это просто технический орган, потому что процедура предусматривает, что надо проголосовать, ну просто проголосуем, —* продолжает свои размышления бывший председатель думы городского округа.

В ходе последних выборов представительного органа был сформирован состав, в котором почти не осталось переизбранных депутатов. В том числе не удалось сохранить свое кресло бессменному председателю думы, который занимал этот пост на протяжении трех электоральных циклов. Неопытность, недостаточная профессионализация моментально отразились на качестве работы думы, где *не депутаты иницизируют дискуссию, а администрация говорит депутатам, что надо делать.*

Вот как сложившуюся ситуацию комментирует бывший редактор городской газеты: *«Раньше в думе были битвы, черт знает что, были группы. Некоторые говорили, что они между собой дерутся, это плохо. Нет, это было хорошо. Это была конкуренция. Да, тогда одни доказывали одно, другие другое. В споре всегда что-то рождалось. Сейчас этого нет. В думе есть комитеты, не знаю, насколько плотно они работают. Но это не та яркая дума, не те яркие депутаты.*

Важно отметить и тот факт, что город L был первой территорией в крае, где прошел процесс слияния городского и районного уровней управления муниципальной власти (в 2011 г.). Это объединение не было результатом затянувшегося конфликта основных авторов политических процессов и было направлено на консолидацию кадровых и финансовых ресурсов: *Консолидирование на единой точке, на едином центре ответственности, я считаю, всегда является благом. Невозможно говорить о глобальных вещах, когда это всё размазано по территории. Был размазан денежный ресурс, административный ресурс. И самое страшное, что живя в одном районе, люди действовали как лебедь, рак и щука,*

каждый пытался тянуть в свою сторону, — продолжает заместитель главы администрации¹.

После того как градообразующие структуры покинули политическое пространство города L, ядро политической элиты также претерпело изменения. Респонденты называют отдельных персон, обладающих качествами лидеров и зачастую имеющих авторитет среди своих подчиненных, но они не демонстрируют желания активно участвовать в политических процессах.

На данный момент по сути единственным серьезным игроком остается муниципальная власть. Все респонденты без исключения в качестве наиболее влиятельного актора называют действующего главу города L. Не все отзываются о нем позитивно, но признают его лидерские качества, отмечая умение *управлять людьми, требовать и добиваться, чтобы персонал работал, выбивать дополнительные деньги везде, где можно и участвовать во всех возможных программах*. Также отмечается его авторитет среди локальной элиты и продуктивный диалог с краевой властью: *Глава, заходя в любое министерство, на сегодняшний день, говоря о том, что он из города L, дает понять, с кем сейчас будут иметь дело. Люди, без широкой улыбки, понимают, что они (представители города L) опять пришли и что-то от нас хотят. Но в то же время, мы всегда даем некоторую гарантию, что мы сознательно и полностью исполним все возникшие обязательства*, — продолжает заместитель главы администрации.

Однако другие респонденты отмечают взрывной характер главы города, его непопулярность у населения, определенную *усталость от должности и отсутствие команды*. При этом, рассуждая о дальнейшей политической карьере главы города, они озвучивали мысль о том, что он — лучшая кандидатура на пост депутата краевого парламента от территории: *В этом случае будет легче стучать в закрытые двери*.

Потенциальным лидером, чье имя не раз звучало в ходе исследования, можно назвать нынешнего заместителя главы города L по экономике и развитию территорий. Это один из самых молодых чиновников (32 года) в крае. До перехода в администрацию он трудился научным сотрудником и преподавателем в одном из краевых вузов. Глава городского округа видит в нем будущего руководителя территории. С ним

¹ Опыт L был впоследствии использован краевыми властями как пример для других территорий.

согласны и некоторые другие респонденты: *У него есть планы, связанные с городом, с развитием территории. Мы с ним об этом разговаривали. Это человек, который не заражен карьеризмом и еще пока не остыл, лелеет надежду, что он сможет что-то сделать для развития территории, —* считает бывший председатель думы.

Сам заместитель главы деликатно отрицает свое лидерство, ссылаясь на то, что для развития территории важнее командная работа, где *все стремятся к одной цели, к развитию округа и дальнейшему процветанию.* Именно заместитель главы был одним из немногих респондентов, кто отмечал важность работы с общественным мнением на регулярной основе. Одним из его ближайших планов является формирование общественного совета при главе городского округа: *Я пока не до конца понимаю, что мы от них хотим получить. Да, на поверхности лежит, что мы от них получим определенный запрос, критику. Это нормально, и это должно быть. Но пока я не понимаю, что я от них хочу получить, —* делится своими размышлениями заместитель главы администрации.

Еще одним потенциальным лидером и, возможно, будущим влиятельным актором на политическом поле города L можно считать заместителя директора компании M. Он давний участник (в разном качестве) политических процессов, проходящих на территории. В разное время он занимал должности помощника депутата краевого парламента от города L, заместителя главы городского округа. Сейчас его основное место работы — компания M, но именно с его подачи в представительном органе есть два депутата от завода, один из которых является председателем думы. Несколько респондентов в интервью называют его *влиятельной фигурой в непубличном пространстве.* Но позволит ли данный ресурс стать полноценным игроком в политическом поле города L, однозначно утверждать нельзя. Сам представитель завода считает, что его участие в политике зависит от позиции работодателя.

Таким образом, в городе L по сути сформировался единый центр влияния с ключевой фигурой в лице главы городского округа. Также есть несколько фигур, у которых, по мнению респондентов, есть потенциал стать лидерами. Но на данный момент их авторитет не сопоставим с авторитетом главы города¹.

¹ Для того чтобы утверждать более определенно, исследование данного кейса нужно продолжить после выборов депутатов Законодательного собрания Пермского края, которые пройдут в следующем году. Их результаты могут

Несмотря на тот факт, что в процессе обсуждения и принятия решений в городе сейчас отсутствует традиционная для территории вариативность, власть в городе можно считать эффективной. По итогам 2019 г. город занял шестое место в конкурсе муниципальных образований края из 46. Для сравнения: до 2012 г. город L (руководил которым нынешний же глава) входил в тройку лидеров.

Большая часть респондентов связывает эффективность власти с фигурой нынешнего главы и его лидерскими качествами, прежде всего с его умением лоббировать интересы города на краевом уровне и выстраивать долговременные партнерские коммуникации как на муниципальном, так и на краевом уровнях.

Характеризуя деятельность главы города, председатель думы замечает: *Глава делает все, чтобы город развивался. Он не заботится о рейтингах. Людям ведь не надо рейтингов, для них важны результаты работы. Я надеюсь, что население оценит или уже оценило работу главы. Есть реальные сдвиги по развитию города, как житель, говорю. Что было 7 лет назад, и что есть сейчас. А зная, что произойдет за следующие два года, я могу предположить, что будет совсем классно.*

При этом и сотрудники муниципалитета, и представители крупных предприятий отмечают, что эффективность власти была бы выше при меньшей бюрократизации процессов и жесткости управления со стороны края: *Сегодня краю нужна четкая исполнительность того, что сказано сверху, участие в проектах, реализация денег. В этом они эффективны. Если в голове у губернатора возникнет мысль, что надо развивать территории, повышать эффективность экономики, вот тогда понадобятся головы и интерес самих территорий, потому что никто не сможет прийти и осчастливить. Типа давайте мы произведем здесь проектик и вы станете счастливыми,* — убежден бывший председатель думы городского округа.

Подводя итоги первого и второго этапа исследования, можно заключить, что расклад политических сил с момента проведения первого этапа исследования претерпел существенные изменения. Произошла значительная ротация в рядах локальной элиты, качественно изменился формат заключаемых ими союзов. Этому способствовали следующие факторы.

привести к изменению ядра локальной элиты и способствовать созданию интересных коалиций с последующей трансформацией политического ландшафта города L.

Во-первых, заметно снизилась роль градообразующих предприятий в жизни территории. Это связано прежде всего с существенными изменениями в структурах самих предприятий — сменой собственников на обоих заводах и дроблением производств. Директора и собственники заводов больше не входят в число наиболее влиятельных акторов, хотя заводы остаются важным элементом территориальной идентичности.

Во-вторых, смена конфигурации наиболее влиятельных акторов повлияла на формирование представительного органа города L. В отсутствие сильных акторов кресла депутатов заняли во многом случайные люди, не обладающие достаточными компетенциями для принятия решений. Председатель думы в большей степени выполняет технические функции, не имея необходимого опыта работы в этой должности. При этом обязанности председателя он выполняет на неосвобожденной основе. Таким образом, выборный орган, где раньше имели место диалог, дискуссии и даже споры, фактически превратился в орган с советательными функциями.

В-третьих, ослабление позиции заводов и их дистанцирование от участия в политике и выборах местного парламента изменили структуру властной иерархии, по сути оставив единый центр влияния — муниципальную власть в лице главы города. С одной стороны, такой расклад сил позволит избежать конфликтов, препятствующих развитию территории, с другой — может стать существенным фактором, тормозящим развитие городского округа.

ГОРОД G: ГРАДООБРАЗУЮЩИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Так же как и город L, городской округ G имеет не одно, а два градообразующих предприятия. На одном из них (M) работает 2500 тысяч человек, оно активно развивается и именно с ним местные элиты и население связывают позитивные перемены в будущем.

Второе предприятие (K) не столь велико, на нем работают около 1200 человек, и оно участвует в городской политике *по возможности*. Предприятие K взаимодействует с властями, реализуя ряд социальных проектов, в ответ власти идут на некоторые уступки компании, помогая ей разрешать конфликтные ситуации с другими городскими структурами. Однако заметной роли, кроме участия в социальных проектах,

это предприятие не играет. Его можно назвать градообразующим предприятием весьма условно.

Предприятие М в полной мере соответствует статусу градообразующего предприятия. По оценкам элит, благодаря заинтересованному участию в развитии города это предприятие символизирует устойчивое будущее, в котором никто из респондентов не сомневается. Эта символическая роль предприятия в развитии города является не менее важной, нежели его экономический потенциал.

Участие градообразующего предприятия в городской политике, помощь в реализации социальных проектов в городе позволяют говорить об определяющей роли предприятия в городском пространстве. Известный в городе бизнесмен убежден, что город живет и развивается благодаря компании М: *Способ выживания моего бизнеса, и не только моего — это компания М. Мы занимаемся строительством, и они нам часто предоставляют объекты. Сейчас мы сдавали два девятиэтажных дома. В прошлом году мы сдавали девятиэтажный дом. К компании уважение есть, ведь они не обязаны делать то, что они делают для города. И директора компании, и председателя совета директоров уважают, это не вопрос. Если сегодня будут выборы, народ за них проголосует. Это точно.*

О ключевой роли первых лиц компании в реализации городской политики говорят и другие представители локальной элиты: *Фигура председателя совета директоров компании М в городе является ключевой. Генеральный директор, председатель совета директоров — это очень заметные и влиятельные фигуры в городе. Директор компании сам по себе человек положительный, трудоголик. Он очень внимательный. Он работает с заботой о людях. Это человек, которому на данный момент замены нет. Нет людей с таким масштабом мышления, — считает главный редактор местной газеты.*

Председатель думы, работающий в компании, также убежден, что генерального директора и председателя совета директоров в городской политике заменить нечем: *Все в городе работает благодаря председателю совета директоров, какую бы позицию он ни занимал во власти. Все удерживается благодаря этому человеку. Цепочка работает, но все тонкие связи завязаны на нем. Все началось строиться в тот момент, когда все начало получаться у него. Он выше всех обстоятельств, которые бы могли его остановить. Может быть, со временем что-то изменится, но в данный момент это так.*

Наличие в городском округе такого ресурсного и стратегического игрока на поле городской политики закономерно ставит вопрос о характере взаимодействия градообразующего предприятия и местных властей: как складываются их отношения в ситуации, когда муниципальные структуры не обладают ресурсами и возможностями, сопоставимыми с компанией, которая входит в тройку лидирующих химических предприятий в России, и в пятерку лидирующих химических компаний в Европе?

Как показывают оценки представителей локальной элиты, ожидаемого явного доминирования и подчинения более слабого в ресурсном отношении субъекта более сильному в реальности не наблюдается. Скорее можно констатировать, что взаимодействия между ними строятся на принципах партнерства, в основе которого лежат взаимные договоренности: *У нас нет принципа во взаимодействии с властью «знай свое место». У нас с главой отношения партнерские. В противном случае это бы никак не работало. Когда человек становится главой, у него появляется представление о своей значимости. Разве таким человеком может вертеть и управлять, кто хочет? Нет, — убежден председатель думы городского округа и одновременно начальник отдела кадров компании М.*

Важно, что модель партнерства во взаимодействии компании и муниципальной власти сложилась далеко не автоматически. Еще десять лет назад отношения были конфликтными: *Всего 10 лет назад отношения между М и властью складывались не очень хорошо... Во власть пришел человек, которому не хватало нескольких месяцев до муниципального стажа, чтобы получить соответствующую пенсию. Понятно, что отношения с М были не очень. Шла подпольная война, которая негативно сказывалась на всем, — рассказывает главный редактор местной газеты.*

Противостояние властей и градообразующей компании сопровождалось конфронтацией внутри команды администрации города, что только усугубляло положение: *До прихода на должность главы нынешнего министра, который начал создавать округ, здесь была конфронтация. Очень сильная. В администрации пытались отключить интернет, чтобы навредить тем, кто сидел в других комнатах... Это был явный дурдом. Дурдом со стороны главы. И предприятия... Глава не понимал, что хочет предприятие и все остальные. А предприятие не хотело помогать столь слабому и незаинтересованному главе, — вспоминает нынешний глава городского округа.*

В 2012 г. ситуация начала резко меняться. Местную власть возглавил человек из компании М, занимавший в ней должность кадровика. Он отличался инициативностью, одним из первых в Пермском крае приступил к созданию городского округа. В процессе реализации данной инновации он тесно сотрудничал с компанией М, что позволило ему переломить сложившиеся ранее отношения неприятия между местной властью и градообразующим предприятием. Основой для построения новых отношений было не только доверие новому главе со стороны локальных элит, но и тот факт, что двум главным субъектам городской политики удалось выработать общее видение того, как город должен развиваться.

Вновь пришедший глава городского поселения пригласил в свою команду сити-менеджера, который после его ухода сначала в законодательное собрание края в 2015 г., а затем в 2018 г. на руководящую должность в правительстве края, занял его место.

До сих пор, несмотря на свою работу в крае, локальные элиты считают его лидером местной власти, который и сейчас помогает городу двигаться вперед и побеждать во всевозможных конкурсах. Это дает нам основание назвать этого человека лидером городской политики, сумевшим не только переломить негативную ситуацию в городе, но и создать команду во главе с новым руководителем, который не только удержал «ситуацию на плаву», но и смог развить ее дальше: *Пришедшего в 2012 году главу сначала района, потом вновь образованного городского округа поддерживали, и многое в городе стало происходить позитивного. Люди это увидели сразу. Он прекратил войну между властью и компанией М. Он захотел сделать власть результативной. Это ему удалось. Ему пришлось пойти на очень непопулярные меры. Он перетряхнул администрацию. Очень хорошо их потряхнул. Его девиз: «Вы работаете, если не можете — учитесь, если учиться не можете — уходите». Он нашел сити-менеджера, который после его ухода возглавил городской округ. С тех пор и до сегодняшнего дня город в числе первых по вхождению в различные проекты. У нас сразу проспект отремонтировали. Начали стройку. Очень многое сделали по благоустройству города. Раньше трава была по пояс. Была разруха... Теперь ты заезжаешь в город и видишь, пусть маленький, но уютный городок. Вполне себе современный. Даже с маленьким фонтанчиком. Со своей Красной площадью. Маленькой. Зайдите в парк Гагарина и посмотрите. Это только начало, — делится своими воспоминаниями одна из наших респонденток.*

Сформированная несколько лет назад модель партнерства в отношениях компании и местной власти сегодня обрела вполне ясные черты, и большинство представителей элитного корпуса настаивают: открытого давления компании на муниципальную власть нет. Последовательно эту точку зрения защищает местный предприниматель, хорошо известный в городе: *Я думаю, что власть и градообразующее предприятие действуют совместно. Ведь это завод-гигант, без которого города бы просто не было. Ничего другого я сказать не могу. Я думаю, что глава города не зависит от компании, и не должен от нее зависеть. Власть вполне самостоятельна. Свои интересы вопреки всему люди из компании не продвигают, пользуясь тем, что они — завод-гигант... Я думаю, что у них взаимодействие... Такому большому заводу давить на власть в городе незачем. У них нет такой надобности. Силы несопоставимы.*

Согласна с этой оценкой и пресс-секретарь главы городского поселения: *Компания не забывает согласовать свое видение с администрацией. У нас налажен диалог. Компания ничего не навязывают главе. Нет такого: мы хотим, так и будет. Они советуются между собой.*

Глава города, в свою очередь, также убежден, что компании в лице ее руководителей, прежде всего председателя совета директоров и депутата ЗС, не надо прибегать к давлению, поскольку, он уверен, руководство компании не приемлет таких отношений, а у него и компании сформировалось общее видение будущего города. Достигнутые договоренности закрепляются умением обеих сторон находить компромиссы: *Председатель совета директоров влияет на принятие каких-то решений, но он влияет на них в рамках наших совместных договоренностей. Мы под ковром не бьемся. Он старается не вмешиваться в мою деятельность, если он видит, что у нас хорошие проекты. Но качество проектов он отслеживает. У нас хоть и добрые отношения, но качество превыше всего. И сроки тоже. Я никогда просто так ничего не откладываю. Мы всегда ищем компромиссные пути.*

Объясняя свою нацеленность на поиск компромиссов, глава замечает: *У нас нет такого, что власть гнет свою линию и претендует на то, что она самая главная. Это бы очень влияло как на население, так и на компанию. Немалая часть населения работает на заводе, а потому любой конфликт привел бы к сбою работы компании. Этого нельзя допустить ни в коем случае. Приведу пример нашей интеграции. В городе выходит общая газета, где учредителями выступает и компания, и местная власть. Здесь у нас полное единение.*

Отсутствие серьезных конфликтов между муниципальной властью и компанией во многом обусловлено и тем обстоятельством, что представительная власть в городе фактически отдана руководителям компании: *Компания М участвует в городской политике и в городских политических процессах. Той и другой стороне, по сути, и договариваться не о чем, они просто идут нога в ногу. Заместитель председателя Думы у нас — секретарь партии ЕР и заместитель генерального директора, а ее председатель руководит кадровым отделом компании. Так что у нас с компанией одна команда, — не сомневается начальник отдела внутренней политики администрации городского округа.*

Председатель совета директоров не афиширует свое лидерство в городе, хотя все отлично понимают, что именно он принимает решения о финансовой помощи городу, особенно о финансировании социальных проектов, что в глазах локальной элиты *делает его важной фигурой, может быть, важнее главы.*

Внешне демонстрируемое партнерство, разумеется, не означает, что партнеры равноправны и между ними нет неформальной субординации. Очевидно, что ведущим в данном тандеме выступает компания. Открытые конфликты между ними сегодня практически исключены, поскольку городским властям нет резона ссориться с предприятием. При этом выгоды получают обе стороны: *Взаимодействие у них есть. Конфликтов нет. Они договариваются. Это так и есть. У них скорее партнерские отношения. Нельзя сказать, что власть — это придаток, которая не имеет право голоса. Они свое мнение высказывают. Понятно, что М как старший брат. Вступать с ним в конфликт не стоит. Овчинка выделки не стоит. И это все хорошо понимают, хотя об этом не говорят, —* напоминает главный редактор местной газеты. *Многое в городе зависит от председателя совета директоров. Не следует об этом забывать. Но и не стоит думать, что партнерская модель отношений, это только благотворительность с его стороны. Эти отношения взаимовыгодные, это точно, —* считает начальник отдела внутренней политики администрации городского округа.

В своем интервью председатель совета директоров М не отрицал того факта, что участие в городской политике — это не просто жест доброй воли. Это прежде всего стратегия наращивания мощи компании. Заботясь о городе, он фактически создает приемлемые условия жизни для своих работников, которые будут приносить прибыли компании.

Начав помогать городу, он и генеральный директор вскоре убедились, что только ресурсов компании недостаточно, чтобы реализовать

все нужные проекты. Когда я еще депутатом не был, мы с генеральным директором многими вопросами стали заниматься. Ездили, смотрели, создавали программы по городу, по району. Стали понимать, что нужно больше полномочий, чтобы делать более серьезные дела. Поэтому они сделали следующий шаг — избрались депутатами законодательного собрания края, чтобы привлекать в город дополнительные ресурсы. Это им удается. Мы понимали, что создать солнечное царство в городе под названием «Компания М» — это утопия. У нас работают высококлассные специалисты, и они должны жить в достойной среде. Если создавать ее в масштабах города средствами предприятия, на это уйдет вся прибыль. Оттуда все и пошло. Мы понимали, что надо несколько фундаментальных вещей сделать точно — безопасность, образование, досуг в городе. Это можно создать, имея некоторые рычаги влияния. Пришлось идти в ЗС края. И мы, вместе с коллегой — генеральным директором начали работать депутатами... В этом тоже была сила нашего успеха, что два депутата на территории с одинаковыми интересами во всем.

Таким образом, развитие городского пространства стало осуществляться при поддержке двух стратегических лидеров, которые мобилизовали для этого дополнительные ресурсы, воспользовавшись своим политическим влиянием.

Возникает вопрос: а что в этой ситуации должен делать глава города? Остается ли он лидером в глазах элит или несопоставимость ресурсов этих фигур делает лидерство главы невозможным?

Полученные оценки деятельности главы города позволяют говорить о том, что он не просто лидер в городской политике, но и эффективный руководитель, благодаря которому в городе многое меняется — и в плане благоустройства, и в плане реализации социальных проектов, которые поддерживаются не только компанией М, но и региональными властями и федеральным уровнем.

Характеризуя главу города, члены его команды отмечают в первую очередь такие черты, как ответственность, открытость для населения, умение договариваться, работоспособность, стремление помочь остальным членам команды в решении проблем, если они возникли: Он креативен, выстраивает партнерские отношения, поддерживает членов команды... Он человек еще старой закалки. Он очень ответственный. Если он что-то пообещал кому-то и не сделал, — его червяк этот точит. Ему неприятно, если он не выполняет своих обещаний... Он не по-

зволяет себе хамского отношения к людям. В целом он авторитетный человек. У него авторитетный стиль. Он пользуется авторитетом. Я здесь работаю и вижу, сколько много всего делается. Я вижу, каким трудом это достигается, — убеждена начальник отдела внутренней политики.

По ее мнению, главу города можно отнести к вполне состоявшимся лидерам, у которых многое получается: Глава умеет создать команду. Он умеет принимать эффективные решения. Он умеет брать на себя ответственность. Его роль и в том, что является основоположником всех начинаний. Он — двигатель команды. Он ищет финансирование. И еще делает многое другое. С ним нам интересно работать. Я эти качества очень ценю и думаю, что не только я. Если на его место посадить человека не-лидера, то будет то, что было раньше. Будет очень грустно. Если человек — лидер, то он все может преодолеть. И никакие внешние условия ему не мешают, — продолжает свои размышления начальник отдела внутренней политики администрации города.

Бесспорным лидером считает главу города и пресс-секретарь: Я думаю, что главу, безусловно, можно назвать лидером в городе. Он реально уже много лет возглавляет город. Делает огромнейшую работу каждый день. К нему всегда прислушиваются. У него есть хорошая команда. Иначе мы бы не добились реализации проектов. Иногда бывает, что надо кого-то подпирать. Но без этого, наверное, никак. Но все задачи при этом выполняются. Глава является председателем ассоциации «Союз», куда входят главы городов. Чтобы стать председателем, надо, чтобы главы других городов признавали твое лидерство. Для этого надо обладать авторитетом, и он им обладает и за пределами города.

Относит главу к лидерам благодаря лидирующей роли главы в команде и начальник отдела экономики администрации городского округа: Мы же паровозики, мы же вагончики... А он локомотив. Он тактичный человек, этого не показывает. Но ответственность всегда за ним. Мы должны это понимать, если мы работаем как единая команда. У нас иерархия власти за эти годы никуда не делась.

Считают главу лидером не только члены его команды, но и другие наши респонденты. Например, редактор местной газеты: Он вполне эффективно работает. Он не пускает ситуацию на самотек. Он пытается ее решать. Он очень осторожен. Он очень аккуратен. Он не хочет попадать ни в какие истории. Я не думаю, что в городе творятся мрачные делишки. Для него это большой риск. Он на это не пойдет.

Местный бизнесмен, строитель, характеризуя главу, тоже говорит о его лидерских качествах, способных перебороть внешние обстоятельства, выделяя прежде всего способность главы работать эффективно: *Он лидер и одновременно очень грамотный руководитель. Я же вижу, как в последние годы город преобразился. И строительство дорог, дворов, детские площадки, арт-объекты... Есть рядом другие города, там ничего этого нет. Происходящее зависит в первую очередь от руководителя. От его команды. Даже в ситуации безысходности лидер обязан что-то сделать. Если он слабый — тогда точно ничего не получится. Если он носа не высовывает, то это не руководитель. Лидер обязан уметь перебороть ситуацию. И он ее обязательно переборет, если сильно захочет. Найдет нужных людей, поставит задачи команде, договорится с вышестоящими руководителями.*

Сам глава не сомневается в своем лидерстве, так как убежден: *Это моя основная цель, работать эффективно и быть лидером. Если бы я этого не делал, то я бы здесь не работал. Здесь очень сильная команда, и в ней нельзя работать безответственно, неэффективно, не создавая рычагов для взаимодействия, не беря просчитанную ответственность на себя. В этом случае мне было бы сложно здесь работать, и я бы не добился тех результатов, которые мы имеем сегодня.*

Иначе воспринимает главу председатель думы городского округа: *Я воспринимаю главу как руководителя администрации. Для меня это больше, чем глава территории. Но одновременно он всегда исполнитель. Почему? Для меня глава-лидер — это глава, которого избрал народ. Я 15 лет избирался. Лидером может быть только человек, который прошел через это сито. Люди назначенные — это управленцы. Эта функция заложена законом. Но в целом у представителей локальной элиты нет сомнений в том, что нынешний глава города является лидером (одним из лидеров) локального сообщества. Он умеет работать эффективно, ответственен и у него сформирована команда последователей, с которой он грамотно работает: *У главы есть такое качество как беспристрастность. Он демонстрирует равное отношение без допущения панибратства ко всем членам команды. К нему можно прийти в любое время, по решению рабочих проблем. У него есть костяк, с которым он советуется. Но панибратства ни с кем нет. За это я его еще больше уважаю. И горжусь тем, что я работаю в такой команде.**

Сам глава высоко оценивает свою команду, признавая, что один он бы не смог столько сделать для города: *В принципе меня команда*

устраивает. Если бы она меня сильно не устраивала, то я бы не знал, как с ними работать. А команда нужна. Всего не охватишь. Хочется делать все качественно. Тем более, что мы работаем с очень большим количеством проектов. Многие процессы надо контролировать, без команды это делать трудно.

Если учесть, что применительно к городу G команда — это не только люди, работающие в администрации, то работа с ней существенно усложняются: Чем команда сплоченнее, да еще если в ней есть уважаемые люди, тем труднее работать главе. Проще работать одному. Глава сам за себя отвечает, и никто ему не указ. Есть города, где нет депутатов ЗС на территории. Есть города, где директора предприятий вообще не занимаются развитием города. У нас все иначе. Я постоянно нахожусь в диалоге со всеми. С депутатами ЗС, с правительством, с тем же министром территориального развития. И с председателем Думы в городе, и с генеральным директором... Если у меня что-то не получается, то я должен ответить всем, почему у меня не получается, — поясняет глава города.

Тем не менее работа в расширенной команде дает свои преимущества, развивая коммуникативные связи главы, без которых добиться эффективности в управлении городом было бы практически невозможно: Эффективность — это целый комплекс факторов. Один из главных факторов эффективности — это создание единой команды с компанией М. Это влияет и на взаимодействие правительства с городом. Это очень влияет. Меня всегда поддерживает председатель совета директоров, если я с какими-то вопросами начинаю общаться с правительством, очень важными для нашего города. Когда такая поддержка есть, вопросы решаются быстрее. Губернаторы председателя совета директоров и депутата ЗС всегда слушали. Я думаю, что и вновь пришедший губернатор будет это делать. Экономика края у всех губернаторов стоит на первом месте. Компания М вносит существенный вклад в ее развитие.

Проведенный анализ показывает, что в том случае если глава города — лидер, способный наладить партнерские отношения с другими ключевыми игроками в городе, то при наличии ресурсов заинтересованной компании, он достигает высокой эффективности в управлении городом. С этим согласны и члены его команды, по-своему понимающие эффективность городского управления, но уверенные в том, что в G управление эффективно: Да, я считаю, что команда и глава на 100 %

эффективны. Основной критерий эффективности команды — это партнерские отношения. Глава советуется. Мы все друг с другом советуемся... У нас есть проектные офисы. Мы сначала садимся, обсуждаем, как это можно сделать с учетом наименьших потерь... Для меня это и есть эффективность. Наш глава часто говорит: мне нужен результат. И этот критерий действительно говорит об эффективности. Это абсолютно так. У нас люди собрались профессионалы. Каждый в своем направлении знает свою работу.

Проделанный анализ также позволяет убедиться в том, что единоличное лидерство в городе вряд ли возможно без мощных фигур, таких как генеральный директор компании, председатель совета директоров, бывший глава, давшие начало преобразованиям в городе. Их всех представители локальной элиты безусловно относят к лидерам, и от их совместных усилий зависит развитие города.

Признавая за главой города лидерские качества, все же нельзя не заметить, что лидером городского сообщества местные элиты считают и его заместителя по развитию территорий, который в некоторых сферах фактически замещает главу, помогая ему реализовывать самые амбициозные проекты. Двойное лидерство в команде не ослабляет ее, как это часто случается, а, напротив, усиливает. Недаром многие из опрошенных респондентов, включая действующего главу города, видят в заместителе главы будущего руководителя города, еще более амбициозного и рискованного, чем нынешний.

Данный кейс является ярким примером значимости персонального фактора: «персона имеет значение». Не сложись обстоятельства таким образом, что в 2012 г. территорию возглавил сильный лидер, не исключено, что город G имел бы иную траекторию развития. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что градообразующая компания и ее руководители поверили в искренность устремлений молодого главы сделать город лучше, начав с ним сотрудничать. Пришедший позднее новый глава города продолжил начатую предшественником линию, подключил к реализации проектов всех заинтересованных лиц, включая фигур из правительства края. Но прежде всего он выстроил модель партнерских отношений с ключевыми игроками на градообразующем предприятии, чем обеспечил дальнейшее поступательное движение города вперед. Безусловно, если бы у градообразующей компании не было заинтересованности в развитии города, никакие коммуникативные способности не спасли бы ситуацию. Необходимость развивать свой

бизнес, где людские ресурсы являются важной составляющей, во многом предопределила стратегию городского развития. Тем не менее этот процесс мог бы идти более болезненно и сопровождаться скрытыми и открытыми конфликтами, если бы лидеры не смогли договориться. Вывод, который очевиден: согласованность действий лидеров разного уровня есть залог успеха в развитии города в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВАРИАТИВНОСТЬ СОХРАНЯЕТСЯ

Рассмотренные три кейса, разумеется, не позволяют делать сколь-нибудь широких генерализаций. Однако некоторые предварительные выводы могут быть нами обозначены.

Исследование подтверждает тезис о том, что роль градообразующих предприятий в политическом пространстве моногородов является фактором, во многом определяющим и конфигурацию наиболее влиятельных акторов в локальном сообществе, и характер их взаимоотношений, и эффективность управления.

Как показывают результаты исследования, в двух городах (Y, L) из трех роль градообразующих предприятий и их включенность в локальную политику заметно снизились. В G наблюдается обратная тенденция. Во многом поэтому, уверены наши респонденты, в этом городе и население, и элита гораздо более оптимистично оценивают перспективы его развития, полагаясь на помощь градообразующего предприятия.

Оптимизм, как нам представляется, зависит и от экономического потенциала предприятия, и от позиции, занятой его руководством. Градообразующее предприятие M в городе G является наиболее экономически состоятельным и успешным, оно обладает гораздо большими экономическими и финансовыми ресурсами, чем предприятия в других городах. Это, разумеется, существенно повышает и потенциал влияния предприятия на локальные процессы. Тем не менее дело не только и не столько в экономических ресурсах, сколько в позиции директорского корпуса, согласного или несогласного включаться в городскую политику и помогать городу, используя свои финансовые ресурсы и социальный капитал.

Как это влияет на управление городом? Нет ли в доминирующем статусе градообразующего предприятия опасности нарушения баланса между интересами предприятия и жителей города? Опыт G показывает, что достижение баланса вполне возможно. Но для этого нужно,

чтобы во главе градообразующего предприятия были люди со стратегическим мышлением и идентифицирующие себя с городом, а муниципальные лидеры обладали способностью и умениями выстроить стабильные отношения и с бизнесом, и с населением, и с региональными властями.

Сложившаяся в G ситуация не возникла автоматически. Отношения между двумя основными акторами — градообразующим предприятием и руководством города — длительное время были далеки от оптимальных, до тех пор пока бразды правления в городе не взяли люди с лидерскими качествами. Тем самым исследование подтвердило значимость персонального фактора в локальной политике, от которого во многом зависит не только успехи или неудачи в управлении, но и сам процесс структурирования отношений между основными локальными акторами и институтами.

Нынешнюю ситуацию в G вряд ли можно считать полноценным режимом в его стоуновской интерпретации в силу неравенства ресурсов и возможностей основных участников, но факт коалиционных отношений налицо. Отношения между ними, как подчеркивают наши респонденты, нельзя рассматривать как отношения доминирования, а руководство муниципалитета не является карманным, оно вполне способно влиять на стратегические решения.

Последнее обстоятельство во многом обусловлено персональным ресурсом главы города, имеющего высокий авторитет среди представителей местной политической и экономической элиты. Опрошенные нами респонденты признают за ним высокий уровень эффективности управления городом. Нельзя отрицать, что это результат не только усилий главы и его команды, но и следствие серьезной поддержки, оказываемой градообразующим предприятием городу. Не менее важно успешное лоббирование руководством предприятия интересов города на региональном уровне, что позволяет многие проблемы решать, а не откладывать в долгий ящик.

В двух других городах уход градообразующих предприятий из локального политического пространства привел к формированию иной конфигурации властных акторов. В обоих городах центрами власти и влияния стали руководители муниципальных образований. Благодаря реформе власти и созданию городских округов обе территории снизили конфликтный потенциал и получили больше возможностей для реализации проектов городского развития. В обоих городах у му-

ниципальных элит, объединившихся вокруг глав городов, фактически не осталось оппонентов. Хотя главы обоих городов отчасти недовольны безразличием компаний к городским процессам, все же нельзя не признать: теперь у них влияния на городские процессы стало больше, чем это было 8–10 лет назад.

Как это сказалось на эффективности управления? Единство локального политического класса и наличие в руках команд глав городов достаточных властных ресурсов и возможностей реализовать свои управленческие цели, с одной стороны, создает потенциал эффективного управления территорией. С другой стороны, отсутствие политической конкуренции может стать фактором, тормозящим развитие городского округа. Одним из последствий снижения политической конкуренции стало фактическое превращение местной легислатуры в L в полудекоративный орган без серьезных дискуссий и влияния на принятие стратегических решений.

Однако в обоих городах руководство в целом справляется со своими обязанностями, о чем свидетельствуют не только достаточно высокие места в конкурсе муниципальных образований края, но и в целом положительные оценки деятельности местных властей представителями локальной и региональной элит.

Отсюда вывод: даже при отсутствии серьезной поддержки руководства муниципальных образований со стороны градообразующих предприятий город может сравнительно успешно решать проблемы. Однако, как показывает пример G, эффективное взаимодействие властей и доминирующего экономического актора может существенно улучшить ситуацию. Но даже в городе G нельзя исключить опасности конфликта, дисбаланса интересов бизнеса и территории, как это ранее имело место в городе L.

Почему в разных городах обозначились разные векторы включенности градообразующих предприятий в локальный политический процесс? Решение собственников и управляющих предприятиями об участии/неучастии зависит от многих обстоятельств, прежде всего от экономического и финансового положения предприятия. Но многое, как показали три изученных нами кейса, определяют исключительно личностные качества и стратегические установки директорского корпуса. Поэтому вариативность участия градообразующих предприятий в локальной политике, по-видимому, сохранится, как сохранится и необходимость его изучения.

Литература

Борисова Н. Пермь: локальный режим в крупном российском городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 92–102.

Витковская Т., Рябова О. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УРО РАН, 2011. 284 с.

Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 53–62.

Красильщиков Г., Троицкая Е. Динамика межэлитных взаимоотношений на локальном уровне (на примере аграрного муниципального района Пермского края) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10, № 2. С. 19–34.

Ледяев В. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ГУ-ВШЭ, 2012. 472 с.

Малый В., Гусев В. Влияние политического и экологического акторов на социальный механизм современного моногорода // Вестник Томского университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2014. Вып. 25, № 1. С. 56–66.

Панов П. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. 2008. № 3. С. 9–31.

Панов П. Городские думы малых и средних городов Свердловской области: потенциал автономии в отношениях с главой города // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 3. С. 95–107.

Пустовойт Ю. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 46. С. 85–106.

Пустовойт Ю. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. 2019 (а). № 4. С. 104–118.

Пустовойт Ю. «Контрэлита»: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе // Власть и элиты. 2019 (б). Т. 6. С. 48–70.

Сельцер Д. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // Pro Nunc. 2017. № 2. (18). С. 27–32.

Подвицнев О. (ред.). Такая разная Россия. Политические процессы и местные сообщества в малых городах. Пермь: Типография купца Тарасова, 2007. 182 с.

Тев Д. Моногорода: бассейн рекрутирования глав администраций и специфика структуры власти // Управленческое консультирование. 2012. № 3. С. 74–83.

Тыканова Е., Хохлова А. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 2. С. 241–256.

Филиппова Е., Рябова О. Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2018. № 4. С. 81–86.

Чирикова А. Социальная политика в монопрофильном городе: корпорация и власть // Социальная политика бизнеса в российских регионах / под ред. Н.Ю. Лапиной. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 134–178.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде // Власть и элиты / отв. ред. А. Дука. Т. 3. СПб.: Интерсоцис, 2016. С. 206–234.

Чирикова А., Ледяев В. Власть в малом российском городе. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 414 с.

Шкель С. Рекрутирование локальных элит в условиях субнационального авторитаризма: опыт Республики Башкортостан // Политическая наука. 2017. № 4. С. 137–160.

Шкель С. Почему депутаты не бунтуют: политический потенциал ассамблей в малых городах республики Башкортостан // Ars Administrandi. 2018. Т. 10, № 4. С. 667–686.

Harding A. The history of community power // Theories of Urban Politics. Second edition / ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. L.: Sage, 2009. P. 27–39.

Ledyayev V., Chirikova A. Governors and Local Elites in Russia: Patterns of Interaction // European Politics and Society. 2019. Vol. 20, № 3. P. 315–332.

Источники

В перечень моногородов добавили 7 новых территорий // Фонд развития моногородов. 19.08.2019. URL: http://моногорода.рф/news/v_perechen_monogorodov_dobavleny_7_novykh_territoriy (дата обращения: 05.10.2020).

MONOTOWNS OF THE MIDDLE URALS: POWER, LEADERSHIP, EFFICIENCY

A. Chirikova^a, V. Ledyayev^{b1}, O. Ryabova^c

^a*Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences*

Moscow, Russia

^b*National Research University “Higher School of Economics”*

Moscow, Russia

^c*Perm’ Federal Research Center, Ural Branch*

of the Russian Academy of Sciences

Perm’, Russia

Citation: Chirikova A., Ledyayev V., Ryabova O. Monogoroda srednego Urala: vlast’, liderstvo, effektivnost’ [Monotowns of the middle urals: power, leadership, efficiency]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 123–162. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.5>

Abstract. *The article presents the outcomes of empirical research conducted in 3 small Russian towns in the Perm, Ivanovo and Tambov regions in 2011–2015 and 2019–2020. The basic material was obtained in the course of 57 in-depth face-to-face interviews with the local political and economic leaders, regional officials and experts. The aim of the study was to explain the nature of the interaction between town-forming enterprises and municipal authorities, characterize the leaders of local communities and assess the effectiveness of local government. The study shows different patterns of interaction between local authorities and the town-forming enterprises. In two towns (Y and L) the role of town-forming enterprises in local politics decreased, in one (G) it increased. In Y the decline in the role of a town-forming enterprise was due to a decrease in the economic potential of the plant and the refusal of the enterprise owners to actively participate in urban politics. After merging the town and district structures of municipal authority, serious tensions that had taken place in the local elites disappeared. As a result, a new power structure was formed in the local community. Earlier in the urban political space there were three approximately equal centers of power represented by the leaderships of the town, district and town-forming enterprise. Now there is no serious political competition in the local community; a relatively homogeneous local elite has formed, the core of which constitutes*

¹ Corresponding author. E-mail: valeri_ledyayev@mail.ru.

a single team. In many ways, a similar situation has developed in L. The decrease in the participation of the town-forming enterprises (there are two town-forming enterprises in L) is negatively perceived by the local government officials. As a result of the withdrawal of enterprises from the urban political field, there is currently no serious political competition in the town and a relatively homogeneous local elite was formed. The head of the town is the leader of the urban community, his leadership qualities are highly appreciated by the local elite, and the local government is quite effective. In G in the last decade cooperation of the town-forming enterprise and the local authorities has significantly increased. The company's involvement in the town's affairs, resource assistance and stable relationships with the local and regional administrations have contributed to the sustainable development of the town. Now the town is one of the three most successful small towns in Perm region. Our respondents assessed the effectiveness of local government as quite high. The head of the town is the leader of the local community, who has managed to form a highly motivated team and establish partnerships with all influential figures in the local political space.

Keywords: power, mono-town, town-forming enterprises, urban politics, head of the town.

References

- Borisova N. Perm: lokal'nyy rezhim v krupnom rossiyskom gorode [Perm: local regimes in the big Russian city]. *Neprikosnovenniy zapas* [Reserve Stock], 2010, 2, pp. 92–102. (In Russian)
- Chirikova A. Sotsial'naya politika v monoprofil'nom gorode: korporatsiya i vlast' [Social policy in a mono-industrial company town: corporation and power]. *Sotsial'naya politika biznesa v rossiyskikh regionakh* [Social Policy of Business in Russian Regions]. Ed. by N.Yu. Lapina. Moscow: INION RAN, 2005, pp. 134–178. (In Russian)
- Chirikova A., Ledyayev V. Vlast' v monogorode [Power in a mono-industrial company town]. *Vlast' i eliti* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka. Vol. 3. St. Petersburg: Intersotsis, 2016, pp. 206–234. (In Russian)
- Chirikova A., Ledyayev V. *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in the small Russian town]. Moscow: NIU VSHE, 2017. 414 p. (In Russian)
- Gel'man V. Vlast', upravliniye i lokal'niye rezhimi v Rossii [Power, government and local regimes in Russia]. *Neprikosnovenniy zapas* [Reserve Stock], 2010, 2, pp. 53–62. (In Russian)
- Filippova E., Riaboba O. Gradoobrazu'schiye predpriyatiya v politicheskom prostranstve promishlennikh gorodov Urala: variativnost' vkluchennosti [Town-forming enterprises in the political space of industrial cities of the Urals: variability of inclusion]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra* [Bulletin of Perm University], 2018, 4, pp. 81–86. (In Russian)

Harding A. The history of community power. *Theories of Urban Politics*. Second edition. Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage, 2009, pp. 27–39.

Krasilschikov G., Troitskaya E. Dinamika mezhelitnikh vzaimootnosheniy na lokal'nom urovne (na primere agrarnogo munitsipal'nogo rayona Permskogo kraya) [Dynamics of inter-elite relations at the local level (the case of the agrarian municipal district of Perm Territory)]. *Ars Administrandi* 2018, 10 (2), pp. 19–34. (In Russian)

Ledyaev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opit empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: Theory and experience of empirical study of power in urban communities]. Moscow: GU-VSHE, 2012. 472 p. (In Russian)

Ledyaev V., Chirikova A. Governors and Local Elites in Russia: Patterns of Interaction. *European Politics and Society*, 2019, 20 (3), pp. 315–332.

Maliy V., Gusev B. Vliyaniye politicheskogo i ekologicheskogo aktorov na sotsial'nyy mekhanizm sovremennogo monogoroda [Influence of political and ecological actors on the social mechanism of modern mono-industrial company town]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk University: Philosophy. Sociology. Political Science], 2014, 25 (1), pp. 56–66. (In Russian)

Panov P. Lokal'naya politika v raznikh izmereniyakh [Local politics in different dimensions]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2008, 3, pp. 9–31. (In Russian)

Panov P. Gorodskiy dumi malikh i srednikh gorodov Sverdlovskoy oblasti: potential avtonomii v otnosheniyakh s glavoy goroda [Town councils of small and medium-sized towns of the Sverdlovsk region: the potential of autonomy in relations with the head of the town]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra* [Bulletin of Perm Federal Scientific Research Center], 2019, 3, pp. 95–107. (In Russian)

Pustovoit Yu. Gorodskiy politicheskiy regimi: koordinatsiya vnutrielitnogo vzaimodeistviya v krupnikh industrial'nykh gorodakh [Urban political regimes: coordination of intra-elite interaction in large industrial cities]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Government. Electronic Bulletin], 2014, 46 (4), pp. 85–106. (In Russian)

Pustovoit Yu. Kak sozdaetsia rezhim: vlastniye koalitsii v sibirskikh gorodakh [How the regime is formed: power coalitions in siberian towns]. *Polis*, 2019(a), 4, pp. 104–118. (In Russian)

Pustovoit Yu. “Kontrolita”: mestnaya vlast' i yeye opponenti v sibirskom megapolise [“Contr-elite”: local authorities and its opponents in Siberian towns]. *Vlast' i eliti* [Power and Elites], 2019(b), 6, pp. 48–70. (In Russian)

Podvintsev O. (ed.). *Takaya raznaya Rossiya. Politicheskiye protsessy i mestniye soobshchestva v malikh gorodakh* [Such a different Russia. Political processes and local communities in small towns]. Perm': Tipografia kuptsa Tarasova, 2007. 182 p. (In Russian)

Seltser D. Rekrutirovaniye lokal'noy administrativnoy eliti Rossii: iskhodniye danniyе dlia postroeniya sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruiting of the local

administrative elite of Russia: initial data for building a system-dynamic model]. *Pro Nunc*, 2017, 2 (18), pp. 27–32. (In Russian)

Shkel' S. Rekrutirovaniye lokal'nikh elit v usloviyakh subnatsional'nogo avtoritarizma: opit respubliki Bashkortostan [Recruiting local elites in the context of subnational authoritarianism: the experience of the Republic of Bashkortostan]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2017, 4, pp. 137–160. (In Russian)

Shkel' S. Pochemu deputati ne buntuyut: politicheskiy potentsial assambley v malikh gorodakh respubliki Bashkortostan [Why deputies do not rebel: political potential of assemblies in small town in the Republic of Bashkortostan]. [Ars Administrandi], 2018, 10 (4), pp. 667–686. (In Russian)

Tev D. Monogoroda: bassein rekrutirovaniya glav administratsiy i spetsifika structuri vlasti [Mono-industrial company towns: the recruitment pool for the heads of administrations and the specifics of the power structure]. *Upravlencheskiye konsultirovaniye* [Administrative Consultation], 2012, 3, pp. 74–83. (In Russian)

Tikhanova E., Khokhlova A. Gorodskoy politicheskiy rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nikh i voobrazhaemikh “mashin rosta” v bor'be za gorodskoye prostranstvo [Urban political regime in St. Petersburg: the role of real and imaginary “growth machines” in the struggle for urban space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2015, 13 (2), pp. 241–256. (In Russian)

Vitkovskaya T., Riabova O. *Monogoroda Srednego urala: lokalniye eliti i poliyicheskiye protsessi* [Mono-industrial company towns of the middle Urals: local elites and political practices]. Ekaterinburg: RIO URO RAN, 2011. 284 p. (In Russian)

«БУМЕРЫ» И «МИЛЛЕНИАЛЫ» В ЗЕРКАЛЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ¹

Ю.А. Пустовойт

(pustovoit1963@gmail.com)

*Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
Новосибирск, Россия*

Цитирование: Пустовойт Ю.А. «Бумеры» и «миллениалы» в зеркале мобилизационной повестки сибирских городов // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 163–182.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.6>

Аннотация. *Рассматривается авторское видение процесса смены политических поколений. Основываясь на теоретических положениях К. Мангейма и В. Радаева, автор приводит категориальный аппарат и первые результаты исследования, направленного на проверку гипотезы о существовании межпоколенного «разлома». На основе сравнения хода избирательной кампании, способов и форм продвижения своих идей и высказываний кандидатов в депутаты горсовета в г. Новосибирске, представляющих различные партии и объединения, делается предварительный вывод о росте влияния поколенческой составляющей на электоральные процессы. «Миллениалы», получившие политическую социализацию в относительно экономически благополучные годы, меньше используют идеологическую риторику, лучше работают с каналами цифровой коммуникации, точнее артикулируют и транслируют сильные эмоции, что в целом дает возможность эффективнее формировать новые политические сообщества и объединения.*

Ключевые слова: *поколения, «бумеры», «миллениалы», города, мобилизационная повестка, городской режим, идентичность, Сибирь.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Интернет как комсомол. “Бумеры” и “миллениалы”: особенности конструирования, обсуждения и реализации мобилизационной повестки (опыт сравнительного анализа формирования политической идентичности в сибирских городах)» № 20-011-31355 опн.

В последнее время проблемы взаимодействия поколений регулярно попадают в фокус внимания популярных медиа, что находит свое отражение в росте числа обсуждений психологических характеристик, социальных обязательств и перспектив (бесперспективности) работников и граждан, определяемых как «бумеры», «миллениалы», «иксы», «игрики», «зеты» и т.д. Масштабы различных высказываний и комментариев в этой области при такой динамике скоро вытеснят привычные гороскопы. Наша работа ни в коей мере не составляет конкуренцию текстам, артикулирующих идею, что год рождения и поколенческая идентификация позволяют описать и понять основы индивидуального мировоззрения, различные психоэмоциональные характеристики и вытекающие из них степени социальной и политической активности. Тем не менее есть комплекс обстоятельств, который позволяет считать исследовательские работы в поколенческом направлении перспективными. Действующая в настоящий момент элита получила привилегированные позиции в ходе сложных социально-экономических процессов 1990-х годов в относительно молодом возрасте и удерживает их до сих пор. Успехи геронтологии впечатляют, но в массовом масштабе сомнительны. Это означает, что в течение ближайших 20 лет произойдет замещение ключевых фигур в основных институтах власти. Учитывая слабость институциональных рамок и возможность проведения и официального оформления практически любой инициативы, исходящей от официальной власти, изучение персональных и групповых интересов и ценностей «новых людей», хлопочущих о своем месте в «старых мехах», приобретает некоторое прогностическое значение.

Как принадлежность к поколениям влияет на политические взгляды индивида и определяет избираемый им диапазон целей и средств в политике? Есть ли различия в нормах политического взаимодействия между политиками, чья юность пришлась на годы «застоя» и «нулевые»? Формируется ли специфическая поколенческая идентичность, более значимая для индивида, чем идеологическая, при принятии политических решений?

Этот достаточно широкий круг вопросов мы очертили в начале исследования, выбрав в качестве эмпирической базой сибирские города, которые рассматриваются нами как «естественные лаборатории». С одной стороны, происходящее здесь выступает отражением политических процессов на федеральном уровне, с другой — присутствует собственная локальная специфика, связанная со структурой экономики, уровнем

комфорта и потребления, перспективами для молодежи, властными группами и протестной активностью населения [Пустовойт 2020: 122–130]. Одним из стимулов для продолжения работы в этом направлении были некоторые наблюдения и выводы из предыдущего исследования, в частности, как показано в приведенном фрагменте, непонимания и конфликтов между молодыми и зрелыми коммунистами:

Когда мы пришли к ним разбираться... по поводу точечной застройки... они любят так посидеть, поговорить обо всем, о мировой политике, как бы о временах... Вот там на одном из мероприятий, когда наши страсти опять поднялись, один из лидеров этих товарищей, он бросил нам упрек в том, что мы сюда приходим душой отдохнуть на собрании... то есть и все для них это как клуб по интересам... это... сборы по памятным датам, просто 1 мая, обязательно 9 мая, как просто... 1... 9... 22 июня нет... ещё 3 октября 3, 4, 5... это годовщина расстрела Белого дома, а то есть это для них событие... (из интервью лидера протестного объединения одного из сибирских городов).

Близкие суждения встречались в других, иных по идеологии и организации объединениях, что заставляло нас относиться к возрастному опыту и переживаниям респондента более внимательно. В качестве общей методологии мы ориентируемся на микст из количественных и качественных подходов, что означает одновременное традиционное движение «сверху вниз» от концептов к их проверке на эмпирическом материале и подъема «снизу вверх» от эмпирических данных (интервью, бесед, письменных текстов) к теоретизированию. Этот подход, содержательно близкий к методу «обоснованной теории» [Страусс, Корбин 2001], требует не только регулярного и одновременного сбора и анализа данных, но и их поэтапного обсуждения в рабочих группах и семинарах.

Рассмотрим концептуальные основания нашей работы, определим основные понятия и в предложенной оптике проведем анализ данных о ходе и результатах избирательной кампании в городе Новосибирске летом и осенью 2020 г. Выбор Новосибирска обусловлен тем, что здесь, как и в соседнем Томске, несистемная оппозиция, организационным ядром которой выступали местные штабы Навального, добилась на выборах 13 сентября существенных успехов. Кроме побед кандидатов, еще на шести участках разрыв оказался менее 300 голосов. В Томске «Умное голосование» принесло победу 19 кандидатам из 27 [Выборы в Сибире...]. В настоящий момент результаты голосований в горсоветах по актуальным городским проблемам подтверждают верность оппозиционных избранников данным избирателям обещаниям.

Цель исследования — на основе сравнения проверить гипотезу о существовании межпоколенного «разлома», выраженного в отсутствии общей мобилизационной повестки (набора актуальных проблем, ценностей, целей, норм и ресурсов) в поколениях «бумеров» и «миллениалов». Советские и постсоветские условия политической социализации определили различающиеся между собой типы политической идентичности, что находит отражение в несовпадающих политических дискурсах и каналах коммуникации. Считаем, что прежде всего эти «расколы» начнут проявляться в ходе и в результатах избирательных кампаний, дающих возможность различным группам и объединениям предлагать собственные наборы актуальных проблем и способы их разрешения электорату.

Ядром исследования выступают три концепта: поколение, электоральная повестка и политическая идентичность. Приоритет введения понятия «поколение» принадлежит К. Мангейму, определяющему этот социальный феномен через категорию «местоположения», сопоставимого с классовым положением, что означает отличие от привычного отождествления с членством в группе или организации и «объективность» этого факта вне зависимости от признания такого статуса самим индивидом. «По-настоящему войти в группу — это значит нечто большее, нежели просто разделять характерные для нее взгляды, ибо, кроме того, подразумевается способность смотреть на вещи под тем же углом зрения, наделять понятия особенными для этой группы смысловыми нюансами, испытывать психологические и интеллектуальные импульсы в характерной для этой группы конфигурации... Просто общее “местоположение” в поколении важно всего-навсего в потенции, поколение же как реальность составляется, когда сходным образом “расположенные” современники разделяют общую судьбу, а также идеи и концепции, которые каким-то образом с ней связаны» [Мангейм 1998: 40–41].

Отмечается важность общих переживаний событий, значение опыта, полученного в молодости, и особые способы восприятия и поведенческие практики, отличающие одно поколение от других. «Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она — потенция, готовая к любому начинанию... С моей точки зрения, это позиция аутсайдера — гораздо более важный фактор, определяющий открытость и склонность к изменениям, чем биологическое созревание... она совпадает с позицией других групп и индивидов, по другим причинам оказавшихся на краю общества, таких как угнетенные классы, люди свободных профессий — поэты, артисты и т.д. Эта позиция аутсайдера

представляет собой, конечно, лишь возможность, которую правящие круги могут либо подавить, либо мобилизовать и интегрировать в движение» [Мангейм 1994: 445–446].

Разумеется, близость переживаний автоматически не ведет к одинаковому поведению, так же как принадлежность к одному социальному классу полностью не определяет мировоззрение (здесь уместно вспомнить идею П. Бурдьё о габитусе как чувстве места), тем не менее концептуальные идеи, высказанные К. Мангеймом, получили свое развитие. Остановимся на выводах В. Радаева, подход которого взят нами за основу. Он считает, «что в 2000-е годы мы пережили социальный перелом, последствия которого будем ощущать долгие годы. В отличие от 1990-х годов, этот перелом в России не связан непосредственно с радикальными политическими или экономическими преобразованиями, напротив, он происходил в отсутствие серьезных реформ, в период стабилизации и был вызван скорее сменой поколений — приходом более молодых людей с другими поведенческими практиками и способами восприятия происходящих событий» [Радаев 2020: 29]. Этот переход не столько привычный конфликт «отцы и дети», сколько разрыв коммуникаций между старшими и младшими, отсутствие самого повода для дискуссии, означающие жизнь в параллельных мирах [Радаев 2020: 180].

Из выделенных приведенных автором пяти поколений нас больше всего интересует последнее советское «поколение застоя» (года рождения 1947–1967, года взросления 1964–1984), которое в западной литературе определяется как поколение «беби-бумеров» (Straus, Howe, Brosdahl, Carpenter) и российское поколение «миллениалов» (иногда называемое еще поколением Y), родившихся в 1982–2000 гг. и социализирующихся в относительно благополучный период 2000–2016 гг. [Радаев 2020: 49]. Итак, под поколением мы понимаем людей близкого возраста (обычно границы здесь расплывчатые, но, как правило, общий диапазон 15–20 лет), обладающих сходными комплексами установок (габитусами) в силу проживания одних и тех же исторических событий в период взросления (18–35 лет). Концепт поколения не заменяет привычные социологические категории, связанные с классовой позицией, образованием, этнической принадлежностью, но обладает хорошей эвристической перспективой при интерпретации и объяснении конкурентных преимуществ тех или иных социальных групп в ходе социальных изменений.

Следующим понятием нашего исследования выступает «мобилизационная повестка» — комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащий аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью установление контроля политического сообщества над значимыми ресурсами (бюджетом, назначениями, доступом к СМИ). Содержательно мобилизационная повестка включает в себя перечень проблем, оценки, способы и ресурсы для их разрешения, аргументацию (логическую, пафосную и этическую). Она служит одновременно стимулом и своеобразной картой действия для индивидов, групп и объединений. Здесь мы опираемся на хорошо известный комплекс теорий, связанный с именами М. Макоббса и Д. Шоу (agenda-setting theory), и выводами, сделанными на основе этих работ, ставящими в фокус внимания соотношения политической и медиаповесток, личных и групповых приоритетов. Результаты российских исследований, работающих с этим теоретическим аппаратом, в целом совпадают с основными выводами американских ученых, повестка дня не является сознательным волевым актом, она возникает на пересечении усилий различных СМИ, государства, групп интересов и подвержена ситуационным воздействиям.

Медиаэффекты построены не столько на убеждении и переубеждении, сколько на привлечении внимания к той или иной области проблем, определяя «не что думать, а о чем думать» [Дьякова 2003: 117]. Понятие «мобилизационная повестка» содержательно уже, чем «политическая повестка», понимаемая вслед за К. Стоуном как программа действий ключевых акторов, держателей основных ресурсов, набор их скоординированных целей и ценностей и результат долгосрочных неформальных договоренностей по поводу решения актуальных проблем [Ледяев, 2012: 73–83]. Политическая повестка представляет собой определенный итог политической борьбы и означает относительно стабильный комплекс норм, на основе которых формируется состав властной коалиции и проводимый ею политический курс (policy), а мобилизационная — относится к сфере политической борьбы, завоевания и удержания власти (politis).

Понятие «мобилизации» заимствовано из работы Ч. Тилли, который рассматривает ее как процесс получения группового контроля над ресурсами, необходимыми для действия (рабочей силой, товарами, голосами). Это один из основных компонентов коллективного, что означает, что получаемые ресурсы используются для реализации общих

интересов и не находятся под индивидуальным контролем. «Анализ мобилизации сосредоточен на способах, которыми группа получает ресурсы и делает их доступными для коллективных действий» [Тилли 2019: 21]. С одной стороны, голоса избирателей на выборах означают для кандидата получение депутатского статуса, расширение его персональных возможностей, с другой — его победа является итогом коллективных усилий и ответственности перед различными группами и объединениями, что и делает его агентом коллективного действия. Первым шагом мобилизации становится артикуляция именно тех проблем, которые наибольший круг избирателей узнает как свои, оценивая их своевременность и приемлемость применяемых способов решения. В условиях полиэтничности, классовой неопределенности, невозможности донесения сложных идей до среднеобразованной аудитории улавливание и реконструкция проблем поколения, высказанных его языком и через привычные каналы коммуникации, гипотетически даст необходимый мобилизационный эффект и станет основой не только разового голосования, но и, возможно, политического сообщества с присущей ему степенью политической идентичности.

Последняя понимается нами вслед за Дж. Голдстоуном как чувство привязанности и преданности группе, основанное на совместных эмоциях, ожиданиях благ и отношений с другими участниками, прежде всего с государством, способным объявить сообщество врагом [Голдстоун 2006: 74–76]. Совместные переживания и эмоции служат для нас ключом к пониманию процессов конструирования идентичности. Для их описания и реконструкции мы опираемся на идеи и подходы Арли Рассел Хокшилд. В своих работах она синтезирует органические и интеракционные традиции (Дарвина, Фрейда и Гофмана) и выводит из них постулат, согласно которому наличие биологического чувства («непроницаемого ядра») связано с групповыми правилами и ожиданиями других. Гнев, считает Хокшилд, — это три фокуса внимания: первичный («Ты меня ударил»), вторичный («есть расхождение между “хочу” и “есть”» — фрустрация) и последующее отношение между мною и казуальным агентом («Я сильнее и могу сам напасть»). Назвать чувство означает назвать объект фокусировки на чем-то происходящем во внутреннем и внешнем мире человека. Любить — это значит сосредоточить внимание на тех желаемых качествах человека или вещи, которыми он обладает, и подчеркнуть близость социальной дистанции.

Сложносоставные эмоции — это серийные восприятия, названия которых соответствуют пять категорий перцептивного фокуса: (1) то,

что я хочу, (2) то состояние, в котором я сейчас нахожусь, (3) то, что я одобряю или не одобряю, (4) предполагаемый казуальный агент, (5) мое отношение к этому казуальному агенту. Каждая эмоция имеет две основные точки фокуса и иногда периферийный фокус [Хокшилд 2020: 338–340]. Таким образом, опираясь на положения американского социолога, мы можем на основе высказываний и печатных и видеоматериалов участников избирательных кампаний выделить (обозначить) доминирующую эмоцию, что в комплексе с артикулированными интересами и «образом врага» даст нам представления о формируемых на этой основе сообществах.

Рассмотрим в предложенной оптике электоральную повестку основных участников избирательной кампании в горсовет Новосибирска в 2020 г. Новосибирск представляет собой сравнительно благополучный сибирский город с населением более 1,5 млн человек, без явно выраженной промышленной составляющей, с развитым постиндустриальным сектором и достаточно приличным уровнем ВВП. В избранном в 2015 г. Совете депутатов 33 человека входили в депутатское объединение «Единая Россия», 12 — КПРФ, 2 — ЛДПР, 1 — «Справедливая Россия», 2 — самовыдвиженцы. В 2020 г. в результате голосования «Единая Россия» провела 23 кандидатуры (из 47 выдвинутых), КПРФ — 8 (из 35), ЛДПР — 5 (из 47), «Коалиция Новосибирск 2020» — 4 депутата (из 31). Поддержка коалиции через проект «Умное голосование» обеспечил победу 14 кандидатам. В среднем явка была невысокой, около 20 %. «Коалиция Новосибирск 2020» была организована несистемными оппозиционными политиками различных идеологических взглядов г. Новосибирска вокруг штаба Навального [Смотришь на город и бесишься... 2020].

Победа, по нашим наблюдениям, представляет собой «ожидаемую неожиданность» и интересна именно тем, что ее участники, ориентированные на различные по ценностным ориентациям, жизненному опыту, персональным возможностям и способностям ценности, смогли объединиться, согласовать свои интересы и добиться определенного результата. Предполагаем, что именно поколенческая идентичность, «миллиальность», сыграла в этом случае определяющую роль. Это не значит, что за них голосовали представители только их поколений, напротив, состав голосовавших был, по нашим наблюдениям, скорее традиционный — люди более старшего возраста. Привлечь молодежь на избирательные участки не удалось. Скорее получилось немного

сместить фокус электорально-активной аудитории так, что число их сторонников расширилось и пришедшие голосовали за них, а противников, напротив, уменьшилось: их аудитория проигнорировала выборы. Итоги выборов показывают, что последнее советское поколение исчезает из городской политики. Из победителей всего 5 «бумеров» (выдвинуто кандидатами 40), из них 4 — «ЕР», 1 — «Родина». Поколение реформ, первое российское поколение — 106 кандидатов, прошло 25 человек, из них 16 — «ЕР», 4 — ЛДПР, 2 — КПРФ, 3 — «Коалиция 2020» и ее союзники. Поколение «миллениалов», выдвинувшее сопоставимое число кандидатов (109), представлено в горсовете 20 депутатами («ЕР» — 7, КПРФ — 6, ЛДПР — 1, коалиция — 5).

В силу эпидемиологической ситуации уличная работа велась кандидатами минимально. Для анализа электоральной активности мы пользовались двумя сервисами — Google Trends и IQBuzz. Первый позволил нам сопоставлять и сравнивать число запросов по поисковым фразам, что косвенно показывает интерес к темам, людям и сообщениям, второй — сервис мониторинга социальных медиа и онлайн СМИ — дает возможность не только определять количество сообщений, но и автоматически подсчитывать негативные и позитивные оценки, сравнивать их между собой по охвату, «лайкам», перепостам.

«Коалиция Новосибирск 2020» с 16 июля по 16 октября имела 11 пиков популярности (около 50 условных единиц от максимального принимаемого 100) и три пика (около 100) условных единиц 4, 10 и 13 сентября — в день голосования. Для сравнения, за этот период КПРФ — 5 пиков (50 единиц), 13 сентября — 64 единицы и 24 сентября — 88 единиц (выступление А. Локтя), «Единая Россия» — один пик 12 августа (50 единиц), ЛДПР — 5 пиков в сентябре (около 50 единиц). Таким образом мы видим, что интерес к «Коалиции 2020» поддерживался на протяжении всего периода избирательной кампании, что, скорее всего, стало результатом регулярно создаваемых ее членами информационных поводов и тиражирования своей повестки в городских, региональных и федеральных СМИ. Если персонально посмотреть запросы в поисковой системе, то за 90 дней запрос «Сергей Бойко» — 4 пика популярности, от 75 до 95 единиц, Алексей Джулай (один из лидеров «ЕР», герой расследования А. Навального, вышедшего 31 августа) — 4 пика (от 77 до 100), нет поисковой активности в отношении Рената Сулейманова и Евгения Лебедева (популярных кандидатов от КПРФ и ЛДПР). Отраженная в интернет-среде активность кандидатов здесь

выступает определенным маркером интереса к их повестке в наиболее «цифровизированной» аудитории. Число запросов и обсуждений показывает, насколько провозглашаемые ими идеи созвучны взглядам самых разных социальных, возрастных и этнических групп, часть из которых принимает участие в поиске информации и обсуждении политических персон и объединений.

Сервис IQBuzz дает возможность просмотреть более сложную картину оценок и комментариев не только в официальных СМИ, но и в социальных сетях. Рассмотрим один из самых интересных в нашем случае кейсов — противостояние между лидером «Коалиции 2020» Сергеем Бойко (руководителем штаба Навального) и вице-спикером горсовета Ренатом Сулеймановым (КПРФ). Оно закончилось победой первого 13 сентября с перевесом 4 %. За последние 30 дней (дата сбора информации — 14 октября) запрос «Сергей Бойко» (учтем, что в поисковик в качестве ключевых слов входили также понятия «Умное голосование», «Навальный» и т. д.) более 5000 сообщений (лимит сервиса 5000), из которых система определила 495 негативных, 22 нейтральных и 699 позитивных. Наибольшее количество контрастных оценок (позитивных и негативных) дает мужская аудитория в возрасте от 26 до 35 лет, вторая по объему включает авторов от 35 до 45, на ресурсах «ВК» и «Одноклассники». Пики дискуссий приходятся на дни голосования. «Ренат Сулейманов» (и сопутствующий набор ключевых слов) набрал около 2500 упоминаний с небольшим количеством и негатива, и позитива (1–2). Здесь в основном нейтральные оценки, преимущественно мужские (69 %), и в тех же самых возрастных категориях в сети «ВК». В целом анализ частоты упоминаний по обоим сервисам еще раз подтверждает, что для победы кандидата канал и частота обращений имеют определяющее значение, быть в фокусе внимания важнее, чем обладать опытом и репутацией, частота появления и выступления на разных площадках позволяют увеличить шансы на успех даже в достаточно стабильных электоральных округах.

Перейдем к содержанию материалов и рассмотрим «Меморандум коалиции» [Коалиция Новосибирск 2020... 2020]. Документ расположен на сайте коалиции рядом с программой коалиции (9 пунктов, изложенных как проблема — причина — решение, по содержанию: от бесплатного общественного транспорта до прозрачности в финансировании сферы образования) и обязательствами членов коалиции (здесь рассмотрены вопросы этики построения отношений между членами коа-

лиции, мэрией и горожанами). Меморандум содержит две страницы текста, 13 абзацев и заканчивается призывом к объединению и изменению жизни Новосибирска к лучшему. Главная проблема ставится как политическая — альянс «Единой России» и КПРФ, и из заключения этого союза выводятся все остальные беды и невзгоды города: произвол в застройке, неэффективность управления, что приведет к превращению Новосибирска в провинциальную дыру. В качестве средства решения проблем предлагается усиление позиций горсовета, за что должны проголосовать неравнодушные, обманутые и честные жители. В рамках аристотелевской структуры аргументации мы определим ее как «пафосную», что можно подтвердить количеством эмоциональных и оценочных суждений, отражающих чувства: угрозы и обещания (печальный символ, незавидная судьба, безвольный орган и т.д.). Эмоциональная выразительность — гнев, фокус внимания сосредоточен на расхождении между желаемым и имеющимся, причем внимание сконцентрировано на причине, на «другом» (противнике), который оценивается как источник неудовлетворенности и обозначается в системе отношений скорее как «враг», с которым необходимо вступить в конфликт. Здесь и далее описание эмоций соответствует таблицам, приведенным в работе А. Хокшилд [Хокшилд 2020: 351].

КПРФ («Десять шагов достойной жизни», «Новосибирску — динамичное развитие»). Кандидаты от партии в своих выступлениях и обращениях делали акцент на трех составляющих программы: рост числа, благосостояния жителей, промышленности и социальной поддержки в г. Новосибирске, ставшие возможными благодаря А. Локтю, мэру-коммунисту; борьба с системным кризисом капитализма, порожденно-го либеральным курсом и его последствиями: гибелью медицины, села и транспорта; обещания направить усилия на развитие культуры, физкультуры и села. Организационно КПРФ на этих выборах создала «Единый фронт левых и патриотических сил», в который вошли руководители различных ветеранских объединений. Как правило, информационные материалы КПРФ распространяются в печатном виде. Интернет-ресурсы и социальные сети использовали только молодые коммунисты — кандидаты в депутаты. Газеты и листовки традиционно выдержаны в черно-красных тонах. Здесь тот же гнев, но одновременно присутствует и утрата («я до сих пор люблю то, что было и чего нет»), и тревога («мне не нравится то, что есть, я хочу исправить, но не могу»), страх («я вижу источник угрозы»). Суждения построены

не как комплекс предложений по решению проблемы, а как калейдоскоп уничтожающих оценок. Например, в отношении себя: «партия, выражающая интересы всего народа», «на деле выступающая против повышения пенсионного возраста», «активная борьба с “ЕР” на парламентских баррикадах», «оружие, избиения, зачистки — КПРФ не боится». В отношении политических противников: «“ЕР” — партия исчезающей власти», «партии-обманки» («За правду»), «политико-коммерческие проекты» (ЛДПР), «приверженцы либерального майдана» (штаб Навального). В целом стиль изложения и лексика напоминают боевой листок советских времен [За народную власть... 2020].

ЛДПР («Программа ЛДПР. Совет депутатов г. Новосибирска — 2020»). Программа ЛДПР состоит из пяти пунктов, в которых перечислены основные решения по благоустройству города, бюджету, инфраструктуре, развитию частного сектора, ЖКХ. Никаких эмоций и цифр. «Принятие», «ревизия», «выделение», «контроль». Нет глаголов (отличительная черта советской печати), нет проблем (видимо, подразумевается, что читающий их знает). По нашим наблюдениям, недостаток эмоций в партийной печати компенсировался личным обаянием и активностью депутатов на встречах с общественностью [ЛДПР 2020].

Мобилизационные повестки «Единой России» («Партия заботы и уважения: 7 приоритетов») представляет собой набор предложений и инициатив, поданных в формате «комфортная среда — качество жизни», «главное — человек», «эффективная экономика — благосостояние жителей», «власть — народу», «Новосибирск — локомотив развития области», «здоровье людей — высшая ценность» и «партнерство и взаимодействие». Все те же безглагольные предложения, разбавленные выверенными цитатами губернатора А. Травникова и депутата Госдумы А. Карелина: «Я считаю, что мои коллеги очень хорошо и качественно поработали. Документ получился реально рабочий. Ценность его — в семи приоритетах программы. Главный из них отражает объединяющую роль регионального отделения партии в том, что мы — действительно самая большая и сильная общественно-политическая организация. Поэтому к нам тянутся люди, общественники, активисты, руководители разных уровней. Мы стараемся поддержать все проекты и инициативы, которые направлены на улучшение жизни людей». «В этом уникальном проекте все построено на искренней заинтересованности и добрососедстве. А это шаги к дальнейшему расчетливому рассудительному сотрудничеству общества и власти, взаимодействию,

которое выходит далеко за рамки избирательных кампаний и имеет хорошие перспективы на продолжение, появление новых полезных для общества проектов и инициатив» [Семь приоритетов развития... 2020]. Доминирующая эмоция — любовь, симпатия (в таблицах А. Хохшильд этим словом описывается слияние «хочу» и «имею») в мобилизационных текстах для широкой аудитории, проблем вообще нет, есть некие хорошие сильные люди, которые сделают уже неплохую жизнь еще лучше. Аргументация пафосная.

Во время конфликта любовь исчезает. Как исследователям нам повезло, так как борьба поколений и программ получила свое эмпирическое подтверждение. На этих выборах при подсчете итогов голосования по 35 округу, где еще утром выигрывал Вячеслав Якименко (2001 г.р., студент, Коалиция Новосибирск 2020), уже днем обнаружилось, что, после того как были подсчитаны голоса прикрепленных курсантов института Нацгвардии, победил депутат «ЕР» Евгений Яковенко (1969 г.р., герой расследования А. Навального, зам председателя горсовета, ветеран). Здесь не так интересен сам случай пересчета (хотя, заметим, подобная манипуляция с голосами вскрыта и получила огласку в Новосибирске впервые), как способы его разрешения. Обращение вице-мэра, размещенное на его странице в «ВКонтакте» в отношении политических оппонентов, содержало следующие эпитеты, характеристики и призывы: «представители пятой колонны», «обилие иностранных журналистов (кружили, собирали, коверкали информацию)», «этот оппортунист Бойко — изменник Родины», «сохранить целостность нашего государства, Сибири-матушки» [Евгений Яковенко: в горсовет пробрались оппортунист и пятая колонна... 2020]. Новое поколение отвечало на это судом, статьями в прессе, одиночными пикетами. Несмотря на то что серьезные сомнения и по персоне, и бизнесу победителя, и по итогам голосования остались, молодость проиграла [Связи с ОПС, рынки и спрут... 2020].

Подведем итоги исследования. Удалось ли нам обнаружить различия в нормах политического взаимодействия между политиками — «миллениалами» и «бумерами» и если они есть, то как можно их объяснить, как эти различия будут определять последующий политический дизайн и каковы дальнейшие перспективы исследования в выбранной нами области проблем. Да, на наш взгляд, даже на достаточно ограниченном материале можно увидеть некоторые закономерности, которые в оптике теории поколений позволят в перспективе выделять основные тенденции современного политического процесса.

Новое политическое поколение «миллениалов» в крупном сибирском городе активно стремится участвовать в политике. Именно из них состоят штабы большинства оппозиционных партий и объединений. Число кандидатов молодого возраста, зарегистрированных на этих выборах по всем спискам, на четверть выше, чем близкого, но более старшего поколения реформ. Они не особенно стремятся соотнести свою позицию с какими-то идеологическими догматами или указаниями партийного руководства и часто проявляют самостоятельность, вступая во внутрипартийные конфликты, особенно когда дело касается заключения каких-либо тактических и стратегических союзов, организации митингов и протестов. Мобилизационная повестка представляет собой сочетание общефедеральных и местных проблем. На этих выборах «Коалиции 2020» и ее союзникам удалось связать общефедеральную антиэлитарную повестку (коррупция, несправедливость и как их последствия бедность населения) и специфические городские проблемы: транспорт, пыль и грязь. Это ослабило позиции КПРФ, так как, с одной стороны, программные документы партии требовали оппозиционности, с другой — ответственность за состояние города ложилась уже на нее. При наличии мэра-коммуниста сложно отрицать договоренности с ключевыми политическими и экономическими субъектами — политическими оппонентами. Отметим, что молодые коммунисты («миллениалы») сумели добиться большего успеха. Значимым элементом объединения и консолидации на этих выборах был комплекс тем, построенных вокруг понятий «честность» и «справедливость».

Гнев и пафос преобладают в мобилизационной повестке «миллениалов». По нашим наблюдениям и интервью, у молодых политиков практически отсутствует страх. Представители старших возрастных групп больше внимания и времени уделяют опасностям и проблемам, связанным с властью чиновников-силовики, алчностью и не-контролируемостью бизнесменов, ужасам национализма (почему-то в качестве эталона последнего выступает Украина, и фраза «я не хочу как...» регулярно повторяется в «бумерских» интервью). Ими сравнительно меньше в дискуссиях используется «образ врага» с соответствующим набором ярлыков. «Миллениалы» чаще озвучивают этические проблемы взаимодействия с людьми, не разделяющими их политических взглядов и ценностей.

«Миллениалы» отлично взаимодействуют с визуальной и цифровой средой. Подбор цветовых решений, операторская работа, ритм сообщений обычно у них на более высоком профессиональном уровне. Они

проводят сетевые дискуссии, размещают материалы на всех возможных платформах, органично взаимодействуют со СМИ и лидерами блогосферы, у них налажен обмен информацией и сетевые способы сбора средств. Они лучше работают с технологиями вовлечения, достаточно хорошо контролируют как символическую среду, так и митинги и улицу.

Насколько эти тенденции связаны именно с поколенческим фактором, а не со спецификой города, политической программой, типом лидерства, фигурой конкретного лидера и какая вероятность, что выделенные здесь тенденции действительно существуют, а не сконструированы автором? Вопрос остается открытым. Как и вопросы решения классовых, статусных, организационных проблем внутри одной возрастной группы. Отдельный повод для рефлексии представляет проблема, которую обозначим как «миллениумы и демократия» и на которую нет очевидного ответа. Необходимо собрать дополнительные данные, сопоставив между собой мнения представителей разных политических поколений в различных сибирских городах, относящих себя к разным идеологическим партиям и объединениям. Предложим модель объяснения политических межпоколенных различий.

Если взять за основу общий сложившийся бэкграунд поколений, то детство «бумеров» приходилось на 1950–1960-е годы, обычно в литературе означаемые как «оттепель», пропитанные, судя по солидному корпусу исторических материалов, книгам, кино и публицистике, социальным оптимизмом, вере в строительство социализма с «человеческим» лицом. Их юность конца 1960-х годов приходится на период позднего социализма, «застоя», и взаимоотношения большинства субъектов строятся на основе практик, удачно названных А. Юрчаком практиками «вне». Они означают некоторое «особое состояние субъекта по отношению к политической системе, при котором он продолжает жить *внутри системы*, но становится для нее как бы *невидимым*, оказываясь *вне* ее поля зрения. Это состояние отличается и от поддержки системы, и от сопротивления ей» (курсив автора) [Юрчак 2014: 264]. Комфортное старение советской власти обеспечивалось, с одной стороны, партийным руководством, прекратившим и пресекавшим любые идеологические споры и дискуссии в молодежной среде через контроль повестки и формального протокольного языка изложения, и МВД, убравшего излишне активную молодежь низших социальных слоев пригородов, сел и поселков в места заключения. В относительно благополучные бессобытийные 1970-е там побывал каждый пятый муж-

чина, что по некоторым подсчетам больше, чем число имеющих тюремный опыт в сталинские времена [Дерлугян 2010: 139]. В целом для большинства представителей этого поколения политическая жизнь — это скорее обязанность присутствия на комсомольских собраниях, выполнение поручений и постоянный контроль поведения со стороны старших с неизменным подходом, что «всякая инициатива наказуема». Отсюда уход в альтернативный мир спорта, клубов, книг, хобби, музыки или банального пьянства. Кто хотел, легко делал карьеру в комсомоле, профсоюзе или, став старше, в партии, для большинства политика — что-то тяжелое, важное и серьезное, от чего лучше держаться подальше.

Детство «миллениалов», напротив, принято описывать в жанре «лихих 90-х» с их комплексом проблем резкого расслоения относительно однородного советского общества, следствием которого для большей части населения стали ежедневные практики выживания. Обычно их родители работали на нескольких работах, отводили их в школу, где обнищавшие учителя пытались привычно нести «разумное, доброе вечное» или просто высиживали некоторые часы в классах. Привычная детская литература и кинематограф сменился культурными продуктами, которые в советские времена назывались буржуазным тиражированием культа насилия и жестокости. Ну и, конечно, некогда просто шкодливые улицы и дворы стали небезопасным местом рэкета, бандитизма, продажи наркотиков и т.д. Один мой ученик в школе как-то признался, что у него на протяжении учебы местные наркоманы отбирали деньги практически ежедневно в центре полумиллионного города. К 2000-м годам политическая, экономическая и социальная ситуация стабилизируется и появляется комплекс идеологических конструктов, самым значимым из которых становится «суверенная демократия», где идея построения нации «многонационального российского народа» увязывалась с образом опасного «другого», в качестве которого выступали западные державы и связанная с ними оппозиция. В это же время появляется риторика противостояния «врагам России» и лично Путина и готовность встать на его защиту в рядах «молодежного, демократического, антифашистского движения», которое и называется «Наши» [Яблоков 2020: 251]. Вообще недостатка в политических организациях, стремившихся охватить молодежь, с этого времени нет. Здесь добровольное участие дает материальные и карьерные преимущества, но учтем, что с этого времени начинается бум социальных сетей, сетевых дискуссий и появления новых жизненных, подчеркнuto

аполитичных культурных стилей («хипстеры»). Политика в этом случае скорее игра, в которой победители получают новые возможности.

Есть еще одно обстоятельство. В рамках теории городских режимов можно отметить определенный переход от власти держателей ресурсов (концепции Ф. Хантер, Дж. Логан, Х. Молоч) к власти политиков (Р. Даль). Если до этих выборов городской совет Новосибирска отражал интересы преимущественно представителей строительных и дорожных компаний, разбавленных бывшими спортсменами, бюджетниками и активистами политических партий, то сейчас стала отчетливо проявляться тенденция к участию в выборах кандидатов, способных «производить» политическую идентичность — организовывать электоральное поведение на основе коммуникации, конструировать высказывания, актуализирующие сильные чувства, рациональные интересы и «образы врагов». В принципе популизм (слово не содержит в данном случае негативной коннотации) — явление не новое, но сетевые технологии позволяют антиэлитарным лидерам как расширять свою аудиторию, так и снижать эффективность оппонентов за счет контроля и создания новых языков обращений и каналов коммуникации. Пока действующая власть отреагировала на появление несистемных политиков традиционным образом: стала игнорировать и блокировать вновь избранных оппозиционных кандидатов, не включать их в организационную и значимую жизнь представительного органа (не один из них не вошел в состав комитетов и комиссий). Тем не менее время, технологии и глобальная культура работают на «миллениалов».

Литература

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103

Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. 465 с.

Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–119.

Ледяев В. Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.

Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.

Мангейм К. Человек и общество в эпоху преобразований // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 412–562.

Пустовойт Ю.А. Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 3. С. 122–130. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-122-130.

Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 230 с.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Тилли Ч. От мобилизации к революции М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.

Хокшильд А. Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. М.: Дело, 2019. 392 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.

Яблоков И. Русская культура заговора: конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 400 с.

Источники

Выборы в Сибири. Победа независимых кандидатов // TAYGA.INFO. 03.09.2020. URL: <https://tauga.info/159304> (дата обращения: 14.11.2020).

Евгений Яковенко: в горсовет пробрался оппортунист и пятая колонна // Сибкрай. Ru. 16.09.2020. URL: <https://sibkrai.ru/news/2126/938070/> (дата обращения: 14.11.2020).

За народную власть // КППФ Новосибирск. № 32. 20.08.2020. URL: https://kprfnsk.ru/upload/iblock/6d5/32_znv_cmuk.pdf (дата обращения: 14.11.2020).

Меморандум коалиции // Коалиция Новосибирск 2020. 14.11.2020. URL: <https://nsk2020.ru/files/memorandum.pdf> (дата обращения: 14.11.2020).

Программа ЛДПР. Совет депутатов г. Новосибирска // ЛДПР: Новосибирская область 14.11.2020. URL: <http://ldpr54.ru/programma-ldpr-br-sovet-deputatov-g-novosibirska-2020/> (дата обращения: 14.11.2020).

Связи с ОПС, рынки и «спрут»: портрет обвиненного в нарушениях на выборах вице-спикера горсовета Новосибирска // TAYGA.INFO. 16.09.2020. URL: <https://tauga.info/159416> (дата обращения: 14.11.2020).

Семь приоритетов развития: в Новосибирске приняли предвыборную программу партии «Единая Россия» // Ом1. 23.09.2020. URL: https://www.om1.ru/news/politic/203558-sem_prioritetov_razvitija_v_novosibirske_prinjali_predvybornuju_programmu_partii_edinojj_rossii/ (дата обращения: 14.11.2020).

Смотришь на город и бесишься: в Новосибирске КППФ — тоже партия власти, а вокруг штаба Навального сложилась мощная оппозиционная коалиция. Выборы здесь будут очень интересными // Meduza. 23.06.2020 URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/23/smotrish-na-gorod-i-besishsya> (дата обращения: 14.11.2020).

“BOOMERS” AND “MILLENNIALS” IN THE MIRROR OF THE MOBILIZATION AGENDA OF SIBERIAN CITIES

Yu. Pustovoyt

(pustovoit1963@gmail.com)

Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Citation: Pustovoyt Yu. “Bumery” i “millenialy” v zerkale mobilizatsionnoy povestki sibirskikh gorodov [“Boomers” and “millennials” in the mirror of the mobilization agenda of Siberian cities]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 163–182. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.6>

Abstract. *The author’s vision of the generational change process is considered. Based on the theoretical positions of K. Mannheim and V. Radaev, the material provides a categorical apparatus and the first results of a study aimed at testing the hypothesis of the existence of an intergenerational “break”. Based on a comparison of the election campaign, ways of promoting the ideas and statements of candidates for deputies of the City Council in Novosibirsk, representing various organizations and associations, a preliminary conclusion about the influence of the generational component on the electoral processes. Millennials who received political socialization in relatively economically prosperous years use less ideological rhetoric, work better with digital communication channels, articulate and convey strong emotions more accurately, which in general allows them to form new political communities and associations more effectively.*

Keywords: *Generations, boomers, millennials, cities, mobilization agenda, urban regime, identity, Siberia.*

References

Goldstone J. *K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya* [On the theory of the fourth-generation revolution], *Logos*, 2006, 5, pp. 58–103. (In Russian)

Derlugyan G. *Derlugyan G. Adept Burd’e na Kavkaze: jeskizy k biografii v mirosistemnoj perspective* [Adept Bourdieu in the Caucasus. Sketches for biography in the myrosystem perspective]. Moscow: Territory of the future, 2010. 465 p. (In Russian)

Dyakova E. *Massovaja politicheskaja kommunikacija v teorii ustanovlenija povestki dnja: ot efekta k processu* [Mass political communication in the theory of setting the agenda: from effect to process]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2003, 3, pp. 109–119. (In Russian)

Hokshild A. *Upravljajemoe serdce. Kommerzializacija chuvstv* [A controlled heart. Commercialization of feelings]. Moscow: Delo, 2019. 392 p. (In Russian)

Ledyaev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. 472 p. (In Russian)

Mannheim K. Problema pokolenij [Generational problem]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New literary review], 1998, 2(30), pp. 7–47.

Mannheim K. Chelovek i obshhestvo v jepohu preobrazovanij [Man and society in an era of transformation]. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Lawyer, 1994, pp. 412–562. (In Russian)

Pustovojt Ju.A. Protest v gorodah Sibiri: opyt izmereniya faktorov mobilizacionnoj aktivnosti [Protest in the cities of Siberia: experience in measuring factors of mobilization activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2020, 14 (3), pp. 122–130. doi: 10.17072/2218-1067-2020-3-122-130. (In Russian)

Radaev V. *Millenialy. Kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: HSE, 2019. 230 p. (In Russian)

Strauss A., Korbin Dzh. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaja teorija, procedury i tehniki* [Fundamentals of qualitative research: sound theory, procedures and techniques]. Moscow: Editorial URSS. 2001.256 p. (In Russian)

Tilli Ch. *Ot mobilizacii k revoljucii* [From mobilization to revolution]. Moscow: HSE, 2019. 432 p.

Yablokov I. *Russkaja kul'tura zagovora: konspiologicheskie teorii na postsovetskom prostranstve* [Russian conspiracy culture: Conspiracy theories in the post-Soviet space]. Moscow: Alpina Publisher, 2020. 400 p. (In Russian)

Yurchak A. *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: New Literary Review, 2016. 664 p. (In Russian)

ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК РЕСУРС ДЛЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ (на примере конфликтов вокруг строительства мусорных полигонов в Архангельской области)

В.Б. Гольбрайх

(vgolbraih@mail.ru)

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

Цитирование: Гольбрайх В.Б. Социальные сети как ресурс для институционализации общественного движения (на примере конфликта вокруг мусорных конфликтов в Архангельской области) // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 183–203.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.7>

Аннотация. *Один из важных аспектов процесса институционализации общественных движений — их легитимизация. Публичная поддержка представителями элиты требований движения — существенный фактор легитимизации. Настоящая работа посвящена анализу легитимизации движения против строительства мусорных полигонов в Архангельской области в социальных сетях. Конфликт вокруг планов строительства мусорных полигонов в Архангельской области стал одним из самых серьезных в России в последние годы. В рамках исследования было проанализировано, в какой мере представители властей Архангельской области и Республики Коми поддерживали в публичном пространстве социальной сети «ВКонтакте» общественное экологическое движение, возникшее в связи с планами строительства мусорных полигонов в Архангельской области. В целом исследование показало, что общественное движение, выступающее против строительства мусорных полигонов, смогло добиться публичной*

поддержки в социальных сетях части местной элиты, прежде всего представителей депутатского корпуса.

Ключевые слова: институционализация общественных движений, социальные сети, локальный экологический конфликт.

Одним из важных аспектов процесса институционализации общественных движений является появление союзников из рядов элиты и их публичная поддержка требований движения. Тем самым происходит легитимизация движения. Социальные сети в последние годы играют все более существенную роль для общественных движений как публичное пространство, в котором движения могут свободно представить свои идеи и требования, координировать и мобилизовать потенциальных сторонников. В то же время социальные сети приобретают серьезное значение не только для общественных движений, но и для представителей власти. Можно предполагать, что в публичном пространстве социальных сетей проходит процесс легитимизации общественных движений.

Настоящая работа посвящена анализу легитимизации движения против строительства мусорных полигонов в Архангельской области в социальных сетях, а тем самым процессу институционализации движения. Конфликт вокруг планов строительства мусорных полигонов в Архангельской области, стал одним из самых серьезных в России в последние годы.

ТЕОРИЯ

Исследователи выделяют такие аспекты общественных движений, связанные с их институционализацией, как их формализация и профессионализация [Staggenborg 2013: 325]. Как отмечают авторы, на определенном этапе для «усиления дисциплины участия и координации для достижения поставленных целей» создается формальная организация. Исследователи выделяют три аспекта институционализации движения: 1) организационный рост, отражающийся в численности организации; 2) профессионализации и централизации организации; 3) переход от неконвенциональных действий к конвенциональным, институциональному сотрудничеству с действующими акторами, в первую очередь с правительственными организациями [Heijden 1997].

При этом Н.А. Скобелина считает частью процесса институционализации общественного движения «признание законности обществен-

ных движений в системе государственной власти» [Скобелина 2010: 126]. Степень институционализации, отмечает Ван дер Хейден, «в значительной степени определяется структурой политических возможностей, в рамках которой должно действовать общественное движение» [VanderHeijden 1997: 25]. В связи с этим «некоторые положения теории структуры политических возможностей характеризуют процесс институционализации общественных движений» [Цепилова 2002:74].

К структурам политических возможностей, относят наличие влиятельных союзников в политической системе [Tarrow 2011: 166]. Наличие союзников в элите, полагают исследователи, «помогает общественным движениям получить политическое влияние» [Но 2011: 286]. Один из аспектов институционализации общественных движений состоит в том, что «их идеи, фреймы, риторика принимаются мейнстримными организациями или включаются в их практики» [Staggenborg 2013: 326]. Одной из форм поддержки общественного движения со стороны представителей элиты является публичная поддержка в публичном пространстве требований общественного движения. Можно полагать, что публичная поддержка общественного движения со стороны представителей власти, его легитимизация, также является процессом институционализации движения.

Одним из важнейших публичных пространств, которое влияет на представление людей об окружающем мире, являются социальные сети. Социальными сетями пользуются сотни миллионов человек. Так, на апрель 2020 г. пользователей «Фейсбука» насчитывалось почти 2,5 млрд, YouTube — 2 млрд, «Инстаграмма» — 1 млрд, «Твиттера» — почти 400 млн [Most popular social networks worldwide 2020].

Если говорить о России, то здесь мы также видим существенный рост пользователей социальных сетей. По данным Левада-центра, доля ежедневно пользующихся социальными сетями выросла с 27 % в 2015 г. до 51 % в 2020 г., доля тех, кто чаще всего узнавал о новостях в стране и мире — с 14 до 39 % [Российский медиаландшафт 2020]. Доверие же к социальным сетям выросло за этот же период с 11 до 20 % [Российский медиаландшафт 2020]. Крупнейшей социальной сетью в России является сеть «ВКонтакте». По данным Левада-центра, в 2020 г. 67 % респондентов пользовалось этой сетью [Российский медиаландшафт 2020].

Именно поэтому социальные сети представляются важным каналом коммуникации не только для различных общественных движений, использующих их во многом для мобилизации своих сторонников,

но и для представителей власти. Некоторые авторы полагают, что социальные сети изменили не только способы коммуникации граждан между собой, но и способы коммуникации граждан с элитой [Mungeretal. 2019: 815]. Исследования показывают, что уже в 2015 г. 81 % руководителей государств — членов ООН активно использовали такие социальные сети, как «Фейсбук» или «Твиттер» [Barberá, Zeitzoff 2018: 122].

Различные исследования показывают, что местные политики также активно через социальные сети коммуницируют с избирателями, обсуждают с ними насущные проблемы, излагают по поводу них свои взгляды. Они используют социальные сети также и для мобилизации своих избирателей [Westerdals, Skogerbø 2018: 222]. Существует немало исследований, посвященных анализу использования местными органами власти социальных сетей [Guillamón, Ríos, Gesuele, Metallo 2016; Lappas, Triantafillidou, Deligiaouri, Kleftodimos 2018; Jae-In, Anderson, Jin-Wan 2019].

Если говорить о России, то А. Урман отмечает, что «государство пытается продвигать свою повестку дня через специальные группы» в социальных сетях [Urman 2019: 5163]. При этом, как полагает О. Крыштановская, «российская политическая элита только начинает осваивать интернет-пространство» [Крыштановская 2019: 6]. Ее анализ федеральной элиты показал, что «чуть больше трети федеральных чиновников и депутатов обзавелись аккаунтами в социальных сетях, еще меньше ведут активную ежедневную переписку, вступая в дискуссии» [Крыштановская 2019: 6]. Появляются и другие российские работы, посвященные анализу использования социальных сетей депутатами как федерального [Гаврилов 2017], так и местного [Аникин, Казаков 2017; Пономарев 2019] уровня.

МЕТОД И ДАННЫЕ

В настоящем исследовании предполагалось проанализировать институционализацию общественного движения против создания мусорных полигонов в Шиесе и Рикасихи в Архангельской области. При этом в статье рассматривается лишь один аспект институционализации, а именно публичная поддержка представителями власти требований общественного движения. Для анализа выбрана крупнейшая на сегодняшний день социальная сеть в России «ВКонтакте». Было решено выявить, в какой мере депутаты, представляющие Архангельскую область и Ре-

спублику Коми (в Государственной Думе и Совете Федерации, региональных парламентах, семи муниципальных образований) выступали против строительства мусорных полигонов в социальной сети. Кроме того, предполагалось проанализировать, в какой степени проявлялось негативное отношение к строительству мусорных полигонов в официальных группах, представляющих как соответствующие субъекты федерации, так и муниципальные образования этих субъектов.

В рамках статьи мы намеревались проанализировать присутствие на страницах депутатов и официальных территориальных сообществ постов, посвященных мусорным полигонам в Шиесе и Рикасихе, информации об акциях протеста в связи с планами строительства полигонов, а также продемонстрировать их отношение к планам строительства полигонов со стороны представителей власти, использованию социальной сети для мобилизации пользователей в каком-либо участии против строительства полигонов.

В связи с этим была разработана методика контент-анализа. Для анализа текстов индивидуальных страниц и сообществ использовался ручной контент-анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как говорилось выше, исследование посвящено институционализации общественного движения против строительства мусорных полигонов в Шиесе и Рикасихе в Архангельской области. Протестное «анти-мусорное» движение началось летом 2018 г., после того как местные жители узнали о строительстве двух полигонов: возле станции Шиес и в деревне Рикасиха под городом Северодвинском. Полигон в Шиесе предназначался для складирования твердых бытовых и промышленных отходов, вывозимых из Москвы и ряда других регионов западной части России. Тревога местных жителей была вызвана тем, что строительство полигона предполагалось осуществить в болотистой местности, что привело бы к загрязнению поверхностных и подземных источников воды, а возможно, и Баренцева моря.

Против строительства полигона 2 декабря 2018 г. прошли митинги по всей области, собравшие, по оценкам организаторов, около 30 тысяч участников. Митинги против строительства полигона проходили весь 2019 г. в Архангельске, Северодвинске, Котласе, собирая тысячи людей. Кроме того, митинги против строительства полигона прошли в соседней

Республике Коми, в Сыктывкаре. Осенью 2018 г. эоактивисты построили палаточный лагерь рядом со стройкой. Активисты из Архангельской области и других регионов дежурили у стройки и блокировали дороги к станции. Членами различных инициативных групп была создана межрегиональная экологическая коалиция «СТОП Шиес». По данным опроса Левады-центра, проведенного в Архангельской области в августе 2019 г., 95 % респондентов выступили против строительства мусорного полигона в Шиесе [Отношение жителей Архангельской области 2019]. В июне 2020 г. власти Архангельской области решили отказаться от строительства мусорного полигона в Шиесе.

Еще одной зоной конфликта в связи со строительством мусорных полигонов в Архангельской области стал Северодвинск. Противники строительства полигона в Рикасихе заявляли, что рядом с Северодвинском будет создан огромный полигон твердых бытовых отходов. Отходы предполагалось свозить из Архангельска, Северодвинска, Новодвинска и всего Приморского района. В результате были бы загрязнены грунтовые воды, реки и озера. Против строительства полигона жители города высказались на общественных слушаниях. В Северодвинске проходили многочисленные митинги. Так, 28 октября 2018 г. на митинг в городе вышли более восьми тысяч человек. В результате в конце марта 2019 г. власти приняли решение отказаться от строительства мусорного полигона в Рикасихе.

В рамках исследования предполагалось выявить отношение к строительству полигонов со стороны представителей властей Архангельской области и Республики Коми, включая представителей этих регионов в Государственной Думе и Совете Федерации, высказываемое ими в публичном пространстве крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте». Для начала были найдены страницы депутатов и официальные территориальные сообщества в социальной сети. Затем с помощью ключевых слов «Шиес», «Рикасиха», «полигон», «митинг», «протест» за период июнь 2018 — март 2020 г. были найдены посты, посвященные строительству мусорных полигонов.

Из 237 депутатов различного уровня: депутатов Государственной Думы и Совета Федерации от двух субъектов федерации (Архангельской области и Республики Коми), представительных органов субъектов федерации (Архангельской области и Республики Коми), муниципальных депутатов шести районов Архангельской области и одного района Республики Коми — страницы в «ВКонтакте» имел 151 депутат (64 %). При

этом у десяти депутатов страницы были закрыты, поэтому дальнейший анализ страниц проводился по страницам 141 депутата (59 %) (табл. 1).

Таблица 1

Депутаты, имеющие открытую страницу в «ВКонтакте»

Орган представительной власти	Количество депутатов, имеющих открытую страницу, %
Совет депутатов Северодвинска	60
Собрание депутатов МО «Котлас»	55
Архангельское областное собрание депутатов	70
Архангельская городская дума	47
Городская дума Коряжмы	60
Городской Совет депутатов МО «Город Новодвинск»	44
Совет депутатов МО «Урдомское»	60
Государственный Совет Республики Коми	55
Совет МО ГО «Сыктывкар»	67
Государственная Дума	100
Совет Федерации	50
N	141

Необходимо отметить, что двое из депутатов в период проведения исследования закрыли свои страницы, поэтому не все их данные были доступны для анализа.

Из 141 депутата, имевших свои страницы в социальной сети, 62 % депутатов представляли «Единую Россию», 13 % — ЛДПР, по 11 % — КПРФ и «Справедливую Россию» и 3 % депутатов являлись самовыдвиженцами.

Социальная сеть «ВКонтакте» позволяет пользователю создавать несколько аккаунтов. Из рассматриваемых в данном исследовании 16 % депутатов имели по два аккаунта в социальной сети. При этом пользователь может создать как индивидуальную страницу, так и сообщество. 23 % депутатов создали сообщества, из них 8 % имели только сообщества, а 15 % — как индивидуальную страницу, так и сообщество. Кроме того, 1 % депутатов имели по две индивидуальных страницы.

Анализ показал, что 83 % депутатов затрагивали на своих страницах различные социально-политические вопросы региона, города, района, включая мусорные конфликты. Многочисленные исследования показыва-

ют использование социальных сетей в ходе предвыборной борьбы. Однако наш анализ показал, что только около трети депутатов (34 %) привлекают свои страницы для мобилизации избирателей. При этом большинство поместили в связи с мобилизацией всего несколько постов. В то же время часть депутатов, напрямую не агитируя за себя на предстоящих выборах, рассказывали в период предвыборной борьбы в социальной сети о своем участии в благоустройстве города, помощи жителям и т.п.

«Мусорный конфликт» стал одним из самых серьезных в регионе и стране за последние десятилетия. В какой мере этот вопрос затрагивался депутатами двух регионов на своих страницах и как они отнеслись к требованиям общественного движения? Анализ показал следующее (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение депутатов в связи с помещением
на своих страницах в «ВКонтакте» постов, посвященных
«мусорным конфликтам»**

«Мусорные конфликты» на страницах депутатов	Количество депутатов, %
Депутаты, поместившие посты, посвященные «мусорным конфликтам»	52
Депутаты, не поместившие посты, посвященные «мусорным конфликтам»	48
N	141

Как видим, только чуть больше половины всех депутатов разместили на своих страницах посты, посвященные конфликтам вокруг планов строительства мусорных полигонов. В отношении конфликта вокруг полигона Шиес посты поместили 48 % депутатов, в отношении полигона в Рикасихе существенно меньше — 27 % депутатов, в отношении строительства обоих полигонов — 23 %.

В то же время, если говорить о конфликте вокруг планов строительства мусорного полигона в Рикасихе, вблизи Северодвинска, необходимо отметить, что абсолютное большинство депутатов Совета депутатов Северодвинска в той или иной мере обращаются на своих страницах к этому конфликту.

Если говорить о партийной принадлежности депутатов, помещавших посты, посвященные «мусорным конфликтам», то увидим следующее (табл. 3).

Таблица 3

**Партийная принадлежность депутатов, поместивших посты,
посвященные «мусорным конфликтам»**

«Мусорные конфликты» на страницах депутатов	Количество депутатов, %	N
Депутаты, представляющие «Единую Россию», поместившие посты, посвященные «мусорным конфликтам»	36	88
Депутаты, представляющие КПРФ, поместившие посты, посвященные «мусорным конфликтам»	87	15
Депутаты, представляющие «Справедливую Россию», поместившие посты, посвященные «мусорным конфликтам»	87	15
Депутаты, представляющие ЛДПР, поместившие посты, посвященные «мусорным конфликтам»	78	18
Депутаты-самовыдвиженцы, поместившие посты, посвященные «мусорным конфликтам»	40	5

Анализ показал, что депутаты от «Единой России» существенно реже обращались к «мусорному конфликту», чем депутаты от других партий (КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР).

В социальной сети «ВКонтакте» за время «мусорных конфликтов» 2018–2020 гг. активистами было создано более 90 групп, посвященных борьбе против мусорных полигонов в Шиесе и Рикасихе. Среди депутатов, имеющих индивидуальные страницы, которые дают возможность подписаться на различные группы в социальной сети, треть были подписаны на подобные сообщества. Среди депутатов, писавших о конфликте, доля таковых была около 60%. Чаще всего депутаты были подписаны на такие сообщества, как «НЕТ — свалке в Рикасихе!!!»; «Поморье — не помойка!», «Коряжма против свалки на ст. Шиес».

Представляется важным, насколько проблема мусорных полигонов важна для депутатов, обращающихся к этой теме: посвятили ли они ей несколько постов или уделяли достаточно серьезное внимание (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение депутатов в зависимости от числа постов,
посвященных «мусорным конфликтам»**

Количество постов, посвященных «мусорным конфликтам»	Количество депутатов, %
1–5 постов	33
6–50 постов	46
51–100 постов	7
Более 100 постов	14
N	72

Как видно, довольно большое число депутатов, хотя и писали о конфликтах вокруг полигонов на своих страницах, не уделяли им существенного внимания. Почти половина из этих депутатов (49%) разместила за более двух с половины лет конфликта не более десяти постов. При этом, как показал анализ, 14% депутатов поместили более 100 подобных постов. Надо отметить, что более половины депутатов (51%), писавших о конфликте, делали репосты протестных сообществ, посвященных им.

Как было сказано, в Архангельской области и Республике Коми проходили акции протеста против строительства двух мусорных полигонов. Основным акциями протеста являлись многочисленные митинги и деятельность экологического лагеря в Шиесе. Нас интересовало, писали ли депутаты о таких акциях. Исследование показало, что в постах 63% депутатов, писавших о конфликте, рассказывалось о митингах против полигонов, 46% депутатов писали об экологическом лагере.

В рамках исследования предполагалось выяснить отношение к строительству полигонов депутатов, писавших по этой проблеме. Были выявлены четыре группы депутатов:

- 1) солидаризировавшиеся в своих постах с позицией антимусорного движения, выражая негативное отношение к строительству полигонов;
- 2) не выражавшие негативного отношения к строительству полигонов, но подчеркивавшие необходимость учитывать при принятии решения о строительстве полигонов выводы экологической экспертизы и мнение местных жителей;
- 3) заявлявшие в той или иной степени позитивное отношение к строительству полигонов;

4) не выражавшие никого мнения на своих страницах, дававшие только информацию о ходе событий в связи со строительством полигонов.

При этом если депутат сам ничего не писал в своем посте, а давал репост, в котором четко выражалось отношение к строительству полигонов, было решено считать это и мнением самого депутата (табл. 5).

Таблица 5

Распределение депутатов в зависимости от их отношения к строительству мусорных полигонов (%)

Отношение депутатов к строительству полигонов	В Шиесе	В Рикасихе
Депутат ничего не писал по проблеме	7	49
Не выражало отношения к строительству полигона	5	5
Необходимость учитывать решения экологической экспертизы и мнение населения	7	1
Негативное отношение к строительству полигона	80	44
Позитивное отношение к строительству полигона	1	1
N	72	72

Анализ показал, что абсолютное большинство депутатов, писавших о мусорных полигонах в Шиесе или Рикасихе, выражали негативное отношение по поводу их строительства. Приведем некоторые цитаты из постов депутатов, говорящих об этом:

ПУТИН БУДЬ С НАРОДОМ! НЕ ВЕРЬ ЛЖИВЫМ ЧИНОВНИКАМ! НАРОД ПРОТИВ ПОЛИГОНА НАШИЕСЕ! (депутат Городской думы Коряжмы);

Был среди митингующих. Как и многие мои коллеги из Собрания депутатов, как мои помощники. Все не зря. Если бы народ предпочел просто смириться с Шиесом и молчать, мусор туда возили бы составами с сентября прошлого года... (депутат Собрания депутатов МО «Котлас»).

Как говорилось выше, некоторые депутаты считали возможным строительство полигонов лишь при учете экологической безопасности и согласия жителей:

Без экологических экспертиз нельзя строить никакие ЭкоТехноПарки (депутат Архангельского областного собрания депутатов);

Обязательный учет мнения жителей Коми при решении вопроса о реализации проекта строительства полигона для размещения твердых коммунальных отходов в районе железнодорожной станции Шиес (депутат Госсовета Республики Коми).

Один депутат выразил в начале скорее несогласие с мнением жителей по поводу строительства полигонов, а затем обеспокоенность по поводу строительства одного из них и негативное отношение к другому.

Депутаты могли не только говорить о своем негативном отношении к строительству полигонов, но и использовать свои страницы «ВКонтакте» для мобилизации своих сторонников. Мобилизация могла состоять в призыве к участию в акциях протеста: митингах, поездке в лагерь Шиес — или в формах цифрового участия: подписывать петиции или делать репосты (табл. 5).

Таблица 5

Распределение депутатов в связи с использованием своих страниц для мобилизации против строительства мусорных полигонов (%)

Использование страниц для мобилизации	Количество депутатов
Депутаты, использовавшие свои страницы для мобилизации против строительства мусорных полигонов	57
Депутаты, не использовавшие свои страницы для мобилизации против строительства мусорных полигонов	43
Всего	72

Как видно, более половины депутатов использовали свои страницы для мобилизации своих читателей в каком-либо участии против строительства полигонов. Причем это могли быть как собственные посты, так и репосты постов других авторов, содержащие подобные призывы. При этом 36% депутатов помещали посты, призывающие участвовать в акциях протеста. Обращает на себя внимание, что к мобилизации

призывали в том числе и депутаты, представляющие партию «Единая Россия». Приведем в качестве примера несколько мобилизационных постов депутатов:

Проголосуйте ПРОТИВ превращения ПОМОРЬЯ в ПОДМОСКОВНУЮ ПОМОЙКУ (депутат Совета депутатов Северодвинска);

НЕОБХОДИМО ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ, ВСЕМ, КОМУ ДОРОГ РОДНОЙ КРАЙ — СКАЗАТЬ СТОП МОСКОВСКОМУ МУСОРУ! (депутат Архангельского областного собрания депутатов).

7 апреля приходите все на митинг, и покажите сколько нас на самом деле! Вместе победим (депутат Собрания депутатов МО «Котлас»);

Друзья, пожалуйста поделитесь у себя на страничке, не важно в каком вы городе, страна должна знать, как хотят уничтожить Север!!! Помогите нам ЛЮДИ!!! СРОЧНО! НА ШИЕС НАЧАЛАСЬ ВОЙНА! ТРЕБУЮТСЯ ЛЮДИ! (депутат Архангельской городской думы).

В рамках исследования были также проанализированы официальные группы, как региональные двух субъектов Российской Федерации (Архангельской области и Республики Коми) и муниципальных образований этих субъектов (девяяти Архангельской области и шести Республики Коми). Предполагалось выявить, в какой мере в этих группах обсуждалась острейшая региональная проблема и насколько можно говорить о публичной поддержке требований общественного антимусорного движения в этих группах со стороны представителей власти. С помощью ключевых слов «Шиес», «Рикасиха», «митинг», «протест», «полигон» за период июнь 2018 — март 2020 г. были выявлены посты, посвященные этому вопросу. Если говорить о присутствии в этих группах проблематики строительства двух мусорных полигонов, то исследование показало следующее (табл. 6).

Таблица 6

Присутствие в официальных территориальных группах постов, посвященных строительству мусорных полигонов

Группы	Количество постов
Архангельская область	
Архангельское областное собрание депутатов	-
Архангельская городская дума	-
Архангельская область	12
Администрация Северодвинска	51
Совет депутатов Северодвинска	53

Окончание табл. 6

Группы	Количество постов
Архангельская область	
Город Новодвинск	11
Администрация МО «Котлас»	7
Собрание депутатов МО «Котлас»	35
Администрация муниципального образования «Город Коряжма»	6
Администрация Каргопольского района	4
Депутаты Каргопольского муниципального района	-
Шенкурский муниципальный район	-
Администрация МО «Вельский муниципальный район»	5
Администрация МО «Плесецкий район»	-
Республика Коми	
Государственный совет Республики Коми	-
Официальная страница Республики Коми в социальной сети VK	3
Общественная приемная Главы Республики Коми	1
Официальный Сыктывкар	3
Совет МО ГО «Сыктывкар»	-
Минприроды Республики Коми	9
Пресс-служба Администрации МР «Удорский»	1
Прилузский район. Официально	1
Администрация МР «Усть-Вымский»	15
Администрация МР «Койгородский»	1
Сыктывдинский район. Официально	4
Общественная приемная Д.А. Медведева в Коми	2

Анализ показал, что из 26 групп в семи сообществах не было ни одного сообщения, посвященного «мусорному конфликту» в Архангельской области. Соответственно только в 19 группах присутствовали посты, посвященные планам строительства полигонов (в 19 о строительстве в Шиесе и в семи о строительстве в Рикасихе). При этом в большинстве групп было помещено менее десяти постов, посвященных этим проблемам.

По количеству постов, посвященных полигонам в Шиесе и Рикасихе, выделяются три группы: «Совет депутатов Северодвинска»; «Адми-

нистрация Северодвинска» и «Собрание депутатов МО “Котлас”». Причем большинство постов в группах «Совет депутатов Северодвинска» и «Администрация Северодвинска» посвящено, что и можно было ожидать, планам строительства полигона под Северодвинском, в Рикасихе. Единственная группа, в большей мере привлекающая внимание к строительству полигона в Шиесе — группа «Собрание депутатов МО “Котлас”».

Только в шести группах рассказывалось о митингах, проводившихся против строительства полигонов, в четырех группах упоминалось о существовании лагеря эоактивистов в Шиесе. Лишь в одном из анализируемых сообществ был сделан репост материалов протестной группы, созданной в связи с планами строительства полигонов.

В ходе исследования предполагалось выяснить, появлялись ли в официальных территориальных сообществах заявления представителей власти, выступавших против строительства полигонов, тем самым солидаризировавшихся с требованиями протестного движения.

Подобные заявления появлялись в шести группах из 19, в них говорилось о строительстве полигона в Шиесе. Например, в группе «Администрация МО “Котлас” писали об обращении от органов местного самоуправления и членов Общественного совета МО «Котлас» *не допустить создания полигона для размещения твердых бытовых отходов, доставляемых из других субъектов Российской Федерации*; в группе «Собрание депутатов МО “Котлас”» сообщалось, что *14 депутатов Собрания депутатов МО «Котлас» подписали обращение к губернатору Архангельской области Игорю Орлову против размещения на станции Шиес объекта по переработке коммунально-бытовых отходов*; в группе «Администрация МР “Усть-Вымский”» говорилось, что глава района, председатель Совета МР «Усть-Вымский» поставил вопрос: *Если все это так технологично, почему же не строят данное производство прямо под Москвой? Какого рода отходы будут ввозиться? Каким образом будет обеспечиваться экологическая защита населения?* В группе «Минприроды Республики Коми» читатели могли узнать позицию министра природных ресурсов Коми: *объект на Шиесе может оказать на республику негативное антропогенное воздействие... Как у нормального человека, у меня не хватает слов, когда я говорю о Шиесе*.

В то же время среди анализируемых групп только в одной прозвучала позитивная оценка строительства в Шиесе со стороны представителей власти. Так, в группе «Архангельская область» появилось сообще-

ние пресс-службы губернатора и правительства Архангельской области о том, что *проект позволит решить вопрос с потенциальным разрастанием существующих мусорных полигонов, загрузкой мусороперерабатывающих станций и неконтролируемым ростом незаконных свалок и позволит привлечь в Архангельскую область масштабные инвестиции.*

При этом в одиннадцати группах, в которых не было информации о негативном или положительном отношении официальных лиц к проекту, появлялись материалы о позиции представителей власти, говорящих о том, что строительство будет проведено только при условии соблюдения экологической безопасности. Например, в группе «Город Новодвинск» приводилось заявление губернатора о том, что *ничего противозаконного построить на Шиесе не дадим. 15 числа все будет заморожено. И пока не будет проекта и экологических экспертиз, никакого решения принято не будет;* в группе «Администрация МО «Вельский муниципальный район»» можно было прочесть о том, что *в ходе депутатских слушаний эксперты и представители надзорных органов не раз подчеркивали, что ни один из объектов в рамках реализации инвестиционного проекта «Шиес», не будет построен без экологических экспертиз.*

Если говорить о полигоне в Рикасихе, то в одном из этих сообществ мы видим позитивное отношение со стороны властей к строительству полигона (группа «Администрация Северодвинска») и в одном сообществе приводится как положительное, так и отрицательное отношение к этому представителей власти (группа «Совет депутатов Северодвинска»). В этих же двух группах приводится мнение властей о том, что строительство полигона начнется только при положительном выводе экспертиз.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию институционализации общественного движения против строительства мусорных полигонов в Архангельской области. В статье затронут только один аспект институционализации — поддержка движения со стороны представителей местной элиты. Это может быть поддержка требований общественного движения в публичном пространстве, в том числе в социальных сетях, роль которых постоянно усиливается.

В рамках исследования были проанализированы страницы депутатов, представляющих Архангельскую область и Республику Коми на раз-

личных уровнях, и официальные территориальные сообщества двух вышеназванных регионов в социальной сети «ВКонтакте». Анализ показал, что более половины депутатов, имевших свои страницы «ВКонтакте», так или иначе затрагивали конфликт вокруг мусорных полигонов. При этом лишь меньшинство депутатов уделило одному из острейших конфликтов последних лет существенное внимание. В то же время абсолютное большинство депутатов, писавших о планах строительства мусорных полигонов как в Шиесе, так и в Рикасихе, выступили против строительства, тем самым поддержав требования антимусорного движения. Кроме того, большинство депутатов, затрагивавших эту проблему, не только негативно высказались против возможности появления мусорных полигонов, но и использовали свои страницы для мобилизации своих читателей в тех или иных формах участия против строительства.

Анализ официальных групп показал, что о проблеме строительства новых мусорных полигонов писали существенно меньше. Меньше, чем на страницах депутатов, появлялись и заявления представителей власти, выступавших против строительства. В то же время и здесь мы видим негативное отношение части представителей местной элиты по отношению к строительству полигонов.

В целом исследование показало, что общественное движение, выступавшее против строительства мусорных полигонов, смогло добиться публичной поддержки в социальных сетях части местной элиты, прежде всего представителей депутатского корпуса. Благодаря этому движение смогло достичь признания со стороны представителей власти законности своих требований, а значит, можно говорить о процессе его институционализации.

Литература

Аникин Д.А., Казаков А.А. Информационная открытость депутатов Саратовской городской думы четвертого созыва и Саратовской областной думы пятого созыва: сравнительный анализ // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 326–330.

Гаврилов И.В. Исследование персональных интернет-ресурсов депутатов Государственной Думы федерального Собрания Российской Федерации VI и VII созывов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 1. С. 70–81.

Крыштановская О.В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 2. С. 4–11.

Пономарев С.Ю. Региональные модели присутствия и коммуникации политических акторов в социальных сетях // Возможности и угрозы цифрового общества / под ред. А.В. Соколова, А.А. Власовой. Ярославль: Цифровая типография, 2019. С. 104–109.

Скобелина Н.А. Институционализация современных общественных движений: региональный аспект // Вестник Московского университета Серия 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 124–131.

Цепилова О.Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V, № 1. С. 70–100.

Barberá P., Zeitzoff T. The New Public Address System: Why Do World Leaders Adopt Social Media? // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, № 1. P. 121–130.

Guillamón M., Ríos A., Gesuele B., Metallo C. Factors Influencing Social Media Use in local Governments: The Case of Italy and Spain // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33, №3. P. 460–471.

Heijden V. Political Opportunity Structure and the Institutionalisation of the Environmental Movement // Environmental Politics. 1997. Vol. 6, № 4. P. 25–50.

Ho M. Environmental Movement in Democratizing Taiwan (1980–2004): A Political Opportunity Structure Perspective // East Asian Social Movements Power, Protest, and Change in a Dynamic Region / ed. by J. Broadbent, V. Brockman. Berlin: Springer Science & Business Media, 2011. P. 283–314.

Jae-In N., Anderson C., Jin-Wan S. Factors Influencing Social Media Use in Local Government // Informatization Policy. 2019. Vol. 26, № 3. P. 36–52.

Lappas G., Triantafyllidou A., Deligiaouri A., Klefodimos A. Facebook Content Strategies and Citizens' Online Engagement: The Case of Greek Local Governments // The Review of Socionetwork Strategies. 2018. Vol. 12, № 1. P. 1–20.

Larsson A., Skogerbo E. Out with the Old, in with the New? Perceptions of Social (and Other) Media by local and Regional Norwegian Politicians // New Media & Society. 2018. Vol. 20, № 1. P. 219–236.

Munger K., Bonneau R., Nagler J., Tucker J. Elites Tweet to Get Feet Off the Streets: Measuring Regime Social Media Strategies During Protest // Political Science Research and Methods. 2019. Vol. 7, № 4. P. 815–834.

Staggenborg S. Institutionalization of Social Movements // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements / ed. by D. Snow, D. della Porta, B. Klandermans, D. McAdam. N.Y.: Wiley, 2013. P. 300–301.

Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 354 p.

Urman A. News Consumption of Russian Vkontakte Users: Polarization and News Avoidance // International Journal of Communication. 2019. Vol. 13. P. 5158–5182.

Источники

Отношение жителей Архангельской области к проекту строительства экотехнопарка Шиес. Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/26/OTNOSHENIE-ZHITELEJ-ARHANGELSKOJ-OBLASTI-K-PROEKTU-STROITELSTVA-EKOTEHNOPARKA-SHIES> (дата обращения: 7.09.2020).

Российский медиаландшафт — 2020. Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020> (дата обращения: 7.09.2020).

Most Popular Social Networks Worldwide // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users> (дата обращения: 7.09.2020).

SOCIAL NETWORKS AS A RESOURCE FOR THE INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL MOVEMENT (on the Example of the Conflict around Garbage Conflicts in the Arkhangelsk Region)

V. Golbraih

(vgolbraih@mail.ru)

*Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Citation: Golbraih V. Sotsial'nyye seti kak resurs dlya institutsionalizatsii obshchestvennogo dvizheniya (na primere konflikta vokrug musornykh konfliktov v Arkhangel'skoy oblasti) [Social networks as a resource for the institutionalization of social movement (on the example of the conflict around garbage conflicts in the Arkhangelsk region)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 183–203. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.7>

Abstract. *One of the important aspects of the process of institutionalization of social movements is their legitimization. Public support by representatives of the elite of the movement's demands is an essential factor in legitimizing. This work is devoted to the analysis of the legitimization of the movement against the construction of landfills in the Arkhangelsk region in social networks. The conflict*

over plans to build landfills in the Arkhangelsk region has become one of the most serious conflicts in Russia in recent years. The study analyzed the extent to which representatives of the authorities of the Arkhangelsk region and the Komi Republic supported the public environmental movement in the public space of the “VKontakte” social network, which arose in connection with plans to build landfills in the Arkhangelsk region. In general, the study showed that the public movement opposing the construction of landfills was able to achieve public support in social networks of a part of the local elite, primarily representatives of the parliamentary corps.

Keywords: institutionalization of social movements, social networks, local ecological conflict.

References

Anikin D.A., Kazakov A.A. Informacionnaya otkrytost' deputatov Saratovskoj gorodskoj dumy chetvertogo sozyva i Saratovskoj oblastnoj dumy pyatogo sozyva: sravnitel'nyj analiz [Information Openness of the Deputies of the 4th Convocation Saratov City Duma and the 5th Convocation Saratov Regional Duma: Comparative Analysis]. *Izvestiya Saratovskogo. universiteta. Seriya. Sociologiya. Politologiya* [Izvestia of Saratov University. Series: Sociology. Politology], 2017, 17 (3), pp. 326–330. (In Russian)

Barberá P., Zeitzoff T. The New Public Address System: Why Do World Leaders Adopt Social Media? *International Studies Quarterly*, 2018, 62 (1), pp. 121–130.

Gavrilov I.V. Issledovanie personal'nyh internet-resursov deputatov Gosudarstvennoj Dumy federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii VI i VII sozyvov [A Study of Personal Web Resources of the Deputies of the 6th and 7th State Duma of the Russian Federation]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2017, 13 (1), pp. 70–81. (In Russian)

Guillamón M., Ríos A., Gesuele B., Metallo C. Factors Influencing Social Media Use in local Governments: The Case of Italy and Spain. *Government Information Quarterly*, 2016, 33 (3), pp. 460–471.

Heijden V. Political Opportunity Structure and the Institutionalisation of the Environmental Movement. *Environmental Politics*, 1997, 6 (4), pp. 25–50.

Ho M. Environmental Movement in Democratizing Taiwan (1980–2004): A Political Opportunity Structure Perspective. In: *East Asian Social Movements Power, Protest, and Change in a Dynamic Region*. Ed. by J. Broadbent, V. Brockman. Berlin: Springer Science & Business Media, 2011, pp. 283–314.

Jae-In N., Anderson C., Jin-Wan S. Factors Influencing Social Media Use in Local Government. *Informatization Policy*, 2019, 26 (3), pp. 36–52.

Kryshantovskaya O.V. Elita v setyah: novye formy obratnoj svyazi v cifrovuyu epohu [Elite in Social Networks: New Forms of Feedback in the Digital Age]. *Cifrovaya sociologiya* [Digital Sociology], 2(2), pp. 4–11. (In Russian)

Lappas G., Triantafyllidou A., Deligiaouri A., Klefodimos A. Facebook Content Strategies and Citizens' Online Engagement: The Case of Greek Local Governments. *The Review of Socionetwork Strategies*, 2018, 12 (1), pp. 1–20.

Larsson A., Skogerbø E. Out with the Old, in with the New? Perceptions of Social (and Other) Media by local and Regional Norwegian Politicians. *New Media & Society*, 2018, 20 (1), pp. 219–236.

Munger K., Bonneau R., Nagler J., Tucker J. Elites Tweet to Get Feet Off the Streets: Measuring Regime Social Media Strategies During Protest. *Political Science Research and Methods*, 2019, 7 (4), pp. 815–834.

Ponomarev S.YU. Regional'nye modeli prisutstviya i kommunikacii politicheskikh aktorov v social'nyh setyah [Regional models of the presence and communication of political actors in social networks]. In: *Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshchestva* [Opportunities and Threats of the Digital Society]. Ed. by A. V. Sokolov, A. A. Vlasova. Yaroslavl: Digital Printing House, 2019, pp. 104–109. (In Russian)

Skobelina N.A. Institucionalizaciya sovremennykh obshchestvennykh dvizhenij: regional'nyj aspekt [Institutionalization of Contemporary Social Movements: Regional Aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2010, 3, pp. 124–131. (In Russian)

Staggenborg S. Institutionalization of Social Movements. In: *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Ed. by D. Snow, D. della Porta, B. Klandermans, D. McAdam. New York: Wiley, 2013, pp. 300–301.

Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 354 p.

Tsepilova O.D. Obshchestvennye dvizheniya v rajone jekologicheskogo bedstvija: istoriya vozniknoveniya, razvitie, social'nye posledstvija (na primere g. Kirishi) [Social Movements in the Area of Ecological Disaster: the History of Emergence, Development, Social Consequences (on the Example of the City of Kirishi)], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, 5 (1), pp. 70–100. (In Russian)

Urman A. News Consumption of Russian Vkontakte Users: Polarization and News Avoidance. *International Journal of Communication*, 2019, no. 13, pp. 5158–5182.

МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ НА КУШТАУ

К.И. Горбачева

(carriestr@gmail.com)

*Межрегиональная экологическая общественная
организация «ЭКА»,
Москва, Россия»*

Цитирование: Горбачева К.И. Манипуляции общественным сознанием в экологическом конфликте на Куштау // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 204–231.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.8>

Аннотация. *Статья описывает результаты исследования гражданского протеста в Республике Башкортостан против уничтожения объекта всемирного геологического наследия горы-шихана Куштау. Предмет исследования — манипуляции общественным сознанием в экологическом конфликте и их преодоление. Исследование основано на теории манипуляции общественным сознанием, которая объясняет достижение определенного уровня согласия в обществе, а также пассивное поведение в ситуации социального конфликта через использование манипулятивных приемов в информационной политике. Автором проанализированы разные каналы распространения информации по теме Куштау на предмет наличия в них признаков применения манипулятивных приемов. Также анализировались материалы в СМИ и других информационных источниках для определения соответствия предлагаемых различными акторами образов ситуации реальному положению дел. Систематизированы приемы манипуляций. Проанализированы данные глубинных интервью, позволившие определить уровень информированности выходцев из Башкортостана, ныне проживающих в других российских регионах, о проблеме промышленной разработки шихана Куштау. Рассмотрен механизм преодоления манипулятивного воздействия, использованный общественным движением в защиту Куштау, что привело в итоге к решению властей о сохранении горы и обеспечении ее государственной защитой.*

Ключевые слова: *манипуляции общественным мнением, массовое сознание, каналы распространения информации, средства массовой информации, экологическое движение, гражданское общество, сетевое участие.*

ВВЕДЕНИЕ

В последние десять лет наблюдается рост и обострение экологических проблем в России. Увеличивается количество свалок (в том числе несанкционированных), осуществляются планы по строительству особо крупных полигонов для размещения отходов и мусоросжигательных заводов, ввозятся для захоронения и утилизации радиоактивные отходы, в промышленных масштабах рубятся леса (в том числе для вывоза за рубеж), загрязняются выбросами и сбросами воздушное и водное пространство страны, с нарушением законодательства добываются полезные ископаемые, предпринимаются многочисленные попытки ведения хозяйственной деятельности на ООПТ, а также изменения (сокращения) их границ. Часто проблема не получает должного освещения, что создает у населения ложное представление о состоянии окружающей среды. Заблуждения о реальном положении дел в сфере экологии приводят к безучастному отношению граждан к решению проблем. Этим же объясняется и низкий уровень активности «зеленых» партий и их поддержки электоратом.

Доведение сведений о происходящих процессах до широких масс населения происходит в первую очередь посредством государственных и негосударственных СМИ. Однако появление той или иной темы в повестке дня газет, журналов, интернет-изданий определяет их редакционная политика. Характерно, что новости об экологических проблемах попадают на страницы изданий только на стадии тяжелого обострения ситуации (например, как в случае экокатастроф в Норильске, на Камчатке или массовых беспорядков на Шиесе, Куштау) и/или после того как проблема стала активно обсуждаться в социальных сетях. При этом говорить об объективности СМИ не приходится — во многих случаях информация преподносится однобоко, что ставит вопрос о заинтересованности третьих лиц, влияющих на ракурс освещения проблемы. Подобным образом обстоит проблема с информацией, исходящей из государственных органов и от должностных лиц: часто о напряженных экологических ситуациях официальные лица заявляют едва ли не последними (ситуация на Камчатке, в Шиесе, Сибее и в других точках).

Таким образом, в России складывается ситуация, при которой экологические проблемы редко и с трудом становятся объектом внимания, а когда становятся — подаются в СМИ и официальных каналах распространения информации односторонне. Одновременно серьезные

противоречия в сфере природопользования и охраны окружающей среды, а также противостояния местных жителей с промышленниками и органами власти наблюдаются почти в каждом регионе, и их количество увеличивается. Замалчивание проблем создает ложное ощущение стабильности, которое имеет свой предел и однажды провоцирует взрыв в результате обнаружения населением разрыва между образом реальности, который был сформирован в общественном сознании, и самой реальностью. В условиях экономического кризиса, а также роста общественного недовольства политикой государства это может быть одним из факторов дестабилизации политической ситуации в стране. Такая тенденция становится заметна и самому обществу, которое, видя негативные последствия замалчивания экологических проблем, предпринимает действия по преодолению информационной блокады, что, в свою очередь, медленно, но приводит к конструктивному решению наиболее острых экологических конфликтов в России.

Одним из таких примеров стало преодоление блокады в освещении угрозы уничтожения объекта всемирного значения горы Куштау в Республике Башкортостан, где в результате донесения объективной информации о проблеме до широкой российской и зарубежной общественности стало возможным принятие на уровне государства решения о сохранении природного объекта путем присвоения ему природоохранного статуса.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В 2020 г. 14 и 15 августа в Республике Башкортостан произошли массовые столкновения на горе Куштау, ставшие кульминацией спора за гору между сторонниками ее сохранения как ценного природного объекта и сторонниками ее использования (и как следствие уничтожения) в качестве месторождения известняка для содовой промышленности. В региональных СМИ долгое время доминирующей позицией по поводу будущей горы было мнение сторонников разработки, а в федеральных проблема и вовсе была представлена слабо.

Главными субъектами, заинтересованными в разработке Куштау, выступали компании «АО «Башкирская содовая компания»» (по производству соды) и «АО «Хайдельбергцемент Рус»» (по производству цемента), а также АО «Сырьевая компания», их дочернее предприятие, выполняющее добывающие работы. Однако ведущим субъектом в ин-

формационном пространстве, озвучивающим планы о разработке, стал глава Республики Башкортостан Радий Хабиров, который первым выразил такую позицию в декабре 2018 г. Субъектом, принимающим решение о возможности разработки, был не региональный, а федеральный орган власти: филиал Федерального агентства по недропользованию Департамент по недропользованию по Приволжскому федеральному округу. Из этого вытекает вывод, что глава Башкортостана косвенным образом озвучивал в регионе позицию федерального органа власти (в том числе досрочно, так как лицензия на добычу полезных ископаемых из Куштау была выдана в 2019 г.), а также позицию содовой и цементной компаний, поскольку, хотя в медийном пространстве предприятия не выдвигали требования о передаче им горы Куштау, документы на получение лицензии на добычу известняка для содовой и цементной промышленности подавало именно их дочернее предприятие.

С помощью определенных каналов информации происходила попытка внедрить в общественное сознание положительный образ такого решения, которое преподносилось как «оптимальное», «консенсус». Выборочное преподнесение информации только о его плюсах привело к длительному отсутствию какого-либо четкого возражения со стороны обычных граждан вследствие непонимания ими последствий принимаемого решения. И только после объединения отдельных граждан в общественное движение за сохранение горы Куштау и их планомерной просветительской работе информационное пространство постепенно наполнилось сведениями о наличии альтернативной позиции о судьбе горы и решении проблемы бесперебойного производства кальцинированной соды (продукт, для создания которого использовался известняк).

Интенсивность донесения информации об угрозе уничтожения природного объекта нарастала по мере приближения к началу работ. Отсутствие ясных законных механизмов по отмене разрешения на разработку Куштау и понимание серьезности намерений добывающей компании побуждало скептически настроенную общественность активнее распространять информацию о ситуации. Начало работ в августе 2020 г. объединило вокруг активистов всех сочувствующих граждан и побудило их на решительную просветительскую деятельность. После обнаружения следов рубки деревьев на горе (1–2 августа) информационное противостояние приобрело характер информационной войны, которую выиграли активисты к вечеру 14 августа (несмотря на физический разгром экозащитников в результате «битвы» на горе). Этому

способствовало широкое освещение ситуации не только в России, но и в других странах.

Однако длительное замалчивание сведений о проблеме, преподнесение решения о разработке как общественного «консенсуса» накладывались на нежелание со стороны производителей и органов региональной власти находить действительно конструктивное решение проблемы. Это привело к гражданскому противостоянию, в котором столкнулись силы не только активистов-экозащитников и государства в лице полиции, но и силы, поддерживающие интересы предприятия, в лице сотрудников завода и так называемых «титушек». Ситуация, минуя стадию переговоров, приобрела характер силового подавления несогласных. Целью стало принудить их к отказу от своей точки зрения и изменение общественного мнения. Накал обстановки был настолько силен, что общество в регионе буквально разделилось на два лагеря.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория манипуляций общественным сознанием дает подробное объяснение информационной политике, выстраиваемой вокруг крупных экологических проблем в России. Манипуляцию рассматривают как систему психологического воздействия, направленного на насаждение кажущегося мировосприятия [Черникова 2015].

С.Г. Кара-Мурза отмечает, что «согласно Грамши, власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Механизм власти — не только принуждение, но и убеждение» [Кара-Мурза 2015]. Необходимый уровень согласия обеспечивает функционирование государства. При этом требуется активное благожелательное согласие граждан. Таким образом, опираясь на концепцию, согласно которой поддержание определенного, желательного порядка требует определенного уровня согласия в обществе касательно ключевых вопросов, можно сделать вывод о том, что манипуляция сознанием масс служит тем самым инструментом достижения такого согласия, заменяя опору на здравый смысл людей.

С.Г. Кара-Мурза приводит перечень приемов политической манипуляции, среди которых прямая ложь, умолчание достоверной информации, в том числе о целях, цене и сроках достижений, стереотипы, игра на чувствах, подмена понятий, игра числом и мерой и др. [Кара-Мурза 2015]. Он уточняет, что прямая ложь сама по себе не может быть

квалифицирована как манипуляция, но множество мелкой явной лжи используется с целью уточнения порога восприятия ее людьми (подпороговые культурные явления). Однако в то же время мелкая ложь используется как эффективный прием воздействия все чаще в связи с высокой плотностью подачи информации и маловероятностью ее разоблачения с заметным резонансом. Одна из целей использования такой лжи — разрушение возможности диалога.

К средствам манипуляции общественным сознанием относят печатные издания, телевидение, интернет, радио, которые также являются каналами распространения информации. К ним также можно отнести публичные выступления [Зелинский 2008].

Среди принципов манипуляции сознанием выделяют последовательность, авторитет, благосклонность, взаимный обмен, заразительность и дефицит (нехватку) [Зелинский 2008]. С. Зелинский также приводит наиболее полный перечень принципов манипуляции массовым сознанием посредством СМИ: принцип первоочередности, эмоциональное заряжение, недоступность информации (информационная блокада), смещение акцентов (а также схожие принципы «переориентация внимания», «показная проблематика», «одностороннее освещение событий»), удар на опережение, эффект «информационного штурма», эффект правдоподобия, обратный эффект, будничные рассказы, экспрессивный удар, использование «лидеров мнений» или одобрение мнимого большинства, «очевидцы событий (или «эффект присутствия»), образ врага, ложные аналогии, или диверсии против логики, искусственное «просчитывание» ситуации, манипулятивное комментирование, допуск (приближение) к власти, повторение.

Особенность успешной манипуляции общественным сознанием заключается в том, что даже при обнаружении факта манипуляции истинная цель не может быть выявлена. В.Е. Черникова полагает, что «являясь скрытым воздействием на массовое сознание, манипуляция, как правило, нацелена на формирование инертности народных масс» [Черникова 2015]. В свою очередь, концепция «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман объясняет учет человеком окружающей его согласованности мнения или поведения при формировании своей позиции, что в результате влияет на возникновение общественного мнения [Ноэль-Нойман 1996].

Раскручивание и внедрение манипулятивной идеи происходит посредством осуществления первичной и вторичной манипуляции, где

первое является продуманным действием заказчика и исполнителя, знающих цель и приемы манипулирования, а второе — плодом первой, таким манипулированием, которое может осуществляться исполнителями без осознания ее как негативного действия [Горина 2016].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования изучались каналы массовой информации и коммуникации: а) СМИ (государственные и негосударственные, федеральные, региональные, местные); б) социальные сети (аккаунты в Instagram главы республики Башкортостан, АО «Башкирская содовая компания», а также аккаунты, посвященные защите природы; страницы в соцсети «ВКонтакте»: группа общественного движения в защиту Куштау — «Сохраним Шиханы Торатау, Юрактау, Куштау», территориальные группы г. Стерлитамака); в) чаты в мессенджерах WhatsApp и «Телеграм»; информационные каналы в «Телеграм» и на YouTube; г) сайты региональных органов власти АО «Башкирская содовая компания», некоммерческих природоохранных организаций (в том числе «Greenpeace» и «Эковики»); д) официальные выступления государственных должностных лиц и руководителей АО «Башкирская содовая компания». Публикации, сообщения и выступления проанализированы на предмет наличия оценочных слов-«маркеров», выражений, допускающих неопределенность в толковании, подмену понятий, противоречивых числовых данных. Для проверки фактологической точности проводился анализ нормативно-правовых документов, а также научных источников с целью дальнейшего сравнения с информацией, используемой в высказываниях официальных лиц, лидеров общественного мнения, в материалах общественных активистских групп.

Для фиксации и анализа общественного мнения за пределами Башкортостана о проблеме в начальный период освещения решения о разработке Куштау проводились глубинные интервью (N=14) с гражданами — выходцами из Республики Башкортостан, проживающими в том числе за рубежом.

Сведения о способах преодоления информационной блокады и других манипулятивных приемах, касающихся будущего горы Куштау, были получены путем наблюдения за действиями активистов, в результате интервью, а также посредством личного участия автора в информационной кампании по защите природного объекта.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Информационная политика стороны, планирующей разработку Куштау, заключалась в том, чтобы показать:

1) решение: а) принято, б) не требует обсуждения, в) основано на экспертном подходе, г) поддерживается большинством, соответствует ценностям большинства

2) отказ от принятого решения приведет к отрицательным последствиям для значительной части общества;

3) его противники: а) желают вреда для общества, б) представлены опасными элементами, в) представляют враждебные для общества силы.

Замалчивались важные сведения, учет которых мог повлиять на формирование общественного мнения о проблеме, в том числе научные экспертизы и информация о негативных последствиях предлагаемого решения. Подменялась информация о лицах, принимающих решение. Одними из главных приемов манипуляции общественным мнением были принцип контраста, одностороннее освещение событий и преподнесение информации («правда наполовину»), использование лидеров мнений, показная проблематика, недоступность информации, образ врага.

Важными каналами трансляции позиции о разработке горы стали аккаунты в соцсетях главы республики Радия Хабирова (Instagram) и главного политтехнолога администрации Р. Мурзагулова (Facebook), который возглавлял совет директоров информационного агентства «АО «Башинформ»». В свою очередь, информационное агентство «Башинформ» координировало деятельность государственных региональных СМИ. В республике сформировался круг СМИ, которые повторяли или развивали позицию главы Башкортостана о планах разработки горы. Также активно действовал анонимный телеграм-канал «Техас Хабирова», который последовательно транслировал резкое отношение к защитникам горы. Поддерживающую функцию выполняли аккаунты содовой компании в социальных сетях (Instagram — @etosoda, «ВКонтакте» — «Сода пищевая», «АО «Башкирская содовая компания»), а также заводские сайт, газета «Вестник содовой компании», радио, направленные на формирование положительного имиджа предприятия.

Каналами распространения альтернативных точек зрения, объективных (в том числе научных) данных, недостающей информации, развенчания мифов, просвещения стали социальные сети (группы в «ВКон-

такте» — «Сохраним Шиханы Торатау, Юрактау, Куштау», «Урняк-Куштау», «Куштау — мой дом», «Юг Башкортостана», территориальные группы г. Стерлитамака и других населенных пунктов; аккаунты в Instagram — «Shihan of Bashkortostan», «Live2film»), мессенджеры (WhatsApp, Telegram), YouTube-видеохостинг, нейтральные СМИ, листовки, переписка, личное общение, плакаты на пикетах, наклейки на машинах и даже одежда (например, футболки с дизайнерскими принтами в защиту горы), выступления на мероприятиях (например, на круглых столах, организуемых Советом по правам человека при Президенте РФ, газетой «Вопус», партией КПРФ, Общественной палатой РФ, на форуме «Общероссийский гражданский форум»). В условиях информационной блокады защитники горы использовали в качестве канала распространения информации любую возможность, вплоть до символов в публичном пространстве (например, одежды с надписью «Куштау» или рисунком горы).

ПРИЕМЫ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ НА КУШТАУ

Принцип контраста. Решение о разработке Куштау было преподнесено на фоне длительного спора вокруг судьбы других двух шиханов — Торатау и Юрактау. Весной-летом 2018 г. набрало силу противостояние за гору Торатау, в котором представители АО «Башкирская содовая компания» утверждали, что для получения известняка для содового производства необходима разработка именно этой горы. Однако шиханы Торатау, а также Юрактау имели статус особо охраняемой природной территории регионального значения (памятник природы). Представители компании требовали снять природоохранный статус с горы. Общественность активно выступила в защиту и в мае 2018 г. провела многотысячный флешмоб «Кольцо жизни». Поэтому решение о разработке Куштау на фоне борьбы за сохранение другой горы преподносилось как «оптимальное» решение предыдущего спора.

В БСК настаивали, чтобы власти передали гору Торатау, наиболее подходящую, по мнению компании, по химическому составу для производства соды. Но врио главы республики Радий Хабиров настоял на том, что если речь идет о разработке шиханов, то это может быть только Куштау. Так что компромиссное решение, — сообщили в правительстве республики [Чернова 2018].

Одностороннее освещение событий и преподнесение информации («правда наполовину»). Для создания положительного образа АО «Башкирской содовой компании» повсеместно подчеркивалась его роль в развитии Башкортостана. Положительный образ компании мог повысить доверие населения к ее действиям и способствовать согласию людей со всеми решениями, включая планируемую разработку горы. При этом давалась только положительная информация о предприятии (обеспечение города рабочими местами, помощь городу и республике, в том числе в организации культурно-массовых мероприятий, финансирование новогоднего украшения площадей в городах республики), негативная умалчивалась (вклад предприятия в загрязнение воздуха и воды, отсутствие существенного роста зарплаты рядовых сотрудников, отмена «вредности» на производстве, отказ от финансирования объектов социальной инфраструктуры, обеспечивавшихся за счет предприятия с момента его основания, — больниц, футбольного клуба, Дома культуры, детских лагерей и санаториев).

Вслед за Уфой на улицах Стерлитамака появились уникальные новогодние инсталляции итальянского мастера Валерио Фести.

«Вместе со всеми горожанами мы разделяем восхищение от мастерства художников, — делится впечатлениями генеральный директор БСК Эдуард Давыдов. — Башкирская содовая компания традиционно вносит большой вклад в новогоднее оформление города. И мы охотно откликнулись на предложение региональных властей профинансировать новогодние световые инсталляции в Уфе и Стерлитамаке, поскольку считаем, что такие проекты создают праздничное настроение сотням тысяч людей» [На средства БСК 2019].

Разобрать подобную однобокость в преподнесении информации можно на примере позиционирования отношения компании к массовому спорту:

Поддержка массового спорта особенно — это в первую очередь забота о здоровье наших детей, а значит, о будущем сильной страны, считают в компании [Социальная политика БСК 2017].

Грант БСК позволил вывести соревнования на новый уровень.

В эти выходные, 8 и 9 декабря в ледовом дворце Стерлитамака состоялся IV Кубок Урала и Поволжья по всестилевому каратэ на призы Башкирской содовой компании [Семина 2018].

Примеры высказываний показывают, как формируемый образ вступает в противоречие с фактами, которые остаются неосвещенными.

В данном случае уместным будет упоминание остановки финансирования клуба «Содовик» в 2006 г., которое произошло через некоторое время после смены владельцев предприятия ОАО «Сода» (прежнее название компании). За год до этого команда вошла в первый дивизион и показала свой лучший результат за время существования клуба с 1961 г. Значение клуба подтверждает цитата главного тренера команды Александра Игнатенко:

Проделан огромный объем работы, коллектив находился не на последних ролях в первом дивизионе. На следующий год планировался выход в премьер-лигу. Я не услышал ни одного аргумента в пользу ликвидации «Содовика». По сути, у 250-тысячного города забрали главное зрелище. А в футбольном плане речь идет о масштабах всей Республики Башкирия. «Содовик» — единственная команда мастеров, в которую стремились попасть большинство талантливых футболистов республики [Жировкин 2006].

Учет предыдущих действий субъекта позволяет сформировать полноценное представление о нем. Но направленность СМИ на размещение информации, касающейся только конкретного события, в длительной перспективе мешает формированию к нему объективного отношения. Намеренное создание публикаций лишь в положительном ключе усиливает эту тенденцию.

Показная проблематика. Проблема обеспечения предприятия известняком преподносилась как проблема его функционирования. В случае неполучения разрешения на добычу предприятие, по заверениям его руководителей, должно было закрыться. Тем самым нагнеталась паника в связи с сохранением рабочих мест (от 4 до 10 тысяч) и обеспечения страны содой как стратегическим продуктом. При этом не учитывалось, что в результате разработки Куштау ухудшится жизнь более пяти тысяч жителей населенных пунктов вокруг горы. Также не говорилось о том, что всего на АО «БСК» работают десять тысяч сотрудников, в то время как производство кальцинированной соды ведется лишь в одном из цехов, что означает невозможность закрытия всего предприятия, так как речь идет лишь о возможном закрытии одного из цехов. Проблема разработки Куштау сводилась к проблеме функционирования завода, в то время как в соответствии с данными ученых она могла быть решена путем разработки альтернативных месторождений или использования безывестняковых технологий.

Я никогда не соглашусь оставить без работы тысячи людей. Бесплезно пытаться меня ломать, выкручивать руки, подкупать журналистов и националистов. Это пытаются делать те, кто просто хотят выдавить одну компанию с рынка и запустить свою, — глава Республики Башкортостан Р. Хабиров в своем Послании Государственному собранию — Курултаю Республики Башкортостан в 2019 г. [Хабиров 2019].

Свою позицию я уже высказывал — Куштау будет разрабатываться. Да нам никто и не позволит остановить стратегическое для страны производство и оставить без работы тысячи людей, — подчеркнул Радий Хабиров [на встрече с представителями научного сообщества] [В Башкортостане создадут 2020].

[Р. Хабиров] не побоялся заявить перед выборами непопулярную позицию о возможности разработки Куштау, чтобы сохранить стратегически и экономически важное предприятие, от работы которого зависит благополучие почти 50 тысяч человек республики. И эта честная позиция была поддержана подавляющей частью населения — более 82 процента, пришедших на выборы и почти 2/3 всех жителей республики отдали за него свои голоса на выборах в сентябре 2019 года, — руководитель регионального исполкома «Единой России» и вице-спикер Госсобрания — Курултая РБ Р. Ахмадинуров [Фатхуллина 2020].

Здесь также манипуляция цифрами — факт голосования 2/3 жителей Башкортостана за Радия Хабирова на выборах главы региона преподносится как согласие большинства граждан с решением о разработке Куштау, однако поддержка кандидата в ходе голосования может быть объяснена и другими причинами.

Использование лидеров мнений. Решение разрабатывать Куштау сопровождалось комментариями лидеров общественного мнения о том, что это разумное и эффективное решение проблемы сохранения Торатау.

Я полностью поддерживаю решение Радия Хабирова. Наконец-то в этом деле поставлена точка. У нас в Башкирии достаточно шиханов. В результате решения проблемы на БСК останутся рабочие места, — Р. Утяшева, зампреда комитета по здравоохранению, социальной политике и делам ветеранов Госсобрания Башкирии [Беляев 2018].

Разработка Куштау — это миллиарды долларов в бюджет республики. Десятки тысяч рабочих мест. Вопрос отдать Куштау или не отдать, к сожалению, не стоит уже давно, — певец Элвин Грей (Радик Юльякшин) [Грей 2020].

Недоступность информации (замалчивание, информационная блокада). Умалчивалась информация о ценности горы Куштау, не уточнялось, что гора имеет всемирное геологическое значение, важное региональное природное, экологическое, рекреационное значение, не уделялось внимание ее эстетической ценности. Также не поднимался вопрос об экологических последствиях возможной разработки: появление очередного карьера, рост отвалов горных пород, влияние разработки на жизнь населения (звуки взрывов, шум и грязь от проезжающих через населенные пункты самосвалов), угроза загрязнения протекающей вдоль склонов реки, изменение розы ветров, климата и экологического состояния близрасположенного промышленного города Стерлитамака (который получал свежий воздух от леса на горе). Никак не обсуждалась культурно-историческая ценность горы: нахождение на горе памятников археологии 4-тысячелетнего возраста, историческая связь горы с событиями времен Великой Отечественной войны (расположение у горы госпиталя для раненых, отправка солдат на фронт от подножья горы).

Смещение акцентов. Наличие возможностей обеспечить производство соды путем использования альтернативной безызвестняковой технологии всячески отодвигалось на второй план и преподносилось как невозможное в силу отсутствия соответствующих финансовых возможностей предприятия или некорректности разработки.

Ну, холм как холм, таким он всегда и был, — Р. Мурзагулов, председатель совета директоров АО «Башинформ» [Член Общественной палаты 2020].

Эти горы — достояние республики, и они сохраняются в первозданном виде. градообразующее предприятие должно жить и работать, а критический момент для принятия решения уже настал. Поэтому мы будем искать сырье для Соды. Что касается горы Куштау, то охранного статуса у нее нет, разрешительные документы на начало разработки выданы еще в 2017 году и работы уже ведутся. Если запасы здесь подтвердятся — это приемлемый вариант решения проблемы, — глава Республики Башкортостан Р. Хабиров [Хабиров 2018].

Образ врага. Защитников Куштау пытались выставить шовинистами, экстремистами, ваххабитами, экотеррористами. Членов башкирской национальной организации называли экстремистами еще до вступления в силу решения суда о признании организации экстремисткой. Особая группа обвинений была связана с продажностью активистов, якобы их

финансируют компании-конкуренты (например, группа компаний «ТАУ») или даже страны-конкуренты (Турция). При этом обвинения не сопровождались доказательствами.

О чем нам вступать в диалог с протестующими? Там же почти все экстремисты, — заявил Р. Басыров (замдиректор АО «Башкирская содовая компания») [Лотфуллина 2020].

Экстремисты, те, кто пытается расшатать ситуацию, — все здесь собрались, потому что увидели здесь точку напряжения. Они хотят расшатать нашу республику, — гендиректор АО «Башкирская содовая компания» Э. Давыдов [Блажнова 2020].

Вы спрашиваете у меня, дорогая Айгуль, были ли экстремисты на Куштау... конкретные имена вам раскроют. Очень скоро. Компетентные органы. Которые уже собрали много отличного материала, чтобы расисты наконец то получили своё, — Р. Мурзагулов, председатель совета директоров АО «Башинформ» [Мурзагулов 2020].

По ее словам [главы профсоюза Гузель Мирошниченко], среди противников БСК — ваххабиты, националисты и сторонники Алексея Навального [Столкновения у горы 2020].

Некая группа предпринимателей, близкая к прежней власти Башкирии, решила, что сверхприбыли ей тоже не помешают... А Соде было сказано — вы закрывайте свою лавочку. Либо продавайте ее нам, за очень недорого. Либо покупайте у нас Гумеровское месторождение, за очень дорого. Потому как соседние холмы мы вам освоить не дадим. Мы организуем вам там народные протесты... Кого-то подкупили. Кого-то, романтически настроенного, убедили в том, что шиханы — священны, — председатель совета директоров ИА «Башинформ» Р. Мурзагулов [Член Общественной палаты 2020].

Мы говорим: «Быстрее дайте новое месторождение шихана». Что вы думаете? Турция — главный наш конкурент по кальцинированной соде, приезжает из Турции мусульманский лидер и говорит: «Это у вас памятник, и это тоже памятник, возьмите месторождение в 75 километрах от ГОКа, проведите железную дорогу». Ну всё, привет. Инвестиционный проект можно зачехлять. Почему? Он просто станет экономически неэффективным по сравнению с нашими конкурентами из Турции. Вот и всё. Поэтому когда мы говорим об экологии, нужно очень тонко и чётко определять — всё-таки это искусственное создание препон от наших конкурентов — а я именно об этом говорю, либо это — действительно создание проблемных моментов для экологии... —

министр промышленности и торговли России Денис Мантуров на круглом столе Петербургского международного экономического форума [Денис Мантуров 2018].

Подмена понятий. Для выражения мысли использовались понятия, близкие по формулировке к правильным, но отличные по смыслу, что вводило слушателя, читателя в заблуждение.

И мы сочли, что с учетом всех обстоятельств (нет охранного статуса, есть выданное ранее разрешение на разработку) Куштау — оптимальный вариант, — Р. Хабиров на встрече с представителями СМИ в декабре 2018 г. [Степанова 2020].

На момент высказывания была выдана только лицензия от 22.06.2016 на пользование недрами с целевым назначением и видами работ для геологического изучения.

Задача лесников: на основе лесной декларации сделать точечную вырубку, — Р. Басыров, заместитель генерального директора по организационной и кадровой политике АО «Башкирская содовая компания» [Хасанова 2020].

Согласно ст. 17 Лесного кодекса Российской Федерации выделяют рубку выборочную и сплошную. Согласно п. 2.2 и 2.11 «Основных положений по рубкам главного пользования в лесах Российской Федерации», выборочные рубки производятся для своевременного использования древесины и сохранения защитных и средообразующих свойств леса. При сплошных рубках весь древостой на лесосеке вырубается за один прием. На Куштау за один прием были вырублены деревья на определенном участке.

Несмотря на то что в нем действуют различные производства, градообразующим предприятием была и остается Башкирская содовая компания (БСК) [Без поддержки социалку 2018].

Согласно ст. 169 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)», градообразующими организациями признаются юридические лица, численность работников которых составляет не менее 25 % численности работающего населения соответствующего населенного пункта. При этом численность населения города Стерлитамак, где расположены заводы АО «Башкирская содовая компания», — более 276 тысяч человек, что более чем в 20 раз больше численности сотрудников компании [Численность населения 2020]. При этом важно отметить, что в российском законодательстве однозначного определения понятия «градообразующее предприятие» не выработано [Бегун 2015].

Манипуляции с цифрами

Она [«Башкирская содовая компания»] насчитывает около девяти тысяч сотрудников, а с учетом занятых на предприятиях-партнерах, количество человек, которым БСК дает работу, по приблизительным подсчетам достигает более 15 тысяч [Амиров 2018].

Депутат Госдумы от Башкирии Михаил Бугера приводит более точные расчеты.

«Только работающих на предприятии — около 8 тысяч человек. Если брать с членами семей — вдвое больше. А если брать ветеранов предприятия и тех, кто работает в организациях-смежниках — это около 35 тысяч человек» [Эксперты рассказали 2018].

Размывание определенности. Утверждение сведений, противоречащих фактам или предыдущей информации о возможности разработки Куштау.

Если запасы здесь подтвердятся — это приемлемый вариант решения проблемы, — Глава Республики Башкортостан Р. Хабиров [Хабиров 2018].

По словам Иванова [президента Российского союза химиков, председатель комиссии по химической промышленности, член правления РСПП], предложенное компании для разработки вместо горы Тра-тау альтернативное месторождение [Куштау] действительно не подходит по качеству сырья [Эксперты рассказали 2018].

Использование понятий в значении, отличном от общепринятого, зафиксированного толковыми словарями (например, утверждения о защитниках горы Куштау как о бритоголовых молодчиках, применявших насилие в период 2–6 августа 2020 г.):

Когда на пути нашей техники, наших работников встанут молодчики бритоголовые, которые угрожают лесникам физической расправой, которые угрожают насилием, я считаю, что все наши действия вполне оправданы. Там было насилие... Срывали наши анилаги, ломали стенды информационные. Насилие, я, естественно, говорю не в терминологии уголовного кодекса [«Редколлегия» Рустем Басыров 2020].

Прилагательное «бритоголовый» в одном из значений характеризует особенности внешнего вида бандитов, а в другом — человека, принадлежащего к националистической группировке скинхедов [Щетинина 2016]. При этом значение, зафиксированное в словарях литературного языка, которое называет анатомическую характеристику внешности человека, является наименее употребительным. В данном

случае происходит размывание смысла употребляемого понятия, однако, учитывая контекст, наиболее вероятно восприятие словосочетания «бригоголовых молодчиков» как бандитов. В случае, если автор использовал его в значении бандитов или скинхедов, приводимое высказывание можно также рассматривать в качестве примера прямой лжи, так как в указанные дни не установлено совершение на горе каких-либо преступлений протестующими, скинхедов среди местных жителей и активистов, находящихся на горе, не было.

Прямая ложь. Намеренное искажение фактов, касающихся добычи известняка из горы Куштау.

Никаким образом геологические работы на комфорте жителей не повлияет. Пыль вся будет оседать на карьере. Никаких работ в природоохранной зоне и рядом с ней не будет [Хасанова 2020].

Согласно данным кадастровой карты, расстояние от крайних участков с. Бельского, расположенного у подножья горы со стороны планировавшейся добычи, составляет менее 50 м, что повышает вероятность изменения качества жизни в процессе добычи. Предполагалась перевозка известняка на самосвалах, что привело бы к распространению пыли за пределы места добычи. Гора омывается рекой, а значит, добычу предполагалось вести рядом с водоохранной зоной, являющейся частью горы.

Также примером мелкой прямой лжи является утверждение о том, что среди лиц, выразивших несогласие с началом рубки на горе в первые дни, не было местных жителей.

Вся буза началась в понедельник, когда наши лесники, геологи попытались начать, продолжить разработку, которую они начали. И мы внимательно анализировали и в понедельник, и во вторник, и в последующие дни, кто является ядром организационным, кто входит в актив протестантов — там местных жителей не было. Потом они появлялись, появлялись активисты, мы всех их знаем, мы с ними в общении, в диалоге, но они подошли потом [«Редколлегия» 2020].

Утверждение противоречит реальному положению дел в указанный период времени: лицами, выразившими несогласие, стали местные жители, что демонстрирует видеоролик, снятый в первый день протеста [Репортаж с места 2020].

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ, ПРОВОДИМЫХ С ЖИТЕЛЯМИ ДРУГИХ РЕГИОНОВ, НА ТЕМУ БУДУЩЕГО ШИХАНА КУШТАУ

Для исследования осведомленности граждан о проблеме были проведены глубинные интервью с выходцами из Башкортостана, проживающими в других регионах России и за ее пределами. Результаты оказались неоднородными. Кто-то узнал о проблеме в момент интервью.

И.: Вы слышали, что гору Куштау хотят использовать для добычи сырья? Что думаете об этом?

Нет, не слышала. Ю., Санкт-Петербург.

Узнала от вас. Э., Лондон.

И.: Кому-то была известна проблема, предыстория конфликта и другие подробности?

Да, слышал. Категорически против. А., Москва.

Да, слышала. Большею частью против. М., Берлин.

Слышала. Категорически против. О., Байконур.

Про разработку горы Куштау, конечно же, слышал. Т., Москва.

Слышал. Считаю, что это варварство, авторы и бенефициары этой идеи — манкурты и капиталисты без совести и фантазии. Уверен, что «Башкирская содовая компания» может успешно работать и на другом сырье. Э.А., Санкт-Петербург.

Проблема, вызванная истощением ресурсов уже выработанного шихана Шахтау и необходимостью поиска нового источника сырья для производства соды, вызвала острый общественный резонанс и публичную дискуссию со стороны граждан, власти и бизнес-сообщества. Ими могут оказаться соседние шиханы: Куштау, Юрактау, Тратау. Однако последние два являются действующими памятниками природы, а вопрос качества сырья на шихане Куштау требует дополнительного изучения. В любом случае проблему необходимо рассматривать комплексно, учитывая, экологический, экономический, социальный аспекты. П.Б., Москва.

Некоторые отвечавшие указывали на наличие альтернативных вариантов решения проблемы предприятия, что показывает хорошую осведомленность в вопросе.

Думаю, что никакая прибыль горстки людей не должна становиться причиной утраты уникальных природных объектов. Особенно, когда существуют альтернативные источники сырья и методы производства. А.К., Санкт-Петербург.

Слышала, это очень грустно, да и хватит сырья опять же лет на 50–60, а дальше что? Знаю, что можно без этого обойтись, ну просто для другого пути нужны деньги, а их «большие» люди вкладывать не хотят, легче гору снести... Е., Санкт-Петербург.

Ответы интервьюируемых указали на понимание горы Куштау как ценного природного объекта и желание его сохранить.

Хочу, чтобы, как и мои дети, так и будущие внуки посещали эти красивые и родные места. На Шиханах можно организовать природный памятник. Р.С., Елизово (Камчатский край).

Использовались горы в советское время как объекты культурного и природного наследия, охранялись государством, так и надо использовать. А.П., Санкт-Петербург.

Кто-то полагал, что гора уже находится под защитой государства.

Варварство, думала, что шихан давно сделали памятниками природы. Тем более что там растут растения из Красной книги. Как минимум это один из символов Башкирии и непонятно, как его могли отдать под добычу сырья. Э.Б., Лондон.

Часть интервьюируемых указала на важное значение содового предприятия, одновременно заявив о необходимости всестороннего изучения проблемы и поиска путей сохранения горы при одновременном сохранении работоспособности предприятия.

Башкирские шиханы — уникальное природное явление, однако необходимость добычи соды также имеет общенациональное значение. Кальцинированная сода используется в металлургической, стекольной, химической и других видах промышленности. Производимый продукт — одна из визитных карточек всей Республики Башкортостан, обеспечивающий экономическую независимость России в этой сфере. Кроме того, добыча соды имеет важное социальное значение, так как на предприятии работает значительная часть жителей Стерлитамака. В наши дни технологии добычи полезных ископаемых во многом усовершенствовались. Считаю, что при привлечении экспертного сообщества возможным нахождение технологии добычи при минимальном антропогенном воздействии. П.Б., Москва.

Некоторые ответы показали подверженность мифам, распространяемым в СМИ.

К сожалению, многие [в результате разработки Куштау] потеряют рабочие места, а новые в других отраслях не создаются. М., Берлин.

Интервьюируемые отмечали трудности в определении собственного мнения о проблеме вследствие недостаточной информированности.

Однозначно не могу выразить свое отношение к этому, так как не знаю всех подробностей этой проблемы. Уникальные природные объекты естественно нужно охранять и использовать их только в случае крайней необходимости. Если есть возможность использовать альтернативные источники сырья, то надо изучить этот вопрос и постараться сохранить шиханы. Т., Москва.

Ответы показали, что граждане считают нужным общественное обсуждение подобных проблем.

Считаю, что каждый случай требует индивидуального рассмотрения. Такие вопросы надо выносить на всеобщее обсуждение. Ю., Санкт-Петербург.

Даже осознавая недостаток информации, интервьюируемые отмечали высокую значимость горы Куштау и остальных шиханов.

Это гигантские рифы древнего моря, наше наследие, наша гордость и нигде в мире таких нет! Е., Санкт-Петербург.

Прежде всего для меня шиханы — это память и гордость за Родину. Т., Москва.

Для меня башкирские шиханы — это мой дом. Я родилась у подножия Куштау, в п. Мебельном. Все детство и юность неразрывно связано с этой горой, лесом, произрастающим на шихане и речкой, огибающей Куштау. З. Сургут.

Шиханы являются символом региона. М., Берлин.

Это коралловые рифы теплого Пермского моря. [Нужно] оставить ее жить своей жизнью в соответствии с законами природы. Так она принесет значительно больше пользы для общества, выполняя функции от средообразующих до социальных. А., Москва.

Результаты интервью, проведенных спустя пять месяцев после обнародования планов добычи известняка для содового производства из Куштау, показали:

а) недостаточную освещенность проблемы (та как, даже несмотря на то что интервьюируемые были выходцами из Башкортостана и сохраняли связи с регионов, знали об этих планах не все, лишь некоторые могли подробно описать суть ситуации, наличие альтернативных решений);

б) восприятие интервьюируемыми природного объекта как объекта отдыха, охраны природного и культурного наследия, туризма, но не как месторождения полезных ископаемых (в этом все респонденты были солидарны).

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЛОКАДЫ И ДРУГИХ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРИЕМОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ВОПРОСАХ ОСВЕЩЕНИЯ БУДУЩЕГО ГОРЫ КУШТАУ

Процесс борьбы за сохранение горы Куштау условно можно поделить на два этапа: «мирный период» (осень 2018 — июль 2020 г.) и «период обострения» (1 августа — 2 сентября 2020 г.). Каждый из периодов имел собственную цель: сначала рассказать о проблеме для создания альтернативного общественного мнения и (привлечь на втором этапе) как можно больше союзников для поддержки гражданских защитников горы. При этом оба этапа в общем виде имели основной целью преодолеть информационную блокаду и одностороннее преподнесение информации о проблеме. Отличие также состояло в том, что в период обострения ситуации освещать требовалось не только саму проблему выбора решения вести добычу на Куштау, но и возникшую реальную угрозу горе, а также активистам, которые ее защищали. Создание лагеря добровольцев, дежуривших у горы, поставило задачу информационной поддержки лагеря для обеспечения его существования до решения проблемы. Отсутствие активистов на природном объекте позволило бы предприятию без промедлений приступить к хозяйственной деятельности, которая бы нарушила целостность природного объекта. Также в «период обострения» добавилась задача сверхоперативного распространения информации о происходящем, так как временная задержка даже на несколько часов могли привести к непоправимым последствиям.

В «мирный период» перед движением стояли следующие задачи:

- 1) ведение группы в соцсетях: донесение ценности Куштау, способов сохранения шихана, альтернативных (безызвестных) технологий производства соды; развенчание мифов; призыв присоединиться к кампании по отправке массовых обращений в органы власти, СМИ, блогерам; презентация видов горы, птиц, животных, растений, сбор фотографий;

- 2) участие в мероприятиях (круглых столах, организованных Советом по правам человека при Президенте РФ, газетой «Bonus», общественностью; форумах: Общероссийский гражданский форум, Международный форум урбанистики в Уфе) для привлечения сторонников в экспертном обществе;

3) проведение акций — флешмобов: офлайн «Живая цепь» (в декабре 2019 г., январе и феврале 2020 г.), онлайн «МыЗаКуштау» (осень 2019 г.);

4) обращение в природоохранные организации (Европейскую ассоциацию охраны геологического наследия «ProGEO», «Greenpeace», «Движение ЭКА»);

5) обращения и публикации в СМИ, в том числе тематических, косвенно связанных с проблемой («7×7», «Новая газета», «Реальное время», Activatica.org; посвященные путешествиям — «Вокруг света»);

6) работа с мессенджерами (Whats'app): ведение чатов, рассылка сообщений;

7) съемка фото- и видеоматериалов для распространения.

В «период обострения» стало ясно, что без широкого резонанса лагерь уничтожат до того, как появится возможность правового решения вопроса, и начнется хозяйственная деятельность на горе.

Распространение информации происходило через:

1) СМИ, в том числе иностранные;

2) лидеров общественного мнения, известных медийных личностей (Ю. Шевчук, М. Галкин, С. Казанова, Л. Утяшева, Face), блогеров (Г'morganicblog, П. Пашков и др.);

3) обычных граждан (через соцсети, в первую очередь Instagram, «ВКонтакте» и мессенджеры).

Рассылка в СМИ была эффективна в случае отправки краткого описания проблемы, истории спора, приложения фото-, видеокладов, перевода (для иноязычных СМИ).

Очень эффективным стало распространение информации через Instagram, где популярностью пользовались короткие «сторис» текстового формата с описанием ситуации или короткие видео с места событий. Пользователи «скринили» текстовые «сторисы» и размещали их в своих аккаунтах, что создавало эффект «сарафанного радио» и позволяло в короткий срок широко распространить информацию. Также были эффективны простые публикации фото- или видеокладов с развернутым описанием событий, которые другие пользователи «репостили» в своих «сторис». Распространение посредством этого канала позволило донести информацию о ситуации за пределы региона и даже страны.

Через чаты происходило распространение информации об угрозах, постах ДПС, препятствовавших проезду к горе, сигналах тревоги (на-

падениях на лагерь), задержаниях активистов. Это позволяло своевременно подавать информацию жителям региона.

Для распространения информации в «горячий период» также были актуальны круглые столы в рамках экспертного сообщества, которые были проведены силами газеты «Bonus», КПРФ, Общественной палаты РФ. Любое событие в этот и «мирный период» обретало дополнительное значение создания инфоповода для дальнейшей огласки.

В «горячий период» важным стимулом для распространения информации стало ощущение несправедливости, происходившей в отношении как ценного природного объекта, так и активистов (особенно женщин, пенсионеров). Заграничные флешмобы и пикеты (в Бостоне, Нью-Йорке, Барселоне, Мюнхене), митинг перед штаб-квартирой ООН в Нью-Йорке создавали инфоповоды для иностранных СМИ.

Важно отметить, что эти задачи формировались стихийно, постепенно осознаясь незнакомыми друг с другом людьми как необходимые действия для достижения конечной цели — сохранения уникального природного объекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пример информационной политики, проводимой в отношении судьбы природного объекта горы-шихана Куштау, показал, что манипулирование общественным мнением, касающегося острых экологических проблем, рано или поздно вынуждает граждан бороться за получение достоверной информации. Одновременно использование приемов манипулирования, например замалчивание информации, ее искажение или однобокое освещение ситуации, приводит к усугублению проблемы, провоцирует социальную напряженность, недоверие к СМИ и государству (если оно воздерживается от обсуждения «неудобных» тем). В условиях роста количества точек экологических противостояний в стране это может привести к усилению общественной конфронтации, росту протестных настроений, политической нестабильности. В свою очередь, своевременное освещение экологических проблем, их обсуждение в рамках экспертного сообщества, учет мнения населения, поиск новых способов решения позволят не только предотвратить обострение ситуации, но и снизить вред окружающей среде.

Приведенные в исследовании способы преодоления информационной блокады, а также других манипулятивных приемов, использованные

в процессе защиты гражданами уникального остатка рифового массива Куштау, выявили возможность создания силами гражданского общества альтернативного, более объективного информационного потока. Широкое освещение проблемы в социальных сетях не только помогло мобилизовать граждан к выражению своего мнения и защите горы, но и привлекло внимание независимых СМИ. Огласка проблемы на федеральном и даже международном уровне сыграла одну из ключевых ролей в последующем решении о сохранении горы и обеспечении Куштау защиты путем создания на ее землях особо охраняемой природной территории.

Вопросы защиты окружающей среды — одно из важнейших направлений деятельности государства, поскольку от ее состояния зависит жизнь каждого человека. Поверхностное, небрежное (намеренное или случайное) отношение к информации в отношении вопросов экологии должно уступить место разумному, бережному соучастию, которое станет залогом успешного развития общества и его экологического благополучия.

Литература

Бегун Т.В. Градообразующее предприятие: понятие, критерии отнесения, классификация // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2015. № 2 (7). С. 36–41.

Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности. Екатеринбург: Урал, 2016. 67 с.

Зелинский С.А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методов. СПб.: Скифия, 2008. 248 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015. 219 с.

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996. 352 с.

Черникова В.Е. Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 3. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/3/philosophy/chernikova.pdf (дата обращения: 15.08.2020).

Источники

Амиров А. Без поддержки социалку не поднять // Интернет-портал «Российской газеты». 25.02.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/25/reg-pfo/s-zakrytiem-bsk-v-sterlitamake-mogut-svernut-socialnye-programmy.html> (дата обращения: 25.12.2018).

Башкирцев Р. Денис Мантуров: У нас до сих пор проходят баталии в Башкирии по соде // Мксет: новости Уфы и Башкирии. 24.05.2018. URL: <https://mkset.ru/news/economy/24-05-2018/denis-manturov-u-nas-do-sih-por-prohodyat-batalii-v-bashkirii-po-sode> (дата обращения: 25.12.2018).

Беляев А. Римма Утяшева о Торатау: «Наконец-то в этом деле поставлена точка» // Bash.News — Актуальные новости Уфы и Республики Башкортостан, аналитические материалы, обзорные статьи и мнения специалистов. 9.12.2018 URL: <https://bash.news/news/85804-rimma-utyasheva-o-toratau-nakonets-to-v-etom-dele-postavlena-tochka> (дата обращения: 25.12.2018).

Блажнова О. Гора непонимания. Что дали протесты защитников шихана Куштау в Башкирии // Аргументы и Факты. 17.08.2020. URL: https://ufa.aif.ru/society/details/gora_neponimaniya_chno_dali_protesty_zashchitnikov_shihana_kushtau_v_bashkirii (дата обращения: 17.08.2020).

В Башкортостане создадут рабочую группу по вопросам промышленной разработки шихана Куштау // Официальный сайт главы Республики Башкортостан. 13.02.2020 https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/130574.html (дата обращения: 15.08.2020).

Грей Э. // ВКонтакте. 16.08.2020. URL: https://vk.com/elvingrey?w=wall3856851_342517 (дата обращения: 15.08.2020).

Жировкин А. «Сода» растворилась. Главный тренер «Содовика» Александр Игнатенко: Почему убили «Содовик»? // Советский спорт. 18.12.2006. URL: <https://www.sovsport.ru/football/articles/245395-soda-rastvorilas-glavnyj-trener-sodovika-aleksandr-ignatenko-pochemu-ubili-sodovik> (дата обращения: 17.08.2020).

Лотфуллина Д. В БСК активистов на шихане Куштау назвали экстремистами // ProUfu.ru. 7.08.2020. URL: https://proufu.ru/news/spec/kushtau/95221-v-bsk_aktivistov_na_shikhane_kushtau_nazvali_ekstremistami/ (дата обращения: 15.08.2020).

Мурзагулов Р. // Facebook. 23.09.2020. URL: <https://www.facebook.com/moorgross> (дата обращения: 15.10.2020).

На средства БСК Фонд социальных программ РБ профинансировал новое украшение Стерлитамака // БСК. 13.12.2019. URL: <https://www.soda.ru/ru/news/detail/1243/> (дата обращения: 10.04.2020).

«Редколлегия». Рустем Басыров, Наталья Павлова, Артур Асафьев, Руслан Валиев // Эхо Москвы в Уфе. You-tube-видеохостинг. 7.08.2020 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h4vOmYuyzYM> (дата обращения: 15.08.2020).

Репортаж с места событий с охраной БСК-Сырьевая компания и лесниками на Куштау. 03.08.2020 г. // Night Ufa. You-tube-идеохостинг. 3.08.2020 URL: https://www.youtube.com/watch?v=OOof_sClEpIc (дата обращения: 3.08.2020).

Семина М. Грант БСК позволил вывести спортивные соревнования на новый уровень // Mkset: новости Уфы и Башкирии. 12.12.2018. URL: <https://mkset.ru/news/sport/12-12-2018/grant-bsk-pozvolil-vyvesti-sportivnye-sorevnovaniya-na-pochuu-uroven> (дата обращения: 10.04.2020).

Социальная политика БСК: итоги года // Mkset: новости Уфы и Башкирии. 26.12.2017. URL: <https://mkset.ru/article/tilda/26-12-2017/blagie-dela-bashkirskoy-sodovoy-kompanii> (дата обращения: 10.04.2020).

Столкновения у горы Куштау: задержаны 25 активистов // Радио Свобода. 15.08.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30785398.html> (дата обращения: 15.08.2020).

Степанова А. Скандал вокруг шиханов: Куштау — новый «Шиес»? // ИА REGNUM. 13.08.2020. URL: <https://regnum.ru/news/society/3035476.html> (дата обращения: 15.08.2020).

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям (на 01.01.2020) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/CcG8qBhP/mun_obr2020.rar (дата обращения: 15.08.2020).

Член Общественной палаты России: «Ситуация вокруг Куштау — очень простая» // Башинформ. 10.08.2020 URL: <https://www.bashinform.ru/m/news/1480890-chlen-obshchestvennoy-palaty-rossii-situatsiya-vokrug-kushtau-ochen-prostaya/> (дата обращения: 15.08.2020).

Фатхуллина Н. «Деньги ведь не пахнут»: позиция лидеров мнений Башкирии по поводу разработки Куштау // ProUfu.ru. 14.08.2020. URL: https://proufu.ru/news/spec/kushtau/95428-dengi_ved_ne_pakhnut_pozitsiya_liderov_mneniy_bashkirii_po_povodu_razrabotki_kushtau/ (дата обращения: 15.08.2020).

Хабиров Р. // Instagram. 7.12.2018 URL: <https://www.instagram.com/p/BrFoARCA8L/?igshid=k3zg6dx3dlf7> (дата обращения: 7.012.2018).

Хабиров Р. Послание Государственному Собранию — Курултайу Башкортостана // Официальный сайт главы Республики Башкортостан. 10.12.2019. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/128798.html (дата обращения: 10.12.2019).

Хасанова А. Правда о разработке Куштау: что происходит на горе в Башкирии // Благоварские вести. 10.08.2020. URL: <https://blagovar-vesti.rbsmi.ru/articles/aktualno/Pravda-o-razrabotke-Kushtau-chto-proishodit-na-gore-v-Bashkirii-403404/> (дата обращения: 15.08.2020).

Чернова С. Пришли к компромиссу: БСК возьмет в разработку один из шиханов // Уфа1.ру. 7.12.2018. URL: <https://ufa1.ru/text/economics/65711401/> (дата обращения: 10.04.2020).

Эксперты рассказали о последствиях закрытия содового завода в Башкирии // Россия сегодня. 31.07.2018 (обновлено 03.03.2020). URL: <https://ria.ru/20180731/1525698563.html> (дата обращения: 15.08.2020).

MANIPULATION OF PUBLIC OPINION IN ENVIRONMENTAL CONFLICT IN KUSHTAU

K. Gorbacheva

(carriestr@gmail.com)

*Inter-regional environmental public organization «Eka»,
Moscow, Russia*

Citation: Gorbacheva K. Manipulyatsii obshchestvennym soznaniyem v ekologicheskom konflikte na Kushtau [Manipulation of public opinion in environmental conflict in Kushtau]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 204–231. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.8>

Abstract. *The article describes the results of a study of civil protest in the Republic of Bashkortostan against the destruction of the mountain-Shikhan Kushtau, which is a world geological heritage. The subject of the research is manipulation of public consciousness in environmental conflict and their overcoming. The research is based on the theory of manipulation of public consciousness, which explains the achievement of a certain level of consent in society and passive behavior in a situation of social conflict through the use of manipulative techniques in information policy. The author analyzes the different channels of dissemination of information on the topic of Kushtau on the presence in them of signs of the use of manipulative techniques. Materials in the media and other information sources were also analyzed to determine whether the images of the situation offered by various actors correspond to the real state of Affairs. Manipulation techniques are systematized. Data from in-depth interviews were analyzed to determine the level of awareness of natives of Bashkortostan, now living in other Russian cities, about the problem of industrial development of Shikhan Kushtau. The mechanism of overcoming manipulative influence used by the public movement in defense of Kushtau was considered, which eventually led to the decision of the authorities to preserve the mountain and provide it with state protection.*

Keywords: *manipulation of public opinion, mass consciousness, information distribution channels, mass media, environmental movement, civil society, network participation.*

References

Begun T.V. Gradoobrazuyushcheye predpriyatiye: ponyatiye, kriterii otneseniya, klassifikatsiya [City-forming enterprise: concept, criteria for assignment, classification], *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement], 2015, 2 pp. 36–41. (In Russian)

Chernikova V.Ye. Manipulyatsiya massovym soznaniyem kak fenomen informatsionnogo obshchestva [Manipulation of mass consciousness as a phenomenon of the information society], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, 3. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/3/philosophy/chernikova.pdf (accessed: 15.08.2020). (In Russian)

Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2020 goda [The population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2020], Web-site *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/CcG8qBhP/mun_obr2020.rar (accessed: 15.08.2020). (In Russian)

Gorina Ye. V. *Kommunikativnyye tekhnologii manipulyatsii v SMI i voprosy informatsionnoy bezopasnosti* [Communicative technologies of manipulation in the media and issues of information security]. Yekaterinburg: Ural, 2016. 67 p. (In Russian)

Kara-Murza S.G. *Manipulyatsiya soznaniyem. Vek XXI* [Manipulation of consciousness. XXI Century]. Moscow: Algoritm, 2015. 219 p. (In Russian)

Noel'-Noyman E. *Obshchestvennoye mneniye. Otkrytiye spirali molchaniya* [Public opinion. Opening a spiral of silence]. Moscow: Progress-Akademiya, 1996. 352 p. (In Russian)

Zelinskiy S.A. *Manipulyatsii massami i psikhoanaliz. Manipulirovaniye massovymi psikhicheskimi protsessami posredstvom psikhoanaliticheskikh metodik* [Mass manipulation and psychoanalysis. Manipulation of mass mental processes through psychoanalytic techniques]. St. Petersburg: Skifiya, 2008. 248 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (abc_46@mail.ru).

Гольбрайх Владимир Бенъяминович, научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (vgolbraih@mail.ru).

Горбачева Карина Ирековна, координатор программы, Межрегиональная экологическая общественная организация «ЭКА», Москва (carrier@gmail.com).

Даугавет Александра Борисовна, научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (a.daugavet@socinst.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (alexander-duka@yandex.ru).

Жуков Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (inaternatum@mail.ru).

Колесник Наталия Владимировна, кандидат социологических наук, ученый секретарь Социологического института РАН, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (n.kolesnik@socinst.ru).

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (vledyaev@hse.ru).

Невский Андрей Владимирович, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (anevskij@yandex.ru).

Пустовойт Юрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com).

Рябова Оксана Александровна, кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ryabova.ok@gmail.com).

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (seltser@yandex.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Сектора исследований личности Института социологии РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (chirikova_a@mail.ru).

Шентякова Анна Владимировна, кандидат политических наук, ассистент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (anna_pedagog@mail.ru).

CONTRIBUTORS

BYSTROVA, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

CHIRIKOVA, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (chirikova_a@mail.ru).

DAUGAVET, Aleksandra, researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (a.daugavet@socinst.ru).

DUKA, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (alexander-duka@yandex.ru).

GOLBRAIH, Vladimir, researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (vgolbraih@mail.ru).

GORBACHEVA, Karina, program coordinator, inter-regional environmental public organization “Eka”, Moscow (carriestr@gmail.com).

KOLESNIK, Natalya, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (n.kolesnik@socinst.ru).

LEDYAEV, Valeriy, PhD, Dr. of Sc. (Political Sc.), Professor of the National Research University “Higher School of Economics” (Moscow) (valeri_ledyaev@mail.ru).

NEVSKIY, Andrey, junior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (anevskij@yandex.ru).

PUSTOVOIT, Yury, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assoc. Prof., Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk) (pustovoit1963@gmail.com).

RYABOVA, Oksana, Candidate of Sc. (Political Sc.), research fellow of the Department for the study of political institutions and processes, Perm' Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (ryabova.ok@gmail.com).

SELTSER, Dmitriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., International relations and political science department, Derzhavin Tambov State University (seltser@yandex.ru).

SHENTYAKOVA, Anna, Candidate of Sc. (Political Sc.), assistant of the department of political institutions and applied political science, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science; Associate Research Fellow at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (anna_pedagog@mail.ru).

TEV, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis-tev@mail.ru).

ZHUKOV, Dmitriy, Candidate of Sc. (History), Assoc. Prof., International relations and political science department, Derzhavin Tambov State University (inaternatum@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 7

Выпуск 1

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 09.12.2020.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 13,5. Уч.-изд. л. 13.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40